

МОНМАТИЯ

КОРОЛЬ-ДЕМОН

СЕРИЯ О ТЕМНОМ КОРОЛЕ

Крис Ванч

Кристофер Банч Король-Демон

Серия «Сага о Темном Короле», книга 2

Сканирование – Игорь Серафимов; распознавание и вычитка – Сергей

Чикилев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126009

Банч К. Король-Демон: Роман: Эксмо, Домино; М.; 2004

ISBN 5-699-02494-8

Оригинал: ChrisBunch, "The Demon King", 1998

Перевод:

Сергей М. Саксин

Аннотация

Вот уже десять лет отважный воин Дамастес верой и правдой служит провидцу Тенедосу, ставшему императором Нумантии. Однако кровавое правление Тенедоса не принесло Империи долгожданного мира и обещанного процветания – она по-прежнему во власти сил Зла. Более того, Дамастесу приказано готовиться к новой войне с очень опасным и сильным противником, владеющим темными секретами древней магии. И вот тогда открывается страшная правда о тайном соглашении, заключенном Тенедосом в борьбе за трон, и о высочайшей цене, которую предстоит заплатить ради спасения Империи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	62
Глава 4	100
Глава 5	143
Глава 6	167
Глава 7	208
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Крис БАНЧ

КОРОЛЬ-ДЕМОН

*Посвящается Дэни Барору и семейству
Стадвеллов:*

Крэггу, Джан, Гиллиану, Мэттью и Меган

Глава 1

ЗОЛОТОЙ ТОПОРИК

Мы с Маран остались живы только благодаря тонкому слуху мальчишки-форейтора. Услышав треск, он резко натянул поводья. Стоявший у дороги раскидистый дуб начал падать. Перепуганные лошади резко осели, сползая в ров. Огромный ствол рухнул прямо перед нашей каретой.

Маран, вскрикнув, слетела со своего места и угодила прямо в мои объятия. Меня, в свою очередь, откинуло назад. Экипаж опасно накренился, потеряв разлетевшееся в щепки колесо. Кто-то пронзительно закричал; испуганно ржали обезумевшие лошади. Выбравшись из-под Маран, я ногой распахнул дверцу кареты и выкатился наружу, инстинктивно выхватывая меч, с которым никогда не расставался.

Но сражаться было не с кем. Мой роскошный экипаж завалился набок, восьмерка лошадей рвалась в разные сторо-

ны, пытаясь вырваться из упряжи. Всадники, сопровождавшие меня, сбились в беспорядочную растерянную кучу.

Вдалеке на склоне холма я увидел облачко пыли: неизвестный гнал своего коня галопом, унося ноги.

Послышались крики: «колдовство», «магия», «догнать сукиного сына!». Легат Балк стал спешно собирать добровольцев, чтобы броситься в погоню за неудавшимся убийцей, но его остановили я, капитан Ласта и, что было грубым нарушением устава, Карьян, мой ординарец.

Моя жена выбралась из толпы причитающих фрейлин и служанок, высыпавших из кареты, ехавшей следом за нашей.

– Ты не ушиблась? – спросил я.

– Нет, – улыбнулась Маран. – Только трянуло немножко.

Что случилось?

– Судя по всему, – сказал я, – каллианцы, прослышав о нашем приезде, таким образом выразили свое отношение к нему.

– Но...

– Пойдем со мной, посмотрим, быть может, нам удастся это выяснить.

Я помог супруге выбраться из просторного экипажа, в течение последних восьми лет бывшего мне домом в большей степени, чем любой из моих дворцов, и мы подошли к огромному дереву, перегородившему дорогу. Никакого сомнения даже быть не могло: колдовство. Толстый ствол, не тронутый гнилью, не расколовшийся, был аккуратно срезан. Увидев в

траве что-то блестящее, я нагнулся и подобрал крошечный золотой топорик размером не больше дюйма. В этот момент ко мне подбежал командир 17-го Юрейского Уланского полка.

– Домициус Биканер, вышли дозорный отряд на тот холм, – сказал я. – Скажи своим людям, пусть ищут дубовую ветку, перерезанную пополам.

Биканер молодежато отсалютовал.

– Слушаюсь!

Я продолжил осмотр упавшего дуба.

– Взгляни сюда, – указал я на то место, где сочился соком ровный свежий срез.

Маран провела пальцем по символам, вырезанным в коре.

– Похоже, все произошло вот как, – сказал я. – Колдун сделал на стволе зарубку, вставил в нее свой заколдованный топорик, а затем отпилил ветку и забрал ее с собой. Вырезанные на стволе символы должны были обеспечить, как сказал бы император Тенедос, влияние части на целое.

Колдун пропустил головной отряд улан, выбрав в качестве мишени нашу карету – самый большой и роскошный экипаж во всем кортеже. Он перерезал ветку, и, как только она переломилась надвое, дерево рухнуло. На наше счастье, мошенник неверно рассчитал время.

– Не понимаю, как ты можешь быть таким легкомысленным, – изумилась Маран. – Этот ублюдок мог нас убить!

– После первой дюжины неудачных попыток, – небрежно

заметил я, – «мог меня убить» звучит ничуть не хуже, чем «даже не думал об этом».

– Почему ты не позволил всадникам броситься в погоню?

– Потому что, готов поспорить, за ближайшим холмом мошенника поджидала сотня дружков. Колдуны всегда обеспечивают себе надежное прикрытие.

– Трибун Дамастес, ты слишком умен, – усмехнулась Маран, – А теперь скажи... ты перестал на меня злиться?

Постоялый двор, в котором мы провели прошлую ночь, был просто отвратительным – с этим не поспоришь. Хозяин грубил, в комнатах было грязно, а ужин оказался совершенно несъедобным, так что нам пришлось довольствоваться солдатскими пайками, которыми поделились с нами уланы. Вызвав к себе хозяина, Маран подробно объяснила ему, какая же он бестолковая свинья, добавив, что, будь ее воля, эту забегаловку стерли бы с лица земли как представляющую угрозу для жизней постояльцев, а его самого, отъявленного прохвоста, хорошенько бы выпороли. Хозяин, бестолковый осел, все же понимал, что, если бы дело происходило на землях, принадлежащих моей супруге, она действительно приказала бы спалить его заведение. Гордая фамилия Аграмонте уходила в прошлое Нумантии глубже, чем самые древние законы.

На мой взгляд, Маран вела себя как сварливая, заносчивая стерва, и, когда хозяин убрался прочь, я так ей прямо об этом и сказал. Что с моей стороны было весьма глупо.

Если человек рождается, чтобы унаследовать неисчислимые богатства, а все остальные люди существуют только для того, чтобы ему прислуживать, едва ли он будет спокойно терпеть дураков. К тому же у моей жены характер почти такой же вулканический, как у меня.

– Мадам, я перестал на вас злиться, – улыбнулся я. – А ты укоротишь свой острый язычок?

– Возможно.

Вокруг упавшего экипажа суетились люди. Послышались громкие крики, и карету подняли и вытащили изо рва. В обозе нашлось запасное колесо, и слуги стали устанавливать его на место.

– По-моему, здесь и без нас разберутся, – заметила Маран. – Не желает ли благородный трибун составить мне компанию, чтобы прогуляться в роще и размять ноги?

– Желает.

– Не желает ли благородный трибун отойти от установленного порядка и оставить охрану на дороге?

– Будет ли мадам чувствовать себя в безопасности? В конце концов, сейчас мы находимся в Каллио, и нам только что довелось быть свидетелями отношения к нам местных жителей.

– Но у тебя ведь меч при себе? Кого мне бояться, если рядом со мной такой храбрый мужчина?

– Тебе не кажется, что ты несколько переусердствовала?

Маран хихикнула.

– Мне просто хотелось узнать, долго ли я смогу нести эту чушь, прежде чем ты начнешь ворчать.

Она увлекла меня в небольшую рощицу у самой дороги. Карьян последовал было за нами, но я приказал ему остаться у кареты. Сезон Жары был в самом разгаре; воздух был знойным и сухим. Как только мы спустились с дороги, наступила полная тишина, нарушаемая лишь шарканьем нашей обуви, шелестом длинного шлейфа платья Маран по сухой траве и сонным жужжанием пчел. Подойдя к каменной глыбе, торчащей из земли под углом, жена прижалась к ней спиной.

– Обожаю это время года, – сказала она. – Когда я так потею, мне кажется, что все тело смазано маслом.

Ее верхняя губа покрылась тонкой пленкой испарины, и Маран медленно слизнула ее.

– Разве это не моя задача? – хрипло произнес я.

– Я ничего не имею против.

Склонившись к Маран, я поцеловал ее, и наши языки переплелись друг с другом. Ее корсаж, застегивающийся с двух сторон наподобие армейского колета, упал, открывая торчащую упругую грудь с твердыми налившимися сосками. Медленно раздвинув ноги, Маран задрала платье, обнажая стройные бедра. Нижнего белья на ней не было. Откинув голову назад, на камень, она подняла ноги, обвивая ими мои бедра.

– Да, Дамастес. Вперед, я жду!

Мы вернулись к экипажу с самым невинным видом, не об-

ращая внимания на смятую одежду. Отведя Карьяна в сторону, я напомнил ему, что командирам очень не нравится, когда нижние чины отменяют их распоряжения, – а именно так он только что поступил с легатом Балком.

– Так точно, господин! Надо было позволить этому щенку броситься в погоню, чтобы его там пристукнули, а с ним в придачу еще много достойных воинов. Покорнейше прошу прощения. Если такова будет воля трибуна, пусть он снимает с меня лычки, и я снова стану простым всадником.

Выругавшись, я заверил Карьяна, что, хоть я и трибун, ничто не помешает мне отвести его за конюшни и вернуться оттуда одному, – раз он хочет перевести наши отношения на такой уровень. Похоже, мои угрозы не произвели на него никакого впечатления. Карьян, служивший мне спустя рукава в мирное время и буквально преображающийся в тяжелую годину – он уже с полдюжины раз спасал меня от верной гибели, – относился с презрением к чинам, кто бы их ни носил, другие или он сам. Произведенный в капралы, он при первой же возможности впутывался в какую-нибудь историю и тотчас бывал разжалован. Я уже семь раз вручал ему лычки и восемь раз снимал их.

Но я считал Карьяна частью атрибутов, которыми я обладал как первый трибун. Кроме того, мошенник приносил мне удачу. Кое-кто называет меня Дамастесом Прекрасным, что меня весьма смущает, хотя, вынужден признать, я действительно люблю яркие наряды и иногда даже сам их при-

думываю. Всем известен также отряд моих отборных телохранителей, Красных Уланов, бывалых вояк, закаленных в бесконечных стычках на границе, добровольно изъявивших желание служить мне верой и правдой. Седла и сбруи лошадей, а также сапоги и шлемы отделаны красным. Деревки пик также выкрашены в красный цвет, и даже латы с помощью колдовства тоже приобрели красноватый оттенок. В бою Красные Уланы снискали себе славу, как нельзя лучше отвечающую их прозвищу.

Кроме того, у меня есть 17-й Юрейский Уланский полк, который я считаю «своим», поскольку именно его мне доверили, когда только назначили легатом. Император ворчал, когда я попросил его позволения отвести 17-й полк от границы. Однако порученное мне дело было настолько важным и сложным, что я мог воспользоваться для достижения цели любыми средствами, какие только считал нужными.

Сейчас я попросил Маран сопровождать меня не только потому, что слишком большую часть нашей супружеской жизни мы проводили далеко друг от друга. Моя жена обладает несомненным дипломатическим даром. Я надеялся, что смогу сохранить в Каллио мир и спокойствие, дав Маран возможность воспользоваться своим талантом.

Когда мы с императором пробудили демоническое чудовище, расправившееся с Чардин Шером и его черным колдуном Микаэлом Янтлусом, пламя восстания погасло. Это поняли все – все, кроме каллианцев.

Снова и снова жители Каллио восставали против своего справедливого императора. Иногда эти выступления носили организованный характер, но по большей части все ограничивалось стихийным бунтом толпы. Что хуже, каждый, похоже, считал себя душой повстанцев. Каллианцы исстари кичились своим превосходством над всеми остальными жителями Нумантии, но при этом раньше они всегда отличались законопослушанием. Увы, теперь это осталось в прошлом.

Не имело никакого значения, является глава провинции, назначенный императором, тираном-самодуром или безвольной тряпкой; правит он, подчиняясь здравому рассудку и закону, или же опирается на силу меча, ублажая свои капризы; уроженец он Каллио или же чужак в здешних краях. Как только он потребовал от каллианцев присягнуть на верность императору, сидящему в далекой Никее, снова пролилась кровь.

В крупных городах пришлось разместить военные гарнизоны, основные дороги патрулировали отряды всадников, а гонец, отправлявшийся со срочным донесением, был вынужден брать с собой вооруженную охрану, если не хотел очутиться во рву с перерезанным горлом. Даже купцов и мирных путешественников, которым не было никакого дела до правителей, выяснявших отношения друг с другом, безжалостно убивали или захватывали в плен с целью выкупа.

Четыре сезона назад император назначил своего брата Рейферна принцем-регентом Каллио, рассчитывая, что эта

провинция отнесется с уважением к фамилии Тенедос и успокоится.

Его надеждам не суждено было сбыться, и вот сейчас я направлялся в Каллио в качестве военного наместника, имея приказ императора любыми средствами не допустить, чтобы его брат потерпел неудачу, как случилось со всеми предшественниками, и выставил на посмешище гордую фамилию Тенедос.

Рейферн Тенедос был старше своего венценосного брата Лейша и внешне совершенно на него не похож. Он был высокий, в то время как император не отличался большим ростом, худой, тогда как Провидец вечно боролся с маленьким брюшком. Его овальное вытянутое лицо обладало своеобразной красотой. Круглолицый император еще совсем недавно был по-мальчишески привлекателен, но бремя власти быстро его состарило. Сейчас казалось, что разница в возрасте в пять лет, бывшая у нас с императором тогда, когда я с ним впервые встретился, увеличилась по меньшей мере вдвое.

Но самое разительное отличие было в глазах. Горящие жарким пламенем могущества глаза императора приковывали взгляд собеседника, в то время как глаза Рейферна были блеклые и какие-то линялые и все время смотрели куда-то в сторону.

Мы с Маран раза три-четыре встречались с Рейферном при дворе, обмениваясь лишь парой учтивых фраз. Если бы он не носил фамилию Тенедос, уверен, я бы уже на следую-

щее утро не вспомнил, как он выглядит и о чем мы с ним говорили.

И репутацию вот такого «вождя» я должен спасать.

Но я давно привык к тому, что император бросал меня в самое пекло. В последнее время покой мне только снился.

Одиннадцать лет назад я, двадцатилетний легат, торчал в захудалом гарнизоне на дальней границе. Через три года, став первым трибуном, заняв высшую ступень в воинской иерархии, я в кафедральном соборе Никеи, столицы Нумантии, провозгласил Лейша Тенедоса императором всей Нумантии, возведя на престол сильного и мудрого правителя и положив этим конец бредовым капризам Совета Десяти.

Но почему страна так и не обрела мира и спокойствия? Почему, вместо того чтобы командовать гарнизоном всадников в какой-нибудь глуши, охраняя границы своей родины от набегов воинственных хиллменов, я вот уже восемь лет мотался по всей империи, усмиряя голодный бунт тут, ловя разбойников там, подавляя крестьянские волнения в третьем и четвертом месте, расправляясь с мятежом в полку... Мне пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы составить полный перечень всех мест, где пришлось побывать, провозглашая себя «слугой императора» и требуя немедленного повиновения, угрожая в противном случае холодной сталью стоящих за моей спиной воинов.

Я повидал выжженные поля, обезлюдевшие разоренные города, которые не могла оживить даже задорная строевая

песня. Прошлое оставило на мне свои неизгладимые отметины. Я непроизвольно дотронулся до точки между ребрами, куда вошла нацеленная колдовством стрела. Прошло уже почти два года, но рана так до сих пор и не затянулась окончательно. Она осталась зримым напоминанием о том страшном кошмаре, когда меня направили во главе трех полков усмирить так называемые «незначительные волнения» в отдаленной западной провинции Кхох, возглавляемые якобы какой-то деревенской ведьмой, выучившейся двум-трем заклинаниям. Как выяснилось, нам пришлось иметь дело с настоящей опытной колдуньей, умеющей удерживать души в телах смертельно раненных воинов, заставляя их продолжать сражаться.

Мерзкие подручные этой колдуньи рассеяли два моих полка. Меня самого вынес с поля битвы один из Красных Уланов, а потом долго выхаживала деревенская знахарка. Затем я несколько недель валялся в лихорадке в своем шатре, слушая близкое поскрипывание Колеса.

Но все же мне удалось выкарабкаться. Оправившись от ран, я вернулся с дюжиной полков, и колдунья вместе со своими чудовищами встретила жуткую смерть.

Но мои душевные раны доставляли мне больше страданий: Нумантия остро нуждалась в мире, но никак не могла его получить.

Пожав плечами, я отмахнулся от черных мыслей. Такие премудрости не для моего ума.

Эх, если бы я проявил упорство, заставил себя думать...
Возможно, мне удалось бы что-нибудь изменить.

Быть может, я смог бы отвратить злой рок, стремительно
надвигавшийся на меня и мою Нумантию.

Глава 2

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРУ!

Золотым летним вечером мы въехали в Полиситтарию. Этот древний город заслуженно славится своей красотой. Много столетий назад здесь возвел свой замок какой-то воинственный феодал. Одинокая цитадель, сложенная из прочного камня на вершине высокой горы, должна была выдерживать набеги каких-то врагов, о которых уже и память стерта. Постепенно замок разрастался; когда наступили мирные времена, он превратился в город и спустился в долину к реке.

Поднявшись на последний холм, откуда открывался живописный вид на Полиситтарию, мы остановились на несколько минут, чтобы стряхнуть с себя дорожную пыль и принять хоть сколько-нибудь приличный вид.

Нам можно было бы и не беспокоиться. При нашем приближении ворота распахнулись – домициус Биканер выслал вперед всадников. Восторженной толпы встречающих не было – зловещий знак. Больше того, не было *вообще* никакой толпы. Музыканты маленького военного оркестра дули в трубы и рожки изо всех сил. Все они были нумантийцами, как и часовые и горстка государственных чиновников, встретивших нас немногочисленными приветственными крика-

ми, отражающимися от каменных стен.

Так или иначе, мы совершили торжественный въезд в город – и тотчас же последовала довольно неприятная заминка, когда целый полк конницы, семьсот всадников, две сотни Красных Улан, а также пятьдесят с лишним экипажей и повозок, моя свита и слуги попытались втиснуться в узкую кривую улочку.

Я услышал голос Карьяна, устроившегося на крыше нашей кареты: «Когда выезжаешь из города, это похоже на то, как птица исторгает из себя помет. А теперь мы пытаемся засунуть дерьмо обратно».

Мы с Маран рассмеялись, но тут процессия остановилась. Командиры выкрикивали приказания, вольнонаемные ругались, рекруты что-то бурчали себе в бороды. Надев украшенный перьями шлем, я открыл дверцу кареты. Форейтор, спасший нас, спешил и, несомненно, рассчитывая увеличить свое вознаграждение, поспешил ко мне.

Вдруг откуда-то сверху донесся крик: «Смерть императору!», и здоровенный камень, размером с мою грудь, сорвался с крыши ближайшего дома. Я бы не успел увернуться, но камень пролетел в каких-то дюймах от меня – и раздавил форейтора, раскроив ему голову и проломив ребра. Парень вернулся на Колесо, не успев даже понять, что случилось.

– Схватить негодяя! – воскликнул я, указывая на крышу.

Четыре Красных Улана, соскочив с коней, загромыхали сапогами по лестнице, но Карьян, перепрыгивая через две

ступеньки, опередил их и оказался у дверей первым. Упершись спиной в перила крыльца, он со всей силы ударил в створку каблуком, и дверь упала внутрь. Выхватив из ножен кривую саблю, Карьян ворвался в дом. Уланы последовали за ним.

Ко мне подскочил капитан Ластва.

– Сэр, я успел его разглядеть, после того как вы крикнули. Мерзавец пробежал по крыше и перепрыгнул на соседний дом. Едва не сорвался, но сумел удержаться, накажи его слепотой! Молодой парень, темные, коротко остриженные волосы. На нем были голубые штаны в обтяжку, довольно грязные, и белая рубаша. При следующей встрече я его обязательно узнаю.

Кивнув, я преклонил колено перед трупом форейтора и мысленно прочел молитву, прося Сайонджи дать мальчишке в следующей жизни все то, что я не успел дать ему в этой.

Из дома, в котором скрылись Карьян и Красные Уланы, донесся какой-то шум, и в дверях появились мои люди, толкающие перед собой старика и двух женщин средних лет.

– Вот все, кого мы там нашли, – сказал Карьян. – Подлец успел улизнуть. Лестница на чердак была завалена барахлом, а дверь наглухо заколочена. Потребовалась целая вечность, чтобы выбраться на крышу.

– Солдат, мы разберемся с этими людьми, – слышался чей-то крик.

К уланам подбежали десять человек, почему-то одетых

в мундиры никейских стражников. Тут я вспомнил, что городская стража Полиситтарии отказалась выполнять свои обязанности, поэтому имперскому правительству пришлось приглашать стражников из столицы.

Стражники, в шлемах и кирасах, были вооружены пиками, кинжалами и тяжелыми дубинками и больше походили на солдат, приготовившихся усмирять бунт, чем на блюстителей правопорядка. Тот, кто кричал, имел значок сержанта и размахивал мечом.

– Будем только рады избавиться от этих бродяг, – бросил один из уланов.

– Сэр, мы все видели! – гаркнул сержант, обращаясь ко мне. – Не будем тратить ваше драгоценное время. Мы сами наведем здесь порядок. Вот у этой стены место ничуть не хуже любого другого.

Трое стражников грубо подтащили задержанных к кирпичной стене. Остальные, достав из сумок на поясе пузырьки с бесцветной жидкостью, направились в дом.

Старик застонал, одна из женщин взмолилась о пощаде.

– Ты будешь первой, сука, – сказал сержант, обращаясь к ней. – Пользуясь властью, данной мне... – торопливо начал он стандартную фразу, занося меч.

– Сержант! – Услышав мой зычный голос, привыкший греметь в казармах, сержант застыл на месте. – Во имя Исы, черт побери, что ты собираешься сделать?

– Как я только что сказал, сэр, наводить порядок. Прика-

зы принца-регента четкие и понятные. Любой, посягнувший на жизнь нумантыйца или чиновника имперского правительства, является виновным в государственном преступлении, а за это может быть только одно наказание.

– Извини, сержант, – остановил его я, – но эта троица не имеет к случившемуся никакого отношения. Человек, пытавшийся меня убить, пришел и ушел по крышам.

– Не важно, сэр. У меня есть четкий приказ. Пособничество и укрывательство также являются тяжкими преступлениями, виновные должны заплатить за это жизнью и имуществом. Казнив этих мошенников, мы сожжем их дом. Я уже послал человека за пожарной командой. Огнеборцы проследят за тем, чтобы пожар не перекинулся на соседние здания, – хотя, была б моя воля, я бы спалил дотла весь этот проклятый богами город. Эти распоряжения исходят непосредственно от принца-регента.

Я застыл в нерешительности. Приказ – это *приказ*; вне всякого сомнения, отменить распоряжение вышестоящего начальника – не лучший способ начать службу на новом месте. Но дело, начавшееся с несправедливости, редко приводит к добру. К тому же, какой мир пытается поддержать Рейфферн? Безмолвное спокойствие могилы? Маран ждала, что я буду делать дальше.

– Сержант, я знаю, что такое приказ. Но я трибун Дамастеса а'Симабу, новый военный наместник Каллио и, следовательно, твой начальник. Здесь и сейчас я отменяю полученный

тобой приказ; кроме того, я прослежу за тем, чтобы уже к завтрашнему утру этот приказ был аннулирован на всей территории провинции. Освободи этих людей и возвращайся к исполнению своих обязанностей. А их дом останется целым и невредимым.

Поколебавшись, сержант упрямо выпятил вперед нижнюю челюсть.

– Прошу прощения, трибун. Но, как вы сами сказали, приказ есть приказ. Будьте любезны посторониться, сэр.

Он снова обнажил меч. Женщина, в глазах которой затеплилась было надежда, жалобно всхлипнула.

– Курти!

– Я здесь, сэр!

– Если этот стражник шевельнет хоть одним пальцем, пристрели его на месте!

– Слушаюсь, сэр!

– Капитан Ластва, отправь в дом взвод солдат, пусть они выведут из него стражников. Если понадобится, разрешаю применить силу.

– Будет исполнено, сэр!

Сержант с опаской посмотрел на Курти. Тот изогнул лук, подтянув тетиву к самому уху, и твердой рукой направил острие стрелы стражнику прямо в горло. На лице лучника играла едва уловимая усмешка. Оба противника носили форму, оба состояли на службе государства, но армия никогда не питала особой любви к полицейским, и те отвечали

солдатам взаимностью. Возможно, причина тому кроется в обилии пьяных ссор, в которых стражники и солдаты неизменно сражаются по разные стороны. А может быть, армия считает, что полицейские только делают вид, что их служба сопряжена с опасностями, а на самом деле преспокойненько проводят время в теплых уютных пивных, уговаривая хозяев угощать их в долг.

Залившись краской, сержант разжал руку, и меч со звоном упал на мостовую. Шагнув вперед, я подобрал оружие и вложил его стражнику в ножны.

– А теперь, как я уже сказал, возвращайся к своим обязанностям.

Сержант начал было салютовать, но, спохватившись, стремительно развернулся и стал протискиваться сквозь толпу глазееющих солдат. Стражники последовали за своим начальником, стараясь ни с кем не встречаться взглядами.

Послышался было смешок, тотчас же оборвавшийся. Только сейчас все вспомнили о мертвом теле, распростертом на мостовой, – о пареньке, всего несколько недель назад покинувшем свою деревню и убитом трусливым псом.

– Мы похороним его с почестями, полагающимися Красному Улану, – объявил капитан Ласта. Достав из седельной сумки плащ, он прикрыл труп.

Вернувшись в карету, я закрыл за собой дверцу.

– Мне это совсем не нравится, – заметила Маран.

– И мне тоже, – согласился я. – Ладно, давай доедем до

замка и посмотрим, не ждет ли нас кое-что похуже.

– Полицейский сержант предупредил тебя, что он действовал в соответствии с моим *личным* приказом? – Голос принца-регента едва заметно дрожал, но он пытался держать себя в руках.

Кроме нас двоих, в небольшой комнате для личных аудиенций, примыкающей к большому тронному залу, никого не было.

– Предупредил, ваше высочество.

– Но ты все равно отменил мое распоряжение?

– Так точно, мой господин. Вы позволите мне объяснить?

– Говори.

– Ваше высочество, я назначен к вам военным наместником. То есть именно мне придется отвечать за обеспечение порядка. Как известно, император хочет, чтобы жизнь в Каллио как можно быстрее возвратилась в нормальное русло.

– Мы все желаем того же самого, – сказал Рейферн Тенедос.

– Но если закон, установленный в Каллио, отличен от того, по которому живет, исключая случаи чрезвычайных обстоятельств, остальная Нумантия, разве здесь когда-нибудь воцарится спокойствие? Мы не можем вести себя как орда захватчиков.

– Уже и сейчас находятся такие, кто так утверждает, – сказал регент. Подавив зевок, он вымученно хихикнул. Получилось очень неубедительно. – Полагаю, я должен находить

это забавным.

– Что, мой господин?

– То, что ты здесь. Дамастес-кавалерист. Дамастес Прекрасный – я слышал, тебя так зовут. Герой тысячи сражений, лучший солдат императора.

– Это весьма спорное утверждение, ваше высочество. Я могу назвать тысячу более достойных воинов и указать на тысячу других, имена которых мне так и не удалось узнать, но зато я знаком с их героическими деяниями. Однако что вы находите в этом смешного?

– Сегодня на твою жизнь покушались дважды; к счастью, обе попытки оказались неудачными. Но ты тем не менее остаешься в полной безмятежности. Быть может, тебе лучше стать Дамастесом Добрым и служить не такому жестокому богу, как Иса, бог войны.

В голосе принца прозвучало не столько добродушное веселье, сколько едкая желчь.

Я промолчал, оставаясь в почтительном ожидании. Регент долго смотрел в окно на просторный внутренний дворик, где выстроились 17-й Уланский полк и мои Красные Уланы, готовые к смотру. Наконец он снова повернулся ко мне.

– Дамастес – именно так я хочу звать тебя, поскольку надеюсь, что нас свяжет самая теплая дружба, – возможно, ты прав. Но все же позволь считать сегодняшнее недоразумение чем-то из ряда вон выходящим. Надеюсь, впредь ты не собираешься оспаривать все мои распоряжения.

– Ваше высочество, я вообще не собираюсь оспаривать *никакие* ваши распоряжения, – твердо заявил я. – Вы правите согласно воле императора Тенедоса, а я принес ему клятву верности на своей крови. Честь и гордость моего рода состоит в том, что мы никогда не нарушали своего слова.

– Очень хорошо. – Принц опять вздохнул. Как я уже успел понять, это свидетельствовало о том, что ситуация стала слишком запутанной – а такое бывало нередко. – Давай обо всем забудем. Поговорим о хорошем. Я с нетерпением жду возможности возобновить знакомство с твоей очаровательной женой, графиней. Не пройти ли нам в тронный зал, а оттуда спуститься во двор, чтобы я смог приветствовать твое весьма впечатляющее воинство?

Я поклонился, и мы вышли.

– Каким был мой брат, когда ты с ним виделся в последний раз? – поинтересовался регент.

– Пребывал в полном здравии. Чувствовал себя отлично. Работал без устали. – Я не стал добавлять, что больше всего Тенедоса тревожила неспособность его брата успокоить Каллио.

– Лейш такой же, как всегда. Ну, а сестры?

Я постарался подобрать правильные слова. У принцесс тоже не было ни одной свободной минуты. Дални и Лея, соответственно на десять и двенадцать лет моложе своего брата-императора, похоже, преисполнились решимости добиться того, чтобы весь город Никея говорил о них больше, чем

о любом другом члене императорской семьи, в том числе и о самом императоре. Для того чтобы добиться этого, они вступали в любовные связи без разбора, не делая различия между молодыми красавцами-военными, отпрысками знатных родов, и дипломатами, посланниками отдаленных провинций. Большая часть их возлюбленных были мужчины женатые. Как говорила мне Маран, по крайней мере половина благородных дам Никеи молила богов о том, чтобы резвые сестры поскорее вышли замуж и перестали рыскать по чужим владениям, хотя даже самому заклятому врагу нельзя было пожелать такой жены, какими, судя по всему, должны были стать Дални и Лея.

– Я с ними практически не виделся, – чистосердечно признался я. – Но, по словам моей жены, их высочества весьма преуспели в искусстве помогать другим достигать желаемых результатов.

Рейферн гневно взглянул на меня, и я понял, что моя шутка оказалась чересчур смелой. В конце концов, принц ведь принадлежит к семье Тенедосов и не может быть абсолютно глуп.

Замок, возвышающийся над Полиситтарией, оказался огромным. Даже бесчисленной свите, которую привез с собой из Никеи принц Рейферн, не удалось целиком его заполнить. Чиновники из числа местных жителей бесследно исчезли, а те, кого все-таки удалось разыскать, отказались вернуться к своим обязанностям.

Я считал, что, принимая в расчет ту ненависть, с которой относятся в Каллио к нам, чужакам, принц должен был столкнуться с большими трудностями, набирая слуг. Однако замок кишел подобострастно улыбающимися каллианцами, готовыми услужить самому последнему никейцу. Решив, что, по-видимому, в Полиситтарии невозможно найти другую работу, я пожал плечами и выбросил эту мысль из головы.

Принц предложил мне подыскать апартаменты по своему усмотрению. Мне, домициусу Биканеру и Маран пришлось потратить целый день, чтобы найти подходящее место. Мы остановили свой выбор на обособленной части замка, отходящей вбок от цитадели на каменистый гребень. Эта шестиэтажная многоугольная башня соединялась с центральной цитаделью переходом с толстыми каменными стенами. Там размещались казармы, идеально подходившие для моих Красных Уланов и 17-го полка. Путь в «мою» часть крепости даже преграждали отдельные ворота, у которых я поставил часовых. Я обособился от Рейферна потому, что хотел показать всему Каллио: провинцией управляют принц-регент и император Тенедос, а я со своими солдатами нахожусь здесь лишь временно, для того чтобы обеспечить соблюдение законов Нумантии.

Мы с Маран разместились в просторных покоях с огромными переплетчатыми окнами, откуда открывался величественный вид на город и реку, извивающуюся к самому го-

ризонту, теряющуюся на плато, по которому проходила восточная граница Каллио. Холодные каменные стены были завешаны толстыми гобеленами; каждая комната была оборудована отдельным камином, и в сырые промозглые дни специальный служитель заботился о том, чтобы поддерживать в них огонь.

И, ко всему прочему, в моей башне при необходимости было очень легко держать оборону. У меня не было ни малейшего желания проверять на собственной шкуре справедливость старинного пророчества насчет того, что третье покушение бывает удачным.

Помимо слуг и вельмож, приехавших с принцем из Никей, в замке было довольно много представителей каллианского дворянства, в том числе тех, кто носил самые древние и уважаемые фамилии провинции.

Самым благородным среди них был ландграф Молис Амбойна, в жилах которого текла настоящая голубая кровь. Высокий и стройный, он выделялся своей густой седой шевелюрой и окладистой бородой. Умный и проницательный, ландграф обладал редким даром всецело уделять свое внимание собеседнику. Маран как-то предположила, что он не столько слушает, что ему говорят, сколько обдумывает свою очередную блистательную реплику. Недавно Амбойна овдовел во второй раз; его сын и маленькая дочь жили практически безвыездно в сельском поместье неподалеку от Ланвирна.

Не веря в чудеса, я решил пристально наблюдать за ланд-

графом, особенно после того как узнал, что принц Рейферн ему полностью доверяет и бывает с ним, на мой взгляд, излишне откровенен, – хотя Молис Амбойна и производил впечатление абсолютно лояльного подданного императора.

Самая большая проблема состояла в том, что в Каллио не действовали никакие законы. Я вовсе не имею в виду, что в провинции царила полная анархия, – все было гораздо хуже. Принц Рейферн правил, повинуюсь минутному капризу. Сегодня виновный в каком-нибудь преступлении приговаривался к смертной казни; завтра человек, совершивший то же самое, отпускаясь на свободу, выслушав лишь замечание; послезавтра у преступника конфисковывали все имущество, а его самого продавали в рабство.

Я спросил принца, как он определяет, виновен или нет предстанный перед ним. Рейферн самоуверенно заявил, что обладает особым чутьем на искренность, позволяющим понять, кто перед ним: преступник или честный человек.

– Дамастес, в невиновном есть что-то такое, что очень легко разглядеть. Я способен видеть в человеке правду. Просто последи за мной, быть может, ты тоже сможешь этому научиться.

На *это* возразить было трудно, поэтому я перевел разговор на другую тему.

Вскоре я пришел к заключению, что, только если в Каллио установится торжество закона, закона милосердного, справедливого, можно будет надеяться на возвращение мира и

спокойствия. И я был уверен, что мне по силам кое-что для этого предпринять. Я предложил использовать армию, хотя сама мысль об этом может вызвать презрительные насмешки. Но у меня по этому поводу есть свое объяснение.

Войска трудно считать миротворцами. Иса, бог войны, недаром считается одним из проявлений Сайонджи-Разрушительницы. Но солдаты – существа весьма любопытные. Они могут быть безжалостными и жестокими и оставлять за собой дымящиеся развалины, единственным украшением которых являются горы человеческих черепов, и в то же время никто лучше профессиональных военных не может способствовать установлению царства справедливости.

Большинство из нас становятся солдатами потому, что мы живем в мире, где существуют добро и зло, а между добром и злом практически ничего нет. По самой своей сущности армия дает нам свод непререкаемых законов, определяющих всю жизнь. По большей части солдаты молоды, а никто не жаждет с такой силой абсолютной правды, как молодость. Только с возрастом приходят пронизательность и мудрость, позволяющие принимать иной образ мыслей и поведения.

Дайте солдату законы, прикажите ему обеспечить их соблюдение всеми, независимо от титула и толщины кошелька, и пристально приглядывайте за ним, чтобы его не развратило сознание собственной власти... Что ж, возможно, у этой системы есть свои недостатки, но она ничуть не хуже большинства других и значительно лучше некоторых, действие

которых мне пришлось испытать на себе. И уж, по крайней мере, она была бы не хуже того, что именовалось законом в Каллио.

В рамках режима военного времени я и так имел полное право делать практически все, что считал нужным.

В пограничных районах Нумантии мы уже применяли передвижные трибуналы. Солдаты переходили от деревни к деревне, выслушивали жалобы и или решали их на месте, или, в случае серьезного преступления, доставляли обвиняемых, обвинителей и свидетелей в суд, где чародеи устанавливали истину. Члены этих трибуналов принимали решения достаточно беспристрастно; к тому же они старались изо всех сил. Свой первый – и самый ценный – опыт командира я приобрел, разъезжая с этими патрулями правосудия.

Под моим началом было больше семисот человек, шесть эскадронов и штабная рота 17-го полка. Каждый эскадрон был разделен на четыре колонны. Мы с Биканером и командирами эскадронов обсудили кандидатуры всех командиров колонн полка и в конце концов отобрали пятнадцать легатов и уоррент-офицеров, которым, на наш взгляд, можно было доверить военно-полевое правосудие, – больше, чем я рассчитывал. Для этих пятнадцати командиров в моем штабе были устроены двухдневные курсы интенсивного обучения юриспруденции.

Когда все было готово, я предложил свой план принцу Рейферну – разумеется, сделав вид, будто я лишь подроб-

но проработал мысль, высказанную им самим. Регент нашел мой замысел превосходным и выразил надежду, что проклятые бунтовщики немного уgomонятся, если будут видеть на каждом углу нумантийского солдата. Принц также порадовался, что теперь с каждым предателем быстро разберутся мои солдаты. Я возразил, что, хотя мои воины и будут обеспечивать законность и порядок в Каллио, тяжкие преступления, такие как изнасилования, убийства и измена, не будут входить в их компетенцию. Обвиненные в этих грехах будут доставляться в Полиситтарию, чтобы предстать перед судом под председательством меня или самого принца. Рейфферн пробормотал что-то вроде «самый последний нумантийский солдат без труда разберется, когда чертов каллианец заслуживает виселицы». Однако при этом он отвернулся в сторону, в открытую не отменив моих распоряжений. Я только что не вздохнул от облегчения: если позволить восемнадцатилетнему рекруту рубить голову человеку, виновному только в том, что он недостаточно почтительно высказался об императоре, в провинции вряд ли когда-либо наступит мир.

На следующий день с рассветом герольды выехали из ворот замка. В каждой деревне они сзывали жителей и объявляли о том, что в течение ближайшей недели у них состоится выездная сессия мирового суда. Обязательно присутствие тех, кто хочет сообщить об известных ему преступлениях, пожаловаться на совершенную несправедливость, ула-

дить споры. На стенах и деревьях развешивались плакаты, после чего герольды отправлялись в следующее поселение.

Но у каллианцев тоже были кое-какие мысли.

Первой жертвой стал молодой новобранец из Юрейского полка, которому, как мы потом решили, подмигнула какая-то красотка. Пара слов, многообещающая улыбка – и парень откололся от своих. Его нашли в глухом переулке, раздетого донага и изуродованного до неузнаваемости. Уланы ворчали, грозя невидимому противнику, но в горах им приходилось видеть кое-что похуже, поэтому я не опасался громов.

Через три дня едва не попал в засаду патруль. Виноват в этом был легат, командовавший отрядом, – убаюканный обманчивым спокойствием, он возвращался в казармы той же дорогой, по которой выехал. К счастью, ехавший первым капрал почувствовал что-то неладное и вовремя остановился. Каллианцы примерялись к нам.

Надо было что-то делать. Конечно, я мог бы поступить так же, как мои предшественники: оцепить какой-нибудь квартал и согнать в тюрьму всех мужчин, чья внешность пришлась мне не по вкусу. Но мы хотели положить конец подобным дикостям, а не продлевать их до бесконечности.

Каким бы стихийным по своей сути не было народное возмущение, у него обязательно должны были существовать зачинщики. Так же и лесной пожар имеет свои очаги возгорания, которые необходимо загасить в первую очередь. Но я

не знал, кто эти люди и где они находятся. От информации, поставляемой стражниками и шпионами принца Рейферна, не было никакого толку.

Что касается колдовства, с помощью которого, как уверено большинство людей, можно узнать всё и даже больше, в данном случае и оно оказалось практически совершенно бесполезным. Император отдал принцу-регенту одного из самых одаренных прорицателей Никеи, веселого, жизнерадостного мужчину средних лет по имени Эдви. Я спросил этого колдуна, каких результатов ему удалось добиться с помощью своей магии, и он признался, что пока все его усилия тщетны. Изумившись, я поинтересовался у него, в чем дело, и Эдви смущенно объяснил, что его заклинания здесь «не работают». Возможно, все дело было в том, что ему до сих пор еще не удалось определить, какие методы будут действительными и что для этого требуется. И все же колдун ума не мог приложить, почему магия, эффективная в Никее, не действовала в Каллио.

Я засадил за работу свою личную предсказательницу, уроженку Варана по имени Девра Синаит, хотя и не знал, чего от нее можно ожидать, поскольку она появилась у меня совсем недавно.

Мой предыдущий чародей довольно неплохо знал свое дело, и за последние пять лет я успел привыкнуть к его постоянному ворчанию. Но старик Мариньям просчитался, предсказывая, с чем мне придется столкнуться в Кхохе. Он ска-

зал, что с одной жалкой ведьмочкой я разберусь без особых хлопот. К счастью для него, он погиб во время беспорядочного бегства моего войска от живых мертвецов этой «ведьмочки».

Именно Маран посоветовала мне взять на место Маринь-нама женщину, совершенно серьезно заявив, что женщина может обманывать мужчину, но не другую женщину – по крайней мере если и сможет, то очень редко.

Синаит была четвертой, кого я просматривал. Поговорив с ней, я не увидел причин продолжать поиски дальше. Синаит поставляла товары одной из самых преуспевающих модисток Nikei. Каким-то образом ей не только удавалось точно рассчитывать объемы поставок на следующий год, но и предвидеть, что именно будут считать модным богатые столичные щеголихи. Синаит даже не помышляла о том, чтобы заняться колдовством, до тех пор, пока с правлением Тенедоса не подули новые ветры. Кто-то предположил, что женщина, способная предсказать, что именно будут предпочитать в следующем сезоне глупые вельможи, должна уметь предсказывать всё – или делать так, чтобы желаемое становилось действительным.

Я достаточно быстро заметил, что Синаит обладает честолюбием, что очень хорошо для человека, находящегося на службе у высокопоставленного придворного. Она также прекрасно владела своим ремеслом, хотя колдовское дарование обнаружила только тогда, когда ей уже было за тридцать, и

до сих пор никак не могла добиться стабильности в работе. Иногда Синаит удавалось наложить заклятие, от которого, на мой взгляд, пришел бы в восторг сам император; в другой раз она терялась, словно неопытный новичок.

Я мог бы найти колдуна-мужчину зрелых лет, но вряд ли у него было бы больше опыта по части военной магии, чем у провидицы Синаит. С воцарением на троне Провидца Тенедоса магия изменилась и продолжала меняться, и слишком часто оказывалось, что пожилые степенные колдуны не могут принять новые идеи – начиная с того основополагающего принципа, что волшебство является одним из важнейших видов военного искусства, а не второстепенной чепухой, годной лишь на то, чтобы наслать ливень на вражеское войско.

Но пока Синаит осваивалась на новом месте, я оставался совсем беспомощным.

Я понял, что помочь мне сможет только сам император.

Перед тем как я покинул Никею, Тенедос сказал мне, что у него есть кое-какие мысли насчет того, если у меня вдруг возникнет необходимость связаться с ним напрямую, минуя гонцов, перевозящих зашифрованные послания, и не прибегая к гелиографу.

Император хотел воспользоваться Чашей Ясновидения. Давным-давно, когда я еще жил в Кейте, именно этот магический ритуал стал первым проявлением сверхъестественного, с которым мне довелось столкнуться. Тенедос заверил меня, что эта магия определяется не столько оборудовани-

ем, сколько подготовкой. Он сам не мог сказать с определенностью, удастся ли наше предприятие, поскольку на одном конце Чаша будет находиться в руках не колдуна. И все же попробовать следовало.

– Я надеюсь на то, – добавил император, – что наша с тобой близость позволит добиться отличных результатов. Ты достаточно много времени находился рядом со мной, с моей магией. Можно рассчитывать, что семена дали всходы.

– Я в этом сомневаюсь, – возразил я. – Самый глупый человек, которого я только знал, провел полжизни в одном из лучших университетов, вытирая грифельные доски.

– Молчи, неверующий. Магии не нужны сомневающиеся. Вспомни, как ты с помощью моего заклинания породил во дворе замка... ну, ту тварь, что уничтожила Чардин Шера. Тогда ведь у тебя получилось, разве не так? К тому же, что мы теряем? Если нам будет сопутствовать удача, мы сохраним жизнь десяткам гонцов, которых в противном случае подстерегли бы в засаде эти проклятые повстанцы.

Дав точные подробные указания, Тенедос заставил меня повторить их десяток раз. Дважды Чаша оживала, но я все равно продолжал сомневаться, поскольку оба раза Провидец стоял у меня за спиной. А что будет, когда нас разделит тысяча миль?

У меня в замке была отдельная комната, перед дверью которой стояли часовые, имеющие приказ не впускать туда никого, кроме меня. Так распорядился сам император. Никто –

ни провидица Синаит, ни даже принц Рейферн – не должен был знать об этой комнате до особого приказа Тенедоса. Я спросил, почему нельзя посвящать в тайну принца-регента. Император ответил не сразу.

– Буду искренним, Дамастес, – наконец сказал он. – Я хочу, чтобы мой брат научился править. Но если он будет знать, что может в трудную минуту рассчитывать на мою мудрость, – что ж, я с тем же успехом могу лично отправиться в Каллио усмирять тамошних мерзавцев.

И еще добавлю, хотя, надеюсь, в этом нет необходимости, что данное предостережение относится и к тебе. Ты способен принимать решения самостоятельно, без моей помощи, так что Чашей пользуйся только в случае крайней необходимости.

– Еще неизвестно, получится ли у меня, – буркнул я.

– Дамастес!

– Прошу прощения, ваше величество. Впредь я не подвергну сомнениям чудодейственность Чаши.

Однако я совершенно не чувствовал уверенности, доставая из сундука завернутую в черный бархат Чашу. Я расстелил на полу переливающуюся ткань, покрытую причудливо вытканым узором, и поставил на нее Чашу, представлявшую собой довольно широкий сосуд с высоким узким горлышком с вытянутым носиком. Затем я налил в нее из бутылки ртуть так, чтобы жидкий металл полностью покрыл дно сосуда.

Расставив вокруг Чаши три светильника, я плеснул в каждый строго отмеренное количество благовоний, после чего зажег их от небольшой свечки. Затем поставил рядом с каждым светильником по толстой свече, тоже зажженной. Развернув свиток, я прочитал первые слова, начертанные вверху, затем отложил его в сторону. Наконец я простер руки вперед, ладонями над сосудом, и начал водить ими так, как научил меня император.

Ничего не произошло.

Я повторил движения. На дне сосуда по-прежнему тускло блестела серая ртуть. Я выругался вполголоса, ничуть не удивляясь тому, что магия оказалась мне неподвластна, и все же злясь на собственную никчемность. Разумеется, у меня ничего не получилось. И не должно было получиться. Дамастес а'Симабу воин, а не чародей, черт побери!

Я уже начал было собирать все принадлежности обратно в сундук, но тут вспомнил последнее напутствие Тенедоса.

– Если в первый раз у тебя не получится, – сказал он, – попробуй повторить ночью. В час или в два пополуночи. Небеса будут чистыми, а это по какой-то неведомой причине благоприятствует магии.

– Я все равно не буду спать, – продолжал император. – В последнее время мне удается заснуть с большим трудом. – На мгновение мне послышалось, что в его голосе прозвучала жалость к себе, но Тенедос тотчас же взял себя в руки и усмехнулся. – Разумеется, если я буду не один, то вряд ли да-

же замечу, что ты пытаешься со мной связаться, – настолько буду занят.

И я снова подумал, что ничего не потеряю, если сделаю еще одну попытку. Когда замок затих, погрузившись в сон, я вернулся в комнату. Снова зажег свечи, наполнил светильники свежими благовониями, произнес слова и поводил руками определенным образом. Один раз, два раза – по-прежнему ничего! – и вдруг зеркальная поверхность ртути словно озарилась внутренним сиянием, и я увидел самого императора!

Он сидел за столом, погруженный в чтение бумаг. Мне нередко доводилось видеть, как он проводит так ночи напролет. Судя по всему, Тенедос почувствовал мое появление, если так можно выразиться, ибо, оглянувшись, он вскочил с кресла и улыбнулся.

– Дамастес! Получилось!

Сначала его голос звучал несколько глуховато, но вскоре он стал таким отчетливым, словно мы находились в одной комнате.

– Да, ваше величество.

– Смею предположить, – сказал Тенедос, – это не просто пробная работа с Чашей Ясновидения. У тебя какие-то проблемы?

– Да, ваше величество. Я погряз в них с головой.

– Виной тому мой брат?

– Его высочество старается изо всех сил.

– И все же у него не получается? Я промолчал. Тенедос нахмурился.

– Значит, положение дел очень серьезно, как мне и докладывали. Можно ли как-то его исправить?

– Полагаю, можно. Пока что еще *не все* безнадежно испорчено.

Губы императора тронула едва заметная улыбка.

– Одним из твоих главных достоинств, Дамастес, является неиссякаемый оптимизм. Хорошо, верю тебе на слово, что положение можно исправить. Тогда вот следующий вопрос: можно ли сделать это, оставив моего брата у власти?

– Да, ваше величество, думаю, можно. Но мне нужна помощь.

Лицо Тенедоса просветлело.

– В Каллио *должен* воцариться мир, и в самое ближайшее время. Итак, чем я могу облегчить стоящую перед тобой задачу?

Я рассказал ему о том, что мне было нужно: сотня опытных соглядатаев, способных найти ответы на интересующие нас вопросы. Тогда мы смогли бы нанести удар в самое сердце безумия.

– Я дам тебе даже больше, чем ты просишь, – мрачно произнес Тенедос. – Я пришла в Каллио Кутулу со своими людьми.

От него не укрылось мое изумление.

– Я же сказал, что в Каллио необходимо навести поряд-

док, – повторил он. – Времени осталось в обрез.

– Что-нибудь случилось? – встревожился я, решив, что со времени моего отъезда в Никее произошли какие-то значительные события.

– На твой вопрос ответить прямо я не могу, – сказал император. – Разговор одних волшебников могут подслушать другие. Но я дам тебе подсказку: судьба Нумантии лежит за Спорными Землями. И мы должны быть готовы встретить ее.

Я начал было что-то говорить, но Тенедос остановил меня, подняв руку.

– Достаточно. Кутулу отправится из Никеи, как только будет готов. Я распорядюсь, чтобы быстроходное судно доставило его вверх по реке до Энтотто. Оттуда он со своим отрядом поспешит верхом, без обоза.

– Я прикажу двум эскадронам Юрейских Улан встретить его на границе Каллио и сопровождать до Полиситтарии.

– Не надо, – сказал император. – Расставь их вдоль главной дороги для отвлечения внимания. У Кутулу будет собственное войско. Завтра с рассветом я пошлю гелиограмму в Ренан; 10-й Гусарский полк отправится на юг и присоединится к Кутулу в Энтотто. Прибыв в Каллио, гусары поступят в твое распоряжение.

Я ошеломленно заморгал. Как и Юрейские Уланы, 10-й полк считался элитой в войсках Нумантии. То, что император оголял Юрей, где гусары несли службу, защищая про-

винцию от набегов воинственных горцев, подкрепляло его слова о серьезности положения.

– Дожидаясь прибытия Кутулу, ты должен непременно сделать одно дело, – продолжал император. – Разущи ко-го-нибудь из местных колдунов, кто занимал высокую долж-ность в совете Чардин Шера. Спроси у него, почему нашей магии не удается предсказывать то, что должно произойти в Каллио. Я хочу получить ответ на этот вопрос, и меня не интересует, в мягкой или грубой форме ты его задашь. Ты понял, что я имею в виду?

– Да, император.

Я услышал, как отворилась и закрылась дверь, и импера-тор посмотрел «мне за плечо», куда-то за Чашу. На мгнове-ние его брови взметнулись вверх, выражая удивление, но он тотчас же совладал с собой.

– Что-нибудь еще, Дамастес?

– Нет, ваше величество.

– В таком случае, прошу меня извинить. Сейчас я должен отправиться на одно очень важное заседание.

Покачав головой, я встал, вытягиваясь в струнку. Сереб-ряное зеркало затянулось серой пленкой, но, несмотря на огромное расстояние, я успел услышать негромкое хихика-нье.

Я никогда не слышал, чтобы супруга императора, баро-несса Розеина, хихикала. Если быть точнее, у нее был очаро-вательный, чувственный грудной смех, которым я прямо-та-

ки наслаждался. По всей вероятности, я ошибся, потому что лишь очень злой человек может считать, что мужчина, встречающийся в столь поздний час в своих личных покоях с женщиной, не являющейся его женой, не может не помышлять о разврате. С другой стороны, я вспомнил об одержимости Лейша Тенедоса, когда он еще был холостым, затаскивать в свою кровать всех окрестных красавиц. Меня восторгало то, как успешно баронесса Розеина справлялась с подобными наклонностями своего супруга, особенно после того, как он взошел на престол. Правда, в последнее время до меня стали доходить слухи, что Тенедос недоволен своей женой, не принесшей ему наследника, но лично я ничего подобного не замечал.

Впрочем, не имело никакого значения, была ли та женщина, чей смех я услышал, Розенной или кем-то еще – император вправе вести себя так, как ему заблагорассудится, и мне не было до этого никакого дела.

Я задержался на этой мелочи, к тому же, возможно, объяснявшейся просто игрой моего воображения, потому, что не хотел думать о главном.

Судьба Нумантии находится за Спорными Землями. К югу от Кейта раскинулся Майсир, вотчина великого короля Байрана. Испокон веков Нумантия и Майсир жили в мире, но Тенедос однажды сказал мне:

– Короли всегда смотрят дальше границ своих владений. Лично я так поступаю; почему же мне ждать иного от дру-

гих?

Но Майсир огромен, по площади почти в полтора раза больше Нумантии, его населяют миллионы людей разных национальностей, у него могучая регулярная армия. Я не знал, что хуже – виды короля Байрана на Нумантию или же стремление императора Тенедоса расширить границы своих земель.

Вдруг все предстало передо мной в мрачных тонах. В первых, император изменяет своей супруге, далее, со стороны Майсира надвигается какая-то беда... Оставалось только надеяться, что я ошибаюсь.

Фи! – как говорит Тенедос в минуты крайнего недовольства. Иногда нужно думать, а иногда лучше отключать рас-судок, не давать хода мыслям.

Маран спала, устроившись на своей половине просторной кровати под высоким балдахинном, украшенной бронзой. Во сне она выбросила ногу из-под одеяла, и я задержал востор-женный взгляд на восхитительных изгибах щиколотки и бед-ра, лежащих на шелковой простыне и освещенных двумя го-рящими свечами. Дверь приглушенно захлопнулась, и Ма-ран перекадилась на спину, опуская руку вниз. На ее губах заиграла улыбка.

Я вспомнил игру, в которую мы с женой играли время от времени. Этой игре научила меня Маран, а она, в свою оче-редь, узнала ее от своей лучшей подруги Амиэль, графини Кальведон.

Бесшумно раздевшись, я прокрался к одному из наших сундуков, так и не разобранных после приезда. Отыскав в нем четыре длинных шарфа, я сделал на конце каждого по петле и накинул их на запястья и щиколотки спящей.

Сначала я осторожно развел ей руки. Если Маран и проснулась, то не показала виду. Правда, ее улыбка стала еще шире.

Быстро привязав запястья к стойкам кровати, я схватил одну ногу и поднял ее так, что ягодицы Маран приподнялись над простыней. Обмотав шарф вокруг верхней части спинки, я ловко затянул узел.

Тут уж Маран соизволила проснуться. Она начала сопротивляться, вырываясь из моих рук, но я схватил другую ногу и так же стремительно привязал ее к противоположной стороне спинки кровати.

Маран широко раскрыла глаза.

– Теперь ты полностью в моей власти, – прошипел я, подражая злодею со сцены.

Она открыла было рот.

– Только попробуй крикнуть, и я буду вынужден заткнуть тебе рот кляпом!

Высунув язык, Маран медленно провела им по губам, дразня меня.

– Ты ведь не можешь пошевелиться, так?

– Не могу, – прошептала она. – Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь.

– Правда?

– Правда. Я заслужила наказание и приму его в том виде, в каком ты захочешь.

Забравшись на кровать, я ущипнул Маран сначала за один сосок, потом за другой. Она ахнула, вжимая свою грудь мне в руку. Опустившись на колени у нее между ног, я провел языком по узелку страсти, а потом проник внутрь. Застонав, Маран стиснула бедрами мою голову.

Мой язык входил и выходил из ее чрева, и дыхание жены учащалось и становилось громче. Ее бедра начали двигаться в такт.

– О да, о да, пожалуйста, о да! – стонала Маран, но я не обращал внимания на ее призывы.

Ее тело взметнулось вверх, она вскрикнула и забилась в судорогах. Мой язык не останавливался до тех пор, пока дрожь не прекратилась, после чего я лег на Маран.

– А вот теперь, – сказал я, – *теперь* ты познаешь истинное наслаждение.

Погрузив свое естество в ее влажное чрево, я неподвижно застыл. Маран попыталась было двигаться, но я ей не позволил.

– Пожалуйста, возьми меня! – взмолилась она. – Возьми меня так, чтобы дух захватило!

«Вот так?» Обхватив руками бедра Маран, я потянул ее на себя, доставая до самых глубин, и она снова вскрикнула. Я отпрянул назад, опять подался вперед, двигаясь резко, же-

стоко, и каждый раз Маран выкрикивала что-то бессвязное, то называя меня по имени, то произнося грязное ругательство. Я держался, пока мог, но в конце концов дал себе волю и с громким криком выплеснулся внутрь Маран, почувствовав, что где-то совсем неподалеку вращается Колесо.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу на жене, опираясь на локти Маран медленно открыла глаза.

– А теперь дай мне попробовать тебя на вкус. Выскользнув из нее, я прополз вперед. Повернув голову, Маран высунула язычок и лизнула головку моего члена.

– Великий трибун, я по-прежнему твоя пленница, – прошептала она. – Я требую более сурового наказания, – добавила она, раскрывая рот и принимая меня в себя.

С этого момента и до рассвета у меня в голове успела промелькнуть лишь одна связная мысль: что-то насчет императоров и королей.

Выполнить приказ императора найти и допросить высокопоставленного чародея оказалось совсем непросто. Большинство каллианских прорицателей погибли или в пламени гражданской войны, или при разгроме последнего оплота Чардин Шера, стертого с лица земли демоном. Те, кто уцелел, насколько мне удалось выяснить, бежали из провинции или спрятались. Я подозревал, что пытаться отыскать колдуна, который этого не хочет, все равно что искать черную кошку в безлунную ночь.

И все же в конце концов мне удалось найти одного мага.

К своему стыду, я выяснил, что все это время он сидел у меня – точнее, у принца Рейферна в тюрьме. Согласно его досье, это оказался не столько практикующий чародей, сколько философ и наставник. И все же в моих руках оказался друг Микаэла-Повелителя духов, Микаэла Янтлуса, главного волшебника Чардин Шера. Возможно, с его помощью мне удастся понять, кто собирается восстать против законного правителя.

Этого чародея звали Аримонди Хами; он был очень уважаемым человеком в кругу каллианской интеллигенции. Его взяли под стражу, потому что он отказывался признать власть Нумантии и, что гораздо хуже, заявлял об этом во всеуслышание.

Меня всегда мучил вопрос, как можно держать в плену волшебника, даже не самого могучего. Хами сидел не в сыром темном подземелье, а в очень светлой и чистой камере, находящейся прямо под гауптвахтой цитадели; помещение постоянно подвергалось тщательным обыскам, происходившим с непредсказуемой периодичностью не реже раза в неделю. Хами разрешалось иметь в камере перо, бумагу и любые книги, за исключением тех, что имели отношение к колдовству. К нему допускались посетители из списка, одобренного лично принцем-регентом. Еду пленному чародею готовил его собственный повар, а одежда состояла из новых шерстяных и хлопчатобумажных балахонов без каких-либо украшений. Каждая просьба Хами тщательно изучалась про-

видцем Эдви, следившим за тем, чтобы заключенному не удалось собрать все необходимое для заклęcia побега.

Пусть мне предстояло иметь дело не с великим чародеем, а с книжным червем, и все же я поставил за его креслом двоих охранников с обнаженными мечами, получившими приказ хватать его, если что-то пойдет наперекосяк, а если это окажется невозможно, убить Хаами на месте.

Когда ученого-колдуна ввели в комнату, он бросил взгляд на солдат и вздрогнул. Я пригласил его садиться и спросил, не желает ли он вина.

– Не откажусь, трибун а'Симабу, – произнес мой гость приятным голосом прирожденного оратора.

Наполнив кубок, я протянул его Хаами.

– Вы не выпьете со мной?

– Вино я употребляю крайне редко, – честно признался я. – Мне так и не удалось полюбить вкус спиртного; к тому же оно оказывает на меня не очень приятное воздействие.

Колдун окинул меня недоверчивым взглядом.

– Не знаю, можно ли вам верить.

– Я вас не понимаю, – удивился я.

– Два солдата с обнаженными мечами... вы не желаете разделить со мной угощение... можно подумать, вам удалось распутать узел, над которым бился принц Рейферн и те, кто был до него.

– Провидец Хаами, ученик из меня выдался никудышный, – сказал я. – Мои наставники постоянно сбивали меня

с толку своими вопросами, причем нередко делали они это не для того, чтобы научить меня уму-разуму, а просто ради забавы. Мне это не нравилось тогда, а сейчас нравится еще меньше. Будьте добры, объяснитесь.

Ученый муж пристально взглянул на меня.

– Когда стражники привели меня сюда, я решил, что вы хотите меня убить.

– Зачем мне лишать вас жизни? Хотя вы и изменник, но, помимо пустых разговоров, от вас нет никакого вреда.

– Чего, по моему разумению, в нынешние времена вполне достаточно, чтобы укоротить человека на длину головы.

– Ко мне это не относится, – заверил его я. – А также к тем, кто служит под моим началом. Нет, мне нужно от вас другое. Но с чего вы взяли, что я собираюсь вас убить? О каком запутанном узле шла речь?

Осушив кубок, Хами улыбнулся.

– Вино превосходное, трибун. Вы позволите мне еще?

Я снова наполнил его кубок.

– Запутанный узел, в который сплелась моя судьба. Только задумайтесь: я отказался признать власть Провидца Лейша Тенедоса, провозгласившего себя императором. Я считаю законным органом правления Нумантии Совет Десяти.

– *Этих бестолочей?* – изумился я. – Доведших страну до бесчинств сторонников Товиети, разжегших пламя гражданской войны? Почему вы хотите вернуть власть этим людям? Еще никогда прежде власть в стране не принадлежала столь

бездарным правителям. Ни один из них не догадался бы вылить из сапога случайно зачерпнутую воду, если бы наставление, как это делать, было написано на подошве!

– Но это была законная власть.

– Вы считаете, Нумантии следовало идти по той дорожке, куда они ее завели, до тех пор, пока она окончательно не развалилась бы на части?

– Мне, как уроженцу Каллио, мало дела до того, что будет с остальной Нумантией. Я считал правление Чар-дин Шера динамичным и прогрессивным.

– Странно слышать от вас подобные слова. Чардин Шер был здесь таким же диктатором, каким, по вашему утверждению, является в Нумантии император.

Аримонди Хами слабо усмехнулся.

– Наверное, вы правы. Но если воспользоваться армейским языком, возможно, Чардин Шер был сукин сын, но он был *наш* сукин сын.

– Но сейчас он мертв, и мертвее не бывает, – заметил я. – Насколько мне известно, он не оставил после себя ни преемников, ни близких кровных родственников. Вы бы предпочли, чтобы вами управлял первый встречный болван?

Ученый муж рассмеялся. Я с горечью осознал, что мои слова можно было бы применить и к тому, кто не так давно пробил себе дорогу к престолу Нумантии.

– Не стану вас больше смущать, продолжая распространяться на эту тему, – успокоил меня Хами. – Позвольте толь-

ко добавить, что, на мой взгляд, Каллио нужно дать возможность самой разобраться со своими проблемами – впрочем, это относится ко всему человечеству. Возможно, вы правы, и в конечном счете мы попадем под пяту какого-нибудь кроважного деспота. Согласен, ваш император далеко не самый несправедливый человек из всех тех, о ком мне доводилось слышать или читать.

Я восстал против него потому, что мне хочется узнать, каким станет будущее, если устранить от власти военных. Быть может, в этом случае страной будут управлять люди мира – поэты, ученые, святые.

– Сомневаюсь, что такое когда-либо произойдет, – печально усмехнулся я. – Похоже, самой судьбой predeterminedено, чтобы люди с мечом брали верх над людьми мира. Императору Тенедосу тоже понадобилось войско, чтобы взойти на престол.

Но мы отклонились от темы. Продолжайте свое объяснение насчет того узла, который, по-вашему, я собирался разрубить.

– Приношу свои извинения. Вы правы. Я нахожусь в решительной оппозиции к вашему императору и не собираюсь молчать о том, что думаю о его правлении. Поэтому, согласно вашим законам, я изменник, и меня надлежит предать смерти.

Однако у тех, кого император присылал в Каллио, хватало ума понимать, что из казненного ученого получится велико-

лепный мученик, который может стать знаменем сопротивления. Вот почему мне позволили жить и не предали суду.

Когда меня привели сюда и я увидел этих двоих (и он кивнул в сторону охраны), мне показалось, что вы подошли к решению проблемы как настоящий солдат: сегодня разбираться с сегодняшними заботами, а с завтрашними тогда, когда они возникнут.

– По-моему, провидец, – возразил я, – вы судите о военных чересчур упрощенно – по крайней мере о командирах.

– Возможно, – согласился Хами, и в его голосе мне слышалось безразличие. – Я не имел возможности с ними общаться.

Осушив свой кубок, он встал и, не спрашивая у меня разрешения, в третий раз наполнил его. Я ничего не имел против. Если мне удастся его напоить, возможно, у него развяжется язык. Я прекрасно понимал, что имел в виду император, говоря, что для получения ответа на его вопрос я могу использовать любые средства. В подвалах замка находились комнаты пыток, и у меня не было недостатка в людях, как каллианцах, так и никейцах, умеющих пользоваться страшными приспособлениями, ржаво-бурыми от крови.

– Значит, я ошибся, – улыбнулся Хами. – Кстати, позвольте признаться, что я не слишком-то жалуюсь на свою участь. Меня неплохо кормят, мне не нужно беспокоиться о том, как расплатиться с домовладельцем и сборщиком податей. В моем распоряжении есть практически любая интересующая

меня книга, за исключением тех, что связаны с колдовством; впрочем, мои изыскания уже давно превзошли все то, что можно найти в трактатах о прикладной магии. Мне уже не доставляет удовольствия шататься по тавернам или искать наслаждения в объятиях красотки, так что от этого я тоже не испытываю неудобства. В таком случае, что же вам от меня понадобилось? Смею предположить, это как-то связано с тем обстоятельством, что мы, каллианцы, не желаем пресмыкаться перед вашим императором, как вам того хотелось бы.

– Знаете, – продолжал он, не дожидаясь моего ответа, и я понял, что на него начинает действовать вино, – я был другом Микаэла Янтлуса, главного чародея Чар-дин Шера, – по крайней мере в той степени, в какой Микаэл был способен на дружбу. Этого человека интересовали только власть и магия; общение с теми, кто не мог ничего добавить к его знаниям по этим двум вопросам, он считал пустой тратой времени.

Я считал его величайшим магом всех времен и народов. Но я ошибался. Провидец Тенедос оказался сильнее его, хотя остается только гадать, какая цена была за это заплачена.

– Цена?

– Я читал сообщения о том, что произошло во время осады последней крепости, и даже говорил с воинами, чудом оставшимися в живых после той ночи, когда появившийся демон уничтожил Чардин Шера и Микаэла. Как вы полагаете, откуда появился этот демон?

– Мне не нужно гадать, я знаю наверняка, – сказал я. – Его призвал Провидец Тенедос.

– И чем он за это расплатился? – по-совиному широко раскрыл глаза Хами, глядя на меня.

Сам Тенедос ответил мне на этот вопрос, когда я вызвался пробраться в замок Чардин Шера с неким снадобьем. Я решил рассказать Хами о том, что в ту грозовую ночь сказал мне Лейш Тенедос – Император сказал, что та сила, демон, просит его доказать свою искренность. Человек, которого он любит, должен выполнить одно поручение, – сказал я. – И этим человеком, как решил император, являюсь я. Поэтому я исполнил то, о чем он меня просил.

– И больше он вам ничего не объяснил? – недоверчиво спросил Хами.

– Тенедос также сказал, что это еще не все, но окончательная расплата наступит не скоро. – Возможно, мне не следовало говорить об этом Хами, но тем не менее я не удержался.

– И как вы думаете, о чем шла речь? – усмехнулся искусный спорщик.

– Понятия не имею, – честно признался я. – В демонах я разбираюсь так же плохо, как вы в военных.

– Справедливое замечание, – согласился Хами. – Кстати, я настоятельно не рекомендую вам посвящать человека, провозгласившего себя императором, в суть нашего разговора. Вне всякого сомнения, Провидцу Тенедосу пришлось дорого заплатить за услуги демона, а чародеи, заключившие по-

добные сделки, не любят, когда им об этом напоминают.

Но я опять увлекся, а ведь вы пригласили меня не для этого.

Я передал ученому мужу вопрос императора: что мешает имперской магии действовать в Каллио, преграждая ей путь, словно облако тумана лучам света?

Почесав подбородок, Хами поднял было кубок, но снова поставил его, не сделав ни одного глотка.

– Война Каллио и Нумантии потрясла до основания как этот мир, так и тот, другой. Люди призывали на помощь магию такой разрушительной силы, подобной которой еще не было в истории человечества. Это чувствую даже я, кого Ирису обделил талантом.

После окончания войны, в тот короткий промежуток времени до моего ареста и водворения в тюрьму, я обнаружил, что мне с огромным трудом даются даже самые простые заклинания. Полагаю, это объяснялось побочным действием разрушительных энергий, не подвластных мне, – если хотите, отголосками столкновения Микаэла Янтлуса и Провидца Тенедоса. Я ощущаю их до сих пор.

– Вот мое самое вероятное объяснение, – продолжал ученый-колдун, переходя на нудную монотонную речь профессора, втолковывающего очевидные истины тупым ученикам. – Возможно и другое предположение, которое не придется по нраву вашему императору, состоящее в том, что существует другой всемогущий чародей, желающий Тенедосу

зла. Этот неизвестный до сих пор волшебник может находиться как в Нумантии, так и за ее пределами. Пока что я ничего не могу сказать, – добавил Хами, – но если вы не боитесь предоставить мне доступ к определенным вещам, я могу поэкспериментировать. Я рассмеялся.

– Прорицатель Хами, я все-таки не такой желторотый птенец, каким кажусь. Можете не сомневаться, я ни за что не позволю вам творить какие-либо заклинания. – Я встал. – Благодарю за то, что уделили мне время.

Улыбнувшись, ученый муж тоже поднялся с места. Я заметил, что его слегка пошатывает.

– Мы можем продолжить наш разговор. Вы прекрасно разбираетесь в винах.

Вопреки настоятельному совету каллианского чародея, я передал императору все, о чем мы с ним говорили. Где-то в середине сеанса ртутное зеркало подернулось рябью, и я испугался, что связь прервалась. Однако через мгновение лицо императора снова появилось.

Когда я замолчал, Тенедос долго сидел не шелохнувшись. Его лицо оставалось непроницаемым. Наконец, не выдержав, я тихо кашлянул, и император пришел в себя.

– Гм, любопытно, – задумчиво произнес он. – Значит, в Каллио *действительно* что-то есть. Любопытно, очень любопытно. И все же я готов поспорить, что суть происходящего надо искать в настоящем, а не в прошлом.

– Ваше величество, у вас есть какие-то предположения?

– Разумеется. Но это никак не связано с Каллио, так что ты можешь не беспокоиться. Предоставь мне разобраться с будущим. С самым ближайшим будущим.

Поколебавшись, я набрался смелости и сказал:

– Мой господин, позвольте еще вопрос... Лицо императора окаменело.

– Полагаю, тебя интересует цена, о которой упоминал каллианский прорицатель?

– Да, ваше величество.

– Нет, ответа не будет. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Дамастес, ты хороший солдат и отличный друг. Второе определяется тем, что ты никогда не выходишь за рамки первого. К тому же этот книжный червь все равно не знает, как себя вести, чем расплачиваться в *реальном* мире.

Резко встав с кресла, император вышел из комнаты.

Возможно, мне следовало проявить настойчивость – если не в этот раз, то в другой. Нумантия была родиной не только Тенедоса, но и моей тоже. Как командующему армией мне нужно было знать ответы на такие вопросы. Но вместо этого, смутившись, я постарался не думать о зловещих словах Хами.

В тот момент боги отвернулись от меня: и Ирису-Хранитель, и Паноан, бог-покровитель Nikeи, и Танис, бог-хранитель моего рода, и Вахан, божество в виде обезьянки, мой личный бог мудрости, – все повернулись ко мне спиной.

Осталась только Сайонджи, и сейчас, оглядываясь назад,

я вижу ее злорадные ужимки: она предвкушала грядущий ужас.

Глава 3

СТЫЧКИ

Я отправился по деревням с одним из отрядов «выездного правосудия». Мне очень понравилось, как вел дела молодой легат, хотя он поначалу немного нервничал, стесняясь такого высокопоставленного наблюдателя.

Путь назад в Полиситтарию был неблизкий. Вдыхая жаркий пыльный воздух, я мечтал о горячей ванне, трех фунтах бифштекса с кровью и шести часах сна. На ванну и мясо я еще мог рассчитывать, но скопившиеся бумаги, требующие моего скорейшего рассмотрения, должны были задерживать меня в кабинете минимум до полуночи, поэтому я был в отвратительном настроении.

В замке меня ждали два сюрприза. Первым был ландграф Амбойна, вальяжно развалившийся в кресле у меня в приемной с кубком вина и любезно болтающий с моей женой; вторым же была громадная картина, прислоненная к стене. При моем появлении Амбойна встал и поклонился. Маран же торопливо чмокнула меня в губы.

– Господин ландграф принес нам подарок, – сказала она, – и оказал любезность, скрасив мое одиночество. – Обернувшись, Маран указала на полотно. – Разве это не прекрасно?

По-моему, «прекрасно» было не самым удачным словом.

Несомненно, картина внушала благоговейный ужас. Огромный холст размером десять на восемь футов был заключен в массивную деревянную раму, украшенную затейливой резьбой. Наверное, мне нужно было радоваться тому, что теперь, благодаря Провидцу Тенедосу и своей супруге, я стал весьма состоятельным человеком, владельцем нескольких дворцов с достаточно просторными комнатами – и прочными стенами, чтобы там можно было повесить этот шедевр живописи.

На переднем плане бурлило человеческое море: тщательно прорисованные сценки изображали жизнь подданных Нумантии, от простых крестьян до высокопоставленных вельмож, от джунглей на западе до гористых пустынь на востоке. За всем этим вращалось Колесо – неумолимое, вечное. С одной стороны от него находился Ирису, оценивающий поступки людей; с другой стороны Сайонджи проводила пальцами с длинными когтями по земле, собирая для Колеса свежую жатву смерти – и возрождения.

А за всем этим наблюдал задумчивый бородатый старик, который мог быть только Умаром-Творцом. Быть может, он восторгался делом рук своих, а может быть, наоборот, собирался все уничтожить и предпринять новую попытку. Вокруг этих главных богов толпились их многочисленные проявления: хранители, среди которых выделялся Ахархел, Бог, Разговаривающий с Владыками, затем боги и богини Огня, Земли, Воздуха и Воды, а также многие другие.

Я не мог не восхищаться теми месяцами, а может быть, и

годами, которые потратил на работу художник. Однако этот холст, как и другие картины и скульптуры, не имел для меня почти никакой ценности. Для того чтобы произведение искусства мне понравилось, оно должно изображать что-нибудь знакомое, например бытовую сценку из жизни деревни, затерявшейся в джунглях Симабу, или, что еще лучше, карту одной из моих боевых кампаний. Подобным признанием я, вне всякого сомнения, ставлю на себя несмываемое клеймо простолюдина – но что делать, если я действительно сердцем был и остаюсь крестьянином. Из всех видов искусства лишь музыка обладает способностью трогать меня.

Я смотрел на картину, а у меня в душе тем временем шевелились мрачные мысли. Наконец я обернулся к своему гостю.

– Это очень впечатляющее полотно, ландграф Амбойна. Что побудило вас подарить его нам?

Прежде чем наш гость успел что-либо ответить, заговорила Маран.

– Эта картина называется «Судилище», и ее написал один из самых знаменитых художников Каллио, человек по имени Мулугета, умерший больше ста лет назад. В Ирригоне уже есть две его работы. Дамастес, разве это не прелесть? Она будет великолепно смотреться в Ирригоне рядом с двумя другими полотнами Мулугеты... или, быть может, лучше будет повесить ее в Водяном Дворце?

Я набрал полную грудь воздуха, призвав на помощь всю

свою решимость.

– Прошу прощения, дорогая, но я так ничего и не понял. Господин ландграф, откуда эта картина?

– Раньше она находилась в поместье лорда Тасфая Бирру, – ответил Амбойна.

– Я с ним не знаком, – сказал я. – Когда этот человек умер и почему он соизволил завещать мне эту картину? Разве у него не было родственников и наследников?

Амбойна неуверенно рассмеялся, словно я неудачно пошутил, но, увидев, что я говорю серьезно, осекся. Я пришел к выводу, что ландграф мне определенно не нравится.

– Лорд Бирру еще жив, граф Аграмонте.

– Прошу вас, обращайтесь ко мне «трибун», а не «граф», потому что именно этот титул является основным, особенно в Каллио, при сложившихся обстоятельствах.

– Приношу свои извинения, трибун. Как я уже сказал, лорд Бирру еще жив, хотя, смело могу предсказать, в течение ближайших двух недель он вернется на Колесо. В настоящее время он находится в подземелье этого замка, куда заточен по обвинению в измене. Ему может быть вынесен только один приговор.

– Понятно. И эта картина принадлежит ему? – спросил я.

– Принадлежала. Картина, а также вся остальная собственность лорда Бирру перейдет государству. После того как определенный процент будет отправлен императору, остальное будет распродано. Следить за этим будет человек,

назначенный принцем Рейферном. В последнее время его высочество возложил эту обременительную задачу на меня.

– Простите, если мой вопрос покажется вам глупым, – сказал я, – но разве закон Нумантии не гласит, что у человека нельзя отобрать собственность: земли, рабов или, скажем, картину, до тех пор, пока ему не вынесен обвинительный приговор?

Амбойна самодовольно улыбнулся.

– Закон гласит именно *это*, но, как я уже говорил, приговор не вызывает сомнения: лорд Бирру был одним из ближайших сподвижников Чардин Шера. После гибели Шера Бирру удалился в одно из своих поместий и неизменно отвечал отказом на неоднократные приглашения принца Рейферна вернуться в Полиситтарию.

– Это говорит о том, что лорд Бирру глуп, – заметил я. – Кроме того, ему, возможно, надоело жить. Но при чем тут измена? Есть ли против него какие-нибудь серьезные улики?

– Я могу быть искренним?

– Мне бы этого очень хотелось.

– Лорд Бирру владеет... владел обширными поместьями. Принц Рейферн пришел к выводу, что для блага Нумантии будет гораздо лучше, если эти поместья перейдут в нужные руки.

– В руки принца-регента?

– Полагаю, принц Рейферн действительно имеет виды на некоторые из них. Остальные будут распределены среди наи-

более преданных придворных.

– Таких, как вы?

Слегка покраснев, Амбойна промолчал.

– Отлично, – сказал я, чувствуя, что в моем голосе зазвучали резкие нотки. – Благодарю вас за подарок. Но я вынужден от него отказаться. Не соблаговолите ли сделать так, чтобы картину забрали отсюда?

– Но я ее уже приняла, – удивленно промолвила Маран.

Я начал было читать ей отповедь, но вовремя остановился.

– Приношу вам свои извинения, господин ландграф, – сказал я – По-видимому, моя жена не подумала о последствиях. Мы не можем принять этот подарок.

– Принцу Рейферну это очень не понравится, – пригрозил ландграф – Поскольку я сомневаюсь, что затея с подарком была его идеей – скорее, это придумали вы сами, – предложу в *ваших же собственных* интересах не сообщать принцу-регенту о случившемся. Ландграф, вам следует уяснить две вещи, и хорошенько уяснить. – Чувствуя, как во мне вскипает злость, я дал ей волю. Слишком долго мне приходилось сдерживаться, общаясь с этими напыщенными дураками. – Ни я, ни моя жена не занимаемся мародерством. Далее, на эту должность меня назначил сам император. Разве этого не достаточно для того, чтобы вы навсегда забыли об этом недоумении?

Поспешно кивнув, Амбойна развернулся, торопливо по-

клонился моей жене и быстро вышел. Подойдя к окну, я сделал шесть глубоких вдохов и выдохов.

– *Как ты смеешь!* - прошипела у меня за спиной Маран.

Это переполнило чашу моего терпения. Я стремительно развернулся.

– Как я смею *что*, моя дорогая?

– Как ты смеешь так оскорблять меня? Сперва ты отказываешься от фамилии Аграмонте, которая была древней уже тогда, когда твои предки валили деревья в джунглях, добывая себе средства к существованию, затем позоришь меня лично, заявляя этому благородному ландграфу, что считаешь его подлым грабителем!

Я мог бы попытаться воззвать к голосу разума, объяснить, что ландграф, обратившись ко мне как к официальному лицу, попытался польстить мне, назвав графом Аграмонте. Но я очень устал, и с меня было довольно этого вздора.

– Графиня Аграмонте, – ледяным тоном произнес я. – Это вы переступаете всякие границы. Позвольте напомнить, что в Каллио у вас нет ни обязанностей, ни чина. Вы здесь находитесь в качестве моей жены. И только. Поэтому впредь в подобных случаях будьте любезны подчиняться власти, возложенной на меня императором.

И я добавлю еще две вещи личного характера.

Во-первых, как смеешь *ты* вести себя так безответственно? Ведь ты не настолько глупа, чтобы наивно полагать, будто Амбойна преподнес нам этот подарок, потому что счита-

ет нас милейшими людьми! Тебе прекрасно известно, что он хочет втянуть нас в компанию продажных подхалимов, приближенных принца-регента.

Во-вторых, да, моя семья действительно валила деревья в джунглях и, вероятно, какое-то время жила этим. Признаю, что я солдат и недалеко ушел от крестьянина.

Но, видят боги, графиня Аграмонте, мы честные люди! Что далеко не всегда можно сказать о гораздо более древних родах, достигших положения и богатства, слетаясь на пададь!

Маран сверкнула глазами.

– Ах ты... ублюдок!

Развернувшись, она бросилась из комнаты. Шагнув было за ней следом, я вдруг осознал, что и так сказал более чем достаточно. Но я был слишком разгорячен, чтобы приносить извинения, – если сейчас было до извинений. Вместо того чтобы идти за Маран, я отправился проверить посты. Боюсь, я рывкнул на часовых, заставив их испуганно гадать, не будут ли они наказаны за какой-нибудь неведомый проступок.

Мне потребовалось много времени, чтобы остыть. Оглядываясь назад, я вижу, что на самом деле втайне для себя злился на многое: на бестолкового принца, к которому меня приставили нянькой, на таких наглых, самоуверенных павлинов, как Амбойна, на то, что вынужден находиться в мрачном болоте придворной дипломатии, чему я с превеликой радостью предпочел бы простодушную прямоту казарм или,

что еще лучше, постоянные стычки на границе Спорных Земель.

В конце концов я все же успокоился. Было уже поздно. Больше всего мы с Маран гордимся тем, что наши ссоры не только редки, но и неизменно быстро улаживаются. Мы никогда не позволяем злости укореняться глубоко в душе.

Вернувшись в наши апартаменты, я постучал в дверь спальни. Тишина. Я нажал на ручку. Дверь была заперта. Я постучал громче. И снова никакого ответа. Почувствовав, как во мне снова вскипает ярость, я вынужден был признать, что не могу ничего поделать.

Поэтому, поднявшись в кабинет, я проработал до самого рассвета, а затем лег на походную кровать. У меня хватило ума отложить отдельно бумаги, вышедшие из-под моего пера этой ночью, чтобы можно было заново просмотреть их, когда я приду в себя. Мне удалось заснуть на часок, но тут горнист затрубил подъем. Выйдя на балкон, я посмотрел, как во дворе солдаты, назначенные в патруль, седлают коней. Размеренная неизменная армейская рутина, сознание того, что подобное происходит в казармах и гарнизонах по всей Нумантии, успокоили меня. Существовало нечто более значительное, чем мои мелочные проблемы, и именно этому я посвятил свою жизнь.

Я решил на один день забыть о политике и бумагах и провести его с солдатами. Но я не мог появиться перед ними небритым и растрепанным. У двери любого помещения, в

котором я поселялся хотя бы временно, всегда была наготове походная скатка со свежим комплектом формы. Умывшись в казарме, я приказал полковому цирюльнику побрить меня. Меня несколько не беспокоило, что говорят и думают обо мне мои солдаты, – о происшедшем между мной и женой весь полк узнал в ту же минуту, когда сменились обруганные мной часовые.

Проходя мимо двери в нашу спальню, я протянул было руку и тотчас же покачал головой, дивясь собственной глупости. Но, к моему удивлению, ручка повернулась. Открыв дверь, я вошел в комнату. Маран сидела у окна спиной ко мне, кутаясь в черную шелковую шаль.

– Могу я войти? – учтиво поинтересовался я.

– Будьте любезны, проходите.

Закрыв за собой дверь, я остался молча стоять на месте, не зная, как себя вести.

– Дамастес, – вдруг сказала Маран, – я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю.

– Мы не должны ссориться.

– Нет.

– Только не из-за глупой картины, которую все равно бы не довезли целой до Nikeи.

Я ответил не сразу. Маран прекрасно понимала, что мы повздорили совсем не из-за этого. Я хотел ее поправить, но потом передумал.

– Ты права, не стоит ругаться из-за таких пустяков, – со-

гласился я. – Извини меня.

– И ты меня тоже прости. Я всю ночь глаз не сомкнула.

– И я тоже совсем не спал, – сказал я, практически не со-
лгав.

Маран поднялась с места, роняя шаль на пол.

– Дамастес, возьми меня прямо сейчас. Быть может, мне
станет легче, и я забуду о... о разных вещах.

Не дожидаясь ответа, она подошла ко мне и начала мед-
ленно раздевать. Оставшись совсем обнаженным, я подхва-
тил ее на руки и отнес к кровати.

Маран была возбуждена гораздо больше меня. Даже когда
я проник в ее чрево, какая-то частица моего рассудка про-
должала гадать, не следовало ли мне ответить по-другому,
настоять на том, чтобы обсудить истинную причину вчераш-
ней стычки. У меня мелькнула мысль о том, что между нами
существует стена по имени Аграмонте, год от года становя-
щаяся все выше и толще. Но, отмахнувшись от этой мысли
как от совершенной глупости, я полностью отдался утехам
любви.

Через два дня прибыл Кутулу со своими людьми. Их со-
провождали гусары 10-го полка, закаленные в боях на гра-
нице солдаты. Было странно и забавно наблюдать, с какой
заботой они охраняли своих подопечных.

Кутулу с момента нашей последней встречи практически
не изменился: маленький человечек, у которого от волос
остался лишь жиденький полумесяц, окружающий сверкаю-

щую лысину. Но у него был тот же цепкий пронизательный взгляд полицейского, прекрасно помнящего лица всех преступников и прочих людей, с кем ему приходилось иметь дело. В остальном во внешности Кутулу не было ничего примечательного, и в толпе на него никто не обратил бы внимания, что, как я уже успел узнать, было основным достоинством тайного агента.

Теперь Кутулу был руководителем разветвленной шпионской сети империи и обладал огромной властью. Если кто-то осмеливался дурно отзываться об императоре, его действиях или намерениях, этого человека навещали агенты полиции и делали предостережение. Как правило, этого оказывалось достаточно, но все же находились глупцы, продолжающие критиковать Тенедоса. Они представляли перед тайным трибуналом по обвинению в «поведении, враждебном интересам империи», и получали наказание: от нескольких дней до нескольких лет тюремного заключения. Специально для этой цели были возведены две тюрьмы, обе в самом сердце дельты реки Латаны. Из уст в уста передавались жуткие истории о том, что в них творилось.

В личном подчинении Кутулу находилось почти столько же человек, сколько во всей полиции Nikei, хотя точное их число было никому не известно, поскольку они не носили формы и не отчитывались ни перед кем, кроме своего начальника. Среди них были и бывшие преступники, и честные горожане, и даже представители высших слоев общества.

За глаза Кутулу именовали «Змеей, Которая Никогда Не Спит», и, хотя я находил несколько странным называть змеем тихого маленького человечка с беспокойным взглядом, начальник тайной полиции столь рьяно служил своему императору, что, возможно, у него действительно не оставалось времени на сон. Но если Кутулу когда-нибудь все же и ложился в кровать, то исключительно один. Насколько мне было известно, у него не было никакой личной жизни.

С собой Кутулу привез семьдесят пять человек, как мужчин, так и женщин. Про некоторых можно было сразу же сказать, что это служители закона; но большинство ничем не отличались от обычных крестьян и ремесленников, бродяг и проституток. Многие закутались в плащи и низко опустили капюшоны, желая скрыть свои лица. Кто-то ехал верхом, но в основном люди передвигались в закрытых повозках. В массе своей уроженцы городов, они радовались, вернувшись под защиту городских стен, покинув открытые просторы, грозящие неведомыми опасностями.

Я приготовил жилье для Кутулу и его людей в своем крыле замка, напротив казарм, где разместились уланы.

– Хорошо, – одобрительно заметил повелитель шпионов. – Поскольку мимо твоих часовых каллианцы не пройдут, мои агенты могут надеяться, что сохранят свое инкогнито. Но мне также будут нужны комнаты в подземелье, доступ в которые будет закрыт для всех, за исключением моих людей. Еще мне понадобятся помещения для хранения моих

архивов, которые будут охраняться круглосуточно.

И наконец, существует ли способ тайно входить и выходить из замка?

Я о таком не знал, а если бы и узнал, то приказал бы немедленно заложить его кирпичами.

– Жаль, – вздохнул Кутулу. – Было бы очень неплохо иметь какой-нибудь крысиный лаз для моих терьеров, чтобы они могли незамеченными покидать замок в любое время дня и ночи. А уж крыс они наловят, можешь не сомневаться.

Он спросил, подумал ли я о Квадрате Молчания. Я ответил, что провидица Синаит позаботилась о том, чтобы ни один колдун не смог подслушать разговоры в моем кабинете, и сотворила там соответствующее заклинание, как только мы разместились в замке.

– Отлично, – сказал Кутулу. – Что ж, предлагаю пройти туда. У меня есть к тебе кое-какие вопросы.

Мы стали подниматься по широкой лестнице туда, где располагались мои апартаменты. На полдороге Кутулу остановил меня, положив руку на плечо.

– Извини, – застенчиво произнес он, – иногда я забываю о правилах вежливости. Я очень рад тебя видеть, друг мой.

Я удивленно взглянул на него. Однажды, после того как я спас ему жизнь во время столкновения с демоном-хранителем Товиети, Кутулу уже называл меня своим другом, но с тех пор он больше ни разу не произносил этого слова. Смутьившись, я пробормотал слова благодарности и поспешил

обратить все в шутку, сказав, что, как только он убедится, какой бардак царит в Каллио, он переменит свое мнение.

– Нет, – серьезно ответил Кутулу. – Я говорил искренне. Я знаю, что сейчас нахожусь рядом с одним из двух людей, которым могу полностью доверять.

Вторым был тот, кого он считал своим богом, – император Тенедос.

– Я рад, что уехал из столицы, – продолжал Кутулу. – Боюсь, в последнее время Никея нравится мне все меньше и меньше.

– Почему?

– Император подобен блюдцу с медом, – сказал он, – а рядом с ним кружится рой мух, пытающихся урвать как можно больше, пачкающих все своим прикосновением. Иногда мне становится страшно, что император обращает на этих людей слишком много внимания, забывая о тех, кто поддерживал его в трудную годину.

Я постарался скрыть свое изумление: мне всегда казалось невозможным, что Кутулу способен критиковать поступки императора Тенедоса – даже в такой мягкой форме.

– Не сомневаюсь, император прекрасно понимает, что чего стоит, – поспешил сказать я. – Не забывай, что ему, как и тебе, для достижения своих целей иногда приходится пользоваться весьма сомнительными средствами.

Молча оглядев меня с ног до головы, Кутулу коротко кивнул.

– Надеюсь, ты прав, – наконец произнес он. – Ну конечно, ты *должен* быть прав. Я беспокоился напрасно. – Маленький человечек попытался изобразить улыбку, на его лице выглядевшую очень странно. – Как я уже говорил, *ты* мой друг. Ладно, пойдем заниматься нашими делами.

Когда мы прошли в мой кабинет, я придвинул два стула к столу, стоявшему в центре Квадрата Молчания, и сказал, что здесь мы можем говорить спокойно.

– В первую очередь я хочу передать тебе слова императора, – начал Кутулу. – Но у меня к тебе тоже есть кое-какие вопросы.

– На которые я должен отвечать правдиво, в противном случае меня будут преследовать по всей строгости закона.

– Что? – озадаченно переспросил Кутулу.

– Извини. Я попробовал пошутить. Ты сейчас говорил так, словно вел допрос.

– О, прости. Боюсь, у меня все мысли заняты предстоящей работой.

– Ничего страшного.

Шутить с Кутулу было все равно что мочиться против ветра – толку практически никакого, а брызги весьма неприятны. И все же по какой-то необъяснимой причине я питал глубокую симпатию к этому маленькому человечку – в той мере, в какой можно любить того, чья работа и страсть заключаются в том, чтобы знать все про тебя и про всех остальных.

– Начну со своих вопросов. Есть ли в Каллио активные

сторонники Товиети? В твоих отчетах о них ничего не было.

Я раскрыл рот от изумления. Товиети, культ террора, был основан в Кейте, одной из провинций Спорных Земель. У истоков его стоял неизвестный чародей, вероятно умерший; он указал своим последователям на хрустального демона Тхака, которому они должны были поклоняться и повиноваться. Постепенно сторонники террора распространились по всей Нумантии, неся с собой смерть. Они поставили цель сокрушить основы общества и установить господство своего страшного культа. Последователи Товиети забирали у богатых и знатных не только жизнь, но также золото, земли и женщин. Однако Тенедос расправился с Тхаком, а Кутулу и я при помощи меча и петли уничтожили всех служителей этого культа. Это случилось больше девяти лет назад.

Наверное, кому-то удалось спастись от наших чисток и бежать из страны. Но, насколько мне было известно, мы уничтожили всех главарей, и теперь я считал Товиети не более чем кошмарным сном.

– Я в своем уме, – заверил меня Кутулу. – Товиети снова поднимают голову. Помнишь их эмблему?

Помнил ли я? Зловещий знак был нарисован или нацарапан на стенах всех домов Сайаны, столицы Кейта: красный круг, символ погибших вожаков, которых Товиети считали мучениками, а в нем гнездо с поднимающими головы гадюками. Кутулу кивнул.

– Мы обезглавили много гадин, но, по-видимому, оста-

лись и другие.

– Но кому они служат? Тхак мертв, по крайней мере я так считал.

– Ни один колдун, в том числе и сам император, не смог найти ни малейших следов присутствия этого демона, – согласился Кутулу. – Но Товиети изменились.

Мне удалось схватить десятка два последователей культа в Никее. Во время допросов они до самой смерти продолжали утверждать, что у них больше нет повелителя. Гибель Тхака и высшего руководства организации показали простым членам, что они выбрали себе не ту путеводную звезду.

Теперь все Товиети сплочены в небольшие группы, где каждый имеет равные права. Они должны убивать сильных мира сего, по-прежнему по возможности желтым шелковым шнурком. Им позволяется красть то, чем можно поделиться с другими членами братства.

Товиети говорят, что, возможно, настанет день, когда объявится новый вождь, но это будет уже не демон, а человек. Этот человек поведет их вперед, ко всеобщему равенству людей, и тогда можно будет забыть о кровавом прошлом. – Кутулу недовольно поморщился. – Насколько я могу судить, пока их немного. Но они доставляют немало хлопот. Мне известно по меньшей мере о двенадцати задушенных, и, готов поспорить, втрое больше жертв было убито другими способами. До сих пор мне не удалось найти никого, похожего на вождя. Уничтожив одного главаря, можно лишить гидру сра-

зу всех ее голов. Возможно, Товиети говорят правду, хотя на моей памяти мне еще ни разу не приходилось сталкиваться с собачьей сворой, не имеющей вожака.

– Для меня все это внове, – сказал я. – Ты знаешь, каковы стражники здесь, в Каллио: они годятся только на то, чтобы ходить ночью по улицам с погремушкой. Как от тайных агентов от них толку столько же, сколько от крестьян, всю жизнь разводивших цыплят. До меня не доходило никаких слухов о Товиети. Быть может, следует попросить мою провидицу сотворить заклинание? Вдруг ей удастся что-либо узнать?

– Сомневаюсь, чтобы у нее хоть что-нибудь получилось, – угрюмо произнес Кутулу. – По моему распоряжению лучшие чародеи Никеи творили заклятия, но все безрезультатно. Я заставил работать даже членов Чарского Братства, усилиями императора превращенных из ископаемых старцев, способных только распространяться насчет теории магии, в настоящую силу.

Он оглянулся, словно опасаясь, что нас могут подслушивать, и вдруг перешел на шепот:

– У тебя есть какие-либо свидетельства усиления активности Майсира? Хотя бы подозрения?

– Никаких, – ошеломленно ответил я, но тут вспомнил слова Тенедоса.

– Император хочет знать, не удалось ли кому-нибудь из бесследно исчезнувших каллианских чиновников пройти через Спорные Земли и найти убежище у короля Байрана.

– Об этом не может быть и речи, – решительно произнес я. – Возможно, кое-кто и пытался, но я ни за что не поверю, что какой-то чиновник или придворный колдун, даже одетый в жалкие лохмотья, прикрывающие наготу, смог убедить горцев пропустить его к границе Майсира.

– Согласен. Лично я уверен, что все, кто остался в живых, или легли на дно, или бежали в другие провинции Нумантии. Но император считает иначе. – Кутулу покачал головой. – Великие мира сего изрекают истину, а нам, жалким созданиям, остается только втискивать то, что мы видим, в рамки этих видений.

Ладно, посмотрим, что мне удастся разузнать.

Сезон Жары закончился, и наступил Сезон Дождей. После первых дней унылой измороси в полную силу заявили о себе муссонные ливни. По-прежнему было тепло, но серая сырая погода как нельзя лучше подходила для начавшихся грязных дел.

Кутулу и его агенты без лишних слов приступили к работе. Странные личности входили и выходили из замка в любое время дня и ночи, иногда по одному, чаще небольшими группами. Куда они направлялись, чем занимались, я не знал и не хотел знать.

Другие сотрудники Кутулу также трудились не покладая рук. Мне пришлось перевести караульное помещение на другой этаж и застелить полы толстыми коврами, но все равно крики из камеры пыток доносились и туда.

Мне это совсем не нравилось, но именно так в моей стране правоохранительные органы ведут следствие. Принц Рейферн, наоборот, похоже, был очень рад и приставал к Кутулу с просьбами разрешить ему присутствовать на допросах. Тот неизменно отвечал отказом, объясняя, что появление постороннего может нарушить отлаженный механизм «беседы» с задержанными.

Мне оставалось утешать себя мыслью, что моя служба не требует подобных жестокостей. Деятельность выездных судов, прилагавших все силы для возвращения законности на эту истерзанную землю, продолжалась безостановочно.

Неизвестный ввалился в городские ворота среди бела дня. Резкие порывы ветра носили по небу косые струи дождя. Часовым этот человек, одетый в изорванную форму улана, показался сумасшедшим.

Как оказалось, это был рядовой Второй колонны эскадрона Леопарда, 17-го Юрейского Уланского полка.

Его спешно провели в лазарет замка. Там в нем узнали рядового Габрана. В тот день рано утром он выехал из города в составе патруля правосудия под командованием легата Или. Услышав бредовые всхлипывания Габрана, дежурный офицер немедленно послал за мной. Несчастный бормотал что-то о змеях, огромных змеях, о людях, превратившихся в змей, пытавшихся его убить, но он от них бежал, бежал, бежал... Внезапно Габран умолк, и его взгляд остекленел.

– Они убили всех нас, – спокойным голосом произнес

он. – Всех лошадей, всех воинов. Они и меня пытались убить. Но я оказался слишком проворным. Я убежал в поле, потом переплыл реку. Они не смогли меня догнать.

Теперь они идут сюда. Идут за мной. Но я ведь здесь в безопасности, правда? Правда? Правда?!

Его голос перешел на крик. Двое солдат схватили Габрана под руки, третий просунул сквозь стиснутые зубы ложку с лекарством. Несчастный снова затих.

– Это позволит мне заснуть, да? Хорошо, я усну. Когда я сплю, меня ведь не смогут найти. А если и найдут, мне будет все равно. Да, мне будет все равно. Мне будет...

Габран рухнул на пол, подкошенный усталостью и действием успокоительного.

Выбежав из лазарета, я закричал, поднимая по тревоге отряд специального назначения. Срочно вызвав в караульное помещение домициуса Биканера, я отправил гонца предупредить Кутулу и провидицу Синаит, чтобы они немедленно собирались в дорогу. Если в словах Габрана есть хоть доля правды, нам понадобится магия. Я собирался двигаться быстро, гораздо быстрее, чем могли ждать от нас каллианцы.

Биканер ворвался в просторный зал, на ходу застегивая португею. Капитан Рестеннет, его адъютант, уже рассказал ему о случившемся с Габраном. Домициус много лет служил вместе со мной и без лишних слов понял, что я замыслил.

– Легат Или со своим отрядом выступил на рассвете, имея приказ провести выездное заседание суда вот здесь, – сказал

Биканер, указывая точку на карте.

Деревня, называемая Неверн, раскинулась на отрогах гор. От Полиситтарии до нее два часа верхом.

– Отлично, – сказал я. – Я отправлю туда дежурный отряд...

– Эскадрон Тигра, сэра.

– Эскадрон Тигра, а также своих Красных Уланов. Кроме того, распорядись, чтобы одна рота гусар была готова выступить через десять – нет, через пятнадцать минут.

– Слушаюсь, сэра. Я лично возглавлю...

– Нет, – спокойно остановил его я. – Командовать буду я. Но ты, если хочешь, можешь поехать с нами.

– Так точно, сэра. Благодарю вас, сэра.

Не успел Биканер выйти, как в караульное помещение вбежал запыхавшийся Кутулу. Я быстро ввел его в курс дела и поделился своими предположениями.

– У нас нет достоверной информации, – заметил он.

– Согласен, – подтвердил я. – Но если мы будем торчать здесь, дожидаясь подробностей, скоро под нашим началом никого не останется. Ты едешь со мной или нет?

– Еду.

– Хорошо. Я прикажу оседлать для тебя коня. Карьян с моими доспехами уже ждал в дверях. Сам он был в шлеме, латах и наколенниках.

– Лукан оседлан, сэра.

– Хорошо. Проводи этого человека на конюшню и просле-

ди, чтобы ему дали быстрого и надежного коня. Еще одну лошадь оседлай для провидицы Синаит. Ступай!

Карьян бегом отправился выполнять мое приказание. В караульное помещение торопливо вошел капитан Ласта, громылая саблей. Дав ему указания, я начал надевать доспехи.

– Сэр, позвольте один вопрос!

– Говори, капитан.

– А что, если это западня? Что, если нам устроили ловушку?

Я задумался. Нет. Противник не может ожидать такого быстрого ответа. Он наверняка думает, что мы не предпримем никаких шагов до завтрашнего утра, когда у нас впереди будет целый световой день, ибо никто не рискует выезжать на дороги Каллио на ночь глядя.

– Если так, пусть молят Ису о пощаде. Потому что от нас им ее ждать бесполезно.

Провидица Синаит ждала нас во внутреннем дворе. Подоткнув юбки, чтобы было удобнее ехать верхом, она держала в руках свиток с магическими заклинаниями. Отряд построился. Я вкратце изложил солдатам то немногое, что мне было известно. Офицеры принялись выкрикивать отрывистые команды.

– Трибун, – спокойно промолвила Синаит, – быть может, нам следовало бы задержаться, чтобы постараться более подробно узнать о случившемся. Однако, как я вижу, вы решительно настроены отомстить тем, кто напал на ваших людей,

кем бы – или чем бы – они ни были.

– Ты права.

Ее слова застигли меня врасплох. Я задумался. *Чем бы они ни были?*

– Может, это *действительно* демон? – осторожно сказал я.

Синаит пожала плечами.

– Мне еще ни разу не приходилось сталкиваться с демоном, только что напившимся крови. Будет очень любопытно попробовать.

Я натянуто улыбнулся. Одна из причин, по которой я остановил свой выбор на провидице Синаит, заключалась в том, что ей был абсолютно неведом страх. Она была таким же воином, как и мои солдаты.

– Сэр! – окликнул меня Биканер. – Отряд готов выступить!

Ко мне подъехал Карьян, ведя в поводу Лукана. За ним ехал Кутулу верхом на гнедой кобыле, очень резвой лошадке, которую тем не менее можно было доверить и ребенку. Я вскочил в седло.

– Уланы! – разнесся по двору мой зычный голос. – Вперед!

Ворота распахнулись, и отряд рысью выехал в главный внутренний двор замка. Внизу в сырых сумерках зажигались первые огни Полиситтарии.

Оглянувшись, я увидел на внутреннем балконе Маран. На один краткий миг боевой задор покинул меня, и я подумал,

каково любить мужчину, избравшего для себя такую жизнь, какую выбрал я, когда каждое расставание может стать последним. Однако у меня не было времени предаваться досужим размышлениям. Перейдя на галоп, отряд нырнул в надоедливый дождь, покидая город.

У всех на уме было только одно: кровь.

Дождь ненадолго прекратился, и умирающее солнце осветило деревню Неверн. Она раскинулась на вершине холма, и, хотя не была обнесена стеной, защищать ее было бы очень легко. Всего полдюжины улочек, петляющих между древними домами из камня. Из одного донесся плач ребенка, быстро смолкший. Но наше внимание было приковано не к деревне.

На расставленных вдоль дороги треногах, на каких мясники закрепляют для разделки говяжьей туши, виднелось двадцать пять обнаженных трупов, подвешенных на крюки за ребра. Это было все, что осталось от отряда легата. Я осмотрел его труп. Помимо жуткой раны на груди, других следов насилия на нем не было. Но умер легат в страшных мучениях: его лицо, как и лица остальных солдат, было искажено гримасой страха.

Вспомнив бессвязный лепет рядового Габрана о людях, превратившихся в змей, я представил себе, как всего несколько часов назад отряд легата Или въехал в деревню на центральную площадь, приготовившись выслушивать жалобы и просьбы. И вдруг прямо на глазах у солдат толпящиеся

вокруг крестьяне стали валиться на землю, извиваться, превращаясь в змей...

Отлично. Посеявший террор сам пожнет свои плоды. Подозвав к себе капитана Пелыма, командира эскадрона гусар, я приказал ему выделить сотню своих людей и окружить деревню. Не щадить никого – ни мужчин, ни женщин, ни детей. Отсалютовав, капитан увел своих людей.

– Ваши намерения, трибун? – официальным тоном спросил подъехавший ко мне Кутулу.

– Жители этой деревни повинны в смерти двадцати пяти своих сограждан-нумантийцев. Согласно закону военного времени, они заслуживают смерти.

От меня не укрылось, как у провидицы Синаит округлились глаза. Я вспомнил полицейского сержанта, собиравшегося расправиться с тремя невиновными стариками, но быстро взял себя в руки.

– Хорошо, – одобрительно заметил Кутулу. – Император справедлив – но бывает очень суров к злодеям.

– Трибун, – обратилась ко мне провидица. – Соблаговолите уделить мне минуту, прежде чем отдавать приказание.

Спешившись, она развернула свиток и достала тонкий кинжал с серебристым лезвием и позолоченной рукояткой.

– Сейчас я хочу попробовать то, что никогда раньше не делала.

Синаит прикоснулась лезвием к своему лбу, затем к сердцу. Подойдя к трупу Или, она провела кончиком по ужас-

ной ране у него на груди, затем вернулась к свитку и достала моток бечевки, блеснувшей в свете заходящего солнца. Пробормотав какое-то неразборчивое заклинание, провидица обмотала эфес кинжала двойной петлей и подняла его в воздух. Идеально сбалансированный клинок застыл в горизонтальном положении. Синаит стала распевать:

Вот кровь,
Здесь была кровь.
Ищи убийцу,
Найди мужчину,
Найди женщину,
Найди ребенка.
Кровь ищет кровь.
Укажи в нужную сторону,
Не ошибись.
Кровь ищет кровь.

Сначала кинжал висел неподвижно; вдруг он крутанулся, указав острием на деревню.

– Так я и думал... – начал было я.

Но тотчас же лезвие снова пришло в движение, начало рыскать из стороны в сторону, словно гончая, пытающаяся унюхать след. Наконец оно остановилось, отвернувшись градусов на десять от деревни.

– Что это значит? – спросил я.

– Подождите, – сказала провидица. – Дайте убедиться наверняка. – Она снова пропела свою песнь, и опять кинжал вел себя как в предыдущий раз. – Этих солдат убили не жители деревни. Кинжал показывает в ту сторону, где находятся настоящие убийцы.

Полагаю, крестьяне знали о том, что должно будет случиться, но побоялись предупредить солдат. Нож показывает, что на них также лежит какая-то вина. Я это сразу почувствовала, – продолжала она, – но я не вижу в деревне ни врагов, ни опасности. Правда, я не вполне уверена в своих ощущениях, но все же предлагаю задуматься над моими словами.

– Ты сказала, на жителях деревни также лежит часть вины, – решительно заявил Кутулу. – Этого достаточно.

Промолчав, Синаит выжидательно посмотрела на меня. Я снова вспомнил кровожадного стражника, и мой гнев чуть поостыл.

– Трибун, – сказал Кутулу, видя мое колебание, – несомненно, эти люди виновны и должны понести наказание. Неужели мы должны забыть о них и гоняться за призраками, скрывшимися в горах?

– Провидица, – сказал я, – в словах главного полицейского империи есть смысл. Можно ли схватить истинных виновных?

– Не знаю, – честно призналась Синаит. – У вас есть карта этих мест?

– Домициус Биканер, будь добр, принеси карту!

– Слушаюсь, сэръ!

Достав из седельной сумки свиток пергамента, капитан Ласта передал его Биканеру, и тот поспешил к нам.

– Вы не могли бы... привязать ее к местности – кажется, это так называется? – спросила Синаит.

Спешившись, я расстелил карту на земле и, ориентируясь по деревне и возвышавшемуся неподалеку гребню холма, без труда определил наше местонахождение.

– Где именно мы находимся?

Опустившись на колени, я указал пальцем. Присев на корточки рядом со мной, Синаит взяла в руку пригоршню мокрой земли и прикоснулась к нужной точке на карте.

Ты тот, кого изображаешь,
Ты тот, кого представляешь.
Скажи мне правду,
И да помогут тебе
Джакини, богиня Земли,
Лимакс, бог этой страны,
И та, которую нельзя упоминать вслух,
Но которая знает, знает,
Которая знает, что я чту ее.
Превратись в то, что ты изображаешь.

Я готов был поклясться, что на мгновение карта превратилась в уменьшенную копию окружающей местности. Кро-

печные черные точки Неверна стали домами, окрестные холмы поднялись, покрываясь зеленой щетиной лесов. Но тотчас же видение исчезло. Снова взяв кинжал, Синаит подвесила его над картой на золотистом шнурке, бормоча неразборчивые заклинания. Повисев горизонтально, лезвие вдруг повернулось вниз. Провидица медленно опустила руку так, чтобы острие прикоснулось к карте.

– Те, кого вы ищете, находятся здесь.

Подозвав капитана Ласту, я показал ему на карту.

– На мой взгляд, около часа езды верхом, – сказал он. – Можно двигаться по этой тропе... вот. Она должна быть неплохой, если только карта не лжет или тропу не размыли дожди.

Я встал.

– Улан Карьян, догони капитана Пелыма и передай ему мой приказ возвращаться.

– Слушаюсь, сэр. Кутулу нахмурился.

– Трибун, можно тебя на пару слов? Мы отошли в сторону.

– Ты веришь в колдовство этой женщины?

– Не до конца, – признался я. – Но мне чертовски хорошо известно, что толпе крестьян не справиться с двадцатью пятью опытными уланами даже с помощью магии. Они слишком трусливы.

– Но они знали о засаде, – упрямо произнес Кутулу. – Даже твоя провидица это подтвердила.

– Подтвердила, и виновные не избегут суровой кары. Од-

нако помимо смерти и тюрьмы существуют другие виды наказания. Я мог бы приказать спалить Неверн дотла, но как ты думаешь, много людей в окрестных деревнях прониклись бы после этого любовью к Нумантии?

Эти люди будут наказаны, Кутулу, можешь не сомневаться. Вероятно, я прикажу закрыть в деревне рынок на целый год, чтобы продавцам и покупателям пришлось ездить куда-то в другое место. Надо будет подумать.

– В законе нет места для слабости, – упрямо стояла на своем Змея, Которая Никогда Не Спит.

– Можешь называть это слабостью, – сказал я, – но я употребил бы другое слово: милосердие. Мой приказ окончательный и не подлежит обсуждению. Прошу выполнять, сэр.

Опустив голову, Кутулу направился к своей лошади.

Как и предсказывал капитан Ластва, примерно через час мы добрались до места, где, как сказала Синаит, должны были находиться те, кого мы ищем. Совсем стемнело, и дождь возобновился, правда, теперь он был не таким сильным, как днем.

Пока колонна ехала по лесу, я отдал необходимые распоряжения Биканеру, Ласте, Пелыму и командиру эскадрона Тигра легату Танету. Дальше нам предстояло идти пешком. По одному солдату из каждой четверки должны были остаться с лошадьми. Уланам пришлось отказаться от своего основного оружия. Если бы я предполагал, что нам предстоит сражаться в пешем строю, я приказал бы им захватить ко-

роткие палаши и кинжалы. Сейчас же им придется воспользоваться саблями.

Сам я был во всеоружии. Много лет назад мой отец научил меня, что сабля – оружие, которым хорошо сражаться только всаднику. Поэтому я никогда не расставался с прямым обоюдоострым мечом.

Я шел впереди, домициус Биканер замыкал отряд. От меня не отставал ни на шаг Карьян, за ним шли Кутулу и провидица Синаит. Нас окружали лучники и капитан Ласта с Красными Уланами. Перед тем как тронуться, я спросил у колдуньи, не чувствует ли она присутствия магии. Колдун, расправившийся с отрядом легата Или, мог расставить еще одну западню. Синаит сотворила два заклятия и ничего не обнаружила, что ее очень удивило: неужели неведомый чародей был настолько уверен в себе?

Я отметил, что как раз в той стороне, куда нам предстояло идти, на фоне потемневшего неба выделялся гребень горы. Мы двинулись вперед, не прибегая к помощи компаса. Пройдя некоторое расстояние, я увидел слабые отблески костра, отражающиеся от нависших над вершиной холма облаков, и повел отряд на них. Нам приходилось постоянно подниматься вверх. Немного не доходя до гребня, я поднял руку. Солдаты распластались на земле, держа оружие наготове.

Я знаками предложил Карьяну, провидице и Кутулу следовать за мной. Мы осторожно взобрались на вершину холма. Я поражался, глядя на Синаит, – не имевшая подготовки

солдата, не в лучшей физической форме, она двигалась почти так же бесшумно, как мы, и совсем не запыхалась.

За холмом естественным амфитеатром раскинулась небольшая долина. Дымили костры, сложенные из сырых дров. Демонов нигде не было видно, но у огня сидело с полсотни вооруженных мужчин. Кто-то жарил мясо, другие кутались в одеяла и шкуры. Они оживленно переговаривались, не обращая внимания на дождь; время от времени до нас доносился раскатистый смех. Я не заметил, чтобы неизвестные позаботились выставить часовых.

Некоторое время мы следили за ними. Я уже собирался возвращаться к солдатам, но тут Кутулу поднял руку. Несомненно, он чего-то ждал. Вдруг один из сидевших у костра встал и выкрикнул три имени. К нему подошли трое, и они отошли в сторону и начали вполголоса о чем-то совещаться.

Кутулу бесшумно приблизился ко мне.

– Эта четверка, – шепнул он. – по крайней мере тот, что в середине, – это предводитель, – нужны нам живыми.

– Попробуем, – скептически отозвался я.

В рукопашной схватке, да еще ночью, ни в чем нельзя быть уверенным.

– Никаких «попробуем». У меня есть кое-какие вопросы, на которые я должен получить ответ.

В его глазах блеснул отраженный свет костров. Кутулу натянул на руки перчатки с длинными крагами, свое излюбленное оружие – на костяшки пальцев и ладони были нашиты

мешочки с песком. Идеальное средство мгновенно оглушить противника. В левой руке главного полицейского появился кинжал, который он достал из ножен на спине.

Мы вернулись назад, и я шепотом отдал последние распоряжения капитану Ласте. Тот передал их уоррент-офицерам. Я хотел, чтобы эскадрон Тигра обошел долину слева, а гусары 10-го полка – справа. Солдатам предстояло занимать свои позиции, медленно считая про себя до двух тысяч. По моему крику все разом должны были броситься на врага.

Два отряда бесшумно скрылись в темноте. Я вел отсчет времени. Досчитав до тысячи, я подал знак, и мои Красные Уланы, рассыпавшись цепочкой, поползли к гребню холма.

У меня пересохло во рту, губы скривились в зловещую усмешку.

Пора. Выждав еще несколько секунд, я поднялся с земли. И тут Кутулу, не дожидаясь моего сигнала, бросился вниз. Сначала мне показалось, у него сдали нервы или он чего-то не понял; затем, догадавшись, что он замыслил, я выругался.

– Уланы... вперед! – крикнул я во всю глотку.

Перевалив через гребень, мы обрушились на врага. Кутулу бежал впереди всех. Я увидел, как он пушечным ядром налетел на одного из бандитов, сбив его с ног.

Послышались отчаянные крики застигнутых врасплох. Разбойники вскакивали, поспешно хватаясь за оружие. Кто-то попытался спастись бегством, но с противоположного склона навстречу спускались еще две волны солдат. Мои ка-

валеристы, превратившись в пехотинцев, врезались в беспорядочную толчею бандитов стройной шеренгой. В свете костров сверкнули сабли; недоуменные крики сменились предсмертными воплями. Часть каллианцев попыталась прорваться сквозь кольцо уланов, но мои лучники, выстроившись по периметру долины с интервалом в тридцать шагов, встретили их дождем оперенных стрел.

Передо мной возник человек, попытавшийся броситься на меня с голыми руками. Мой меч глубоко вошел ему в грудь. Уперевшись в убитого ногой, я вытащил из него клинок и стремительно развернулся, отражая выпад алебарды. Перерубив деревянное древко, я погрузил меч в горло нападавшего.

На меня набросились двое с дубинками. Отскочив вбок, я рассек одному из них руку и, дав ему время взвыть от боли, выпотрошил его дружка, а затем взмахнул мечом и снес первому голову с плеч.

Неизвестно откуда взявшийся бродяга резко выбросил вперед короткий обоюдоострый палаш. Отразив удар, я, в свою очередь, рубанул изо всех сил, но бродяга отпрыгнул в сторону. Он взмахнул палашом, но я, поймав своим мечом эфес его клинка, резко поднял руку вверх. Наши тела столкнулись. От бродяги пахло чесноком и страхом.

Прежде чем он успел отпрянуть назад, я изо всех сил ударил коленом ему в пах. Вскрикнув, бродяга согнулся пополам. Ударив рукояткой меча по затылку, я проломил ему че-

реп, а потом добил его, воткнув лезвие в спину.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что стоять остались только мои солдаты.

– Домициус!

Слегка прихрамывая, ко мне подбежал Биканер. Я увидел на его бедре темное пятно.

– Кажется, я становлюсь старым, сэ. Один из негодяев упал, а я не стал задерживаться, чтобы добить его наверняка, и этот ублюдок имел наглость пустить мне кровь. Какими будут ваши приказания, сэ?

– Отруби убитым головы. Завтра утром мы украсим ими стены Полиситтарии.

Биканер сверкнул белоснежными зубами.

– У горожан будет над чем подумать, сэ.

Им предстоит думать не только об отрубленных головах. Вся провинция будет скорбеть по погибшим уланам. Конечно, я прекрасно понимал, что втайне каллианцы будут злорадоваться, но мне хотелось, чтобы они скорбели о других вещах: о временном запрете всех праздников, закрытии всех таверн и публичных домов. Раз не удастся воззвать к чувству справедливости, будем действовать другими методами.

Кутулу стоял шагах в двадцати от меня. У его ног стонал поверженный бродяга; второму удалось подняться на четвереньки. Я подошел к ним.

– Сперва я решил, что ты сошел с ума, – сказал я.

– Вовсе нет. – Оглянувшись вокруг, Кутулу убедился, что

никто его не услышит, и тихо добавил: – Мой друг, просто мне показалось, что ты не можешь обеспечить безопасность тех, кто был мне нужен, поэтому я решил поторопиться. Один из этих двоих – тот, кто отдавал приказания. Другой – ну, наверное, один из его помощников. Посмотрим, что они расскажут о себе, когда мы вернемся в замок. У меня к ним очень много вопросов, и, не сомневаюсь, я на все получу ответы.

Кутулу не улыбался, не злился; его слова были лишь констатацией факта. Я понял, что палачи будут беспощадны.

Мелкие стычки закончились; пришла пора готовиться к настоящему сражению.

Глава 4

ЗАБРАСЫВАЯ НЕВОД

– Так я и знал, нечего мне соваться в политику, – проворчал бандит по прозвищу Проломи-Нос, выплевывая окровавленные зубы. – Воровство – чистая, пристойная профессия, и худшее, что может тебя ждать, – это смерть на виселице.

– Смерть от тебя никуда не денется, – заверил его Кутулу. – Ты умрешь – после того как все нам расскажешь и мы убедимся, что это правда.

– Мне больше нечего вам говорить, – пробормотал пленник. – Этот тип пообещал расплатиться с нами червленым золотом, и он сдержал свое слово. Мы должны были только повесить этих солдат.

– Кто он?

– Повторяю вам, как я уже говорил тому ублюдку, что вытряс из меня всю душу: не знаю. Он пришел к нам в логово – понятия не имею, откуда он про него проведал. Он знал нас, знал мое прозвище и был готов хорошо платить. Ребята из Осви уже дали свое согласие, но ему требовались еще люди. Не хотел выпускать ни одну живую душу. Я спросил своих орлов, что они об этом думают. С тех пор как началась война, наши заработки упали. У людей в карманах не осталось

даже медяков, не говоря уж о серебре и золоте.

Мы уже подумывали о том, чтобы перебраться на восток, в Вайхир, и попытать счастья там. А вместо этого... – Сплюнув кровь, Проломи-Нос вытер губы, огорченно глядя на свои разбитые руки. – Полагаю, *эти пальцы* никогда больше не смогут держать нож, да?

Меня тошнило от зловония камеры и от зрелища того, что сделали с несчастным вором палачи. Я едва сдержался.

– К тому же я всегда недолюбливал вас, проклятых богами никейцев. Такие надменные, вечно ходите задрав нос, вот я и подумал, что было бы неплохо отправить несколько человек в долгое путешествие к Сайонджи.

При этих словах палач взялся за кнут, но я поднял руку, останавливая его.

– Пусть говорит.

– Кроме того, убивать солдат – хорошая работенка.

– Почему? У нас редко бывают большие деньги.

– Когда убиваешь солдат, ковыряющиеся в земле начинают думать, что ты на их стороне. Понимаете, ты становишься для них чем-то вроде героя, и они уже не выдадут тебя, польстившись на награду.

Удовлетворив свое любопытство, я отошел назад. Кутулу нахмурился – я не имел права ломать ход допроса.

– Этот человек называл свое имя?

– Нет.

– Как он был одет?

– Богато. Темно-коричневые панталоны, туника. Поверх был наброшен плащ, тоже темно-коричневый. Должно быть, заговоренный, потому что с виду он был вроде как шерстяным, но дождь стекал с него, как с промасленной ткани. С ним были два крепыша. Телохранители.

– Значит, он вам заплатил, и вы сделали так, как он просил?

– Точно.

– Жителям деревни он тоже заплатил?

– Черта с два. Просто сказал, чтобы все мужчины убирались вон, прятались в лесу до самого вечера. Наверное, бедолаги вообразили, мы разграбим деревню и позабавимся с их женами. Мы были бы не прочь, но колдун нас остановил. Думаю, он наложил на нас какое-то заклятие, потому как солдаты приняли нас за обыкновенных крестьян. Колдун сказал, что даст нам знак; так он и сделал.

Кутулу вопросительно посмотрел на меня.

– Ты хочешь услышать подробности о том, что было дальше?

– Каково быть змеей? – вдруг совершенно не к месту спросил я.

Лицо Проломи-Носа растянулось в зловещей ухмылке.

– Это было просто замечательно. Ведь все наши мысли остались при нас, не то что мы превратились в настоящих глупых змей. Мы двигались с молниеносной быстротой, уворачиваясь от сабель. Наверное, – криво усмехнулся он, – ко-

гда настанет время и я вернусь на Колесо, богиня сочтет, что для такого бродяги, как я, лучшее наказание – превратиться в змею. Право, я буду совсем не против.

Увидев, как Кутулу кивнул, палач опустил кнут на исполосованную окровавленную спину бандита. Сдавленно вскрикнув, Проломи-Нос потерял сознание. Палач вылил на бандита ведро воды, приводя его в чувство.

– Веди себя пристойно, когда разговариваешь с трибуном, – с укором сказал он.

– Больше чародей ничего от вас не хотел? – спросил Кутулу.

– Вы уже задавали мне этот вопрос, – переводя дух, отозвался Проломи-Нос.

– Верно. И может быть, я еще десять раз его повторю, чтобы убедиться, что ты говоришь правду. Отвечай!

– Он сказал, что для нас будет и другая работенка.

– Как он должен был связаться с вами?

– Он сказал, когда придет пора, он обязательно что-нибудь придумает.

– Ты можешь его найти?

Поколебавшись, Проломи-Нос покачал головой, и снова хлыст оставил рубец у него на спине.

– Нет, – простонал бандит. – Ну, то есть не напрямую.

– Объяснись.

– У меня был перстень, который отнял ублюдок с кнутом...

Палач начал было что-то рычать, но Кутулу повел бровью, и он испуганно умолк.

– Продолжай.

– Колдун подержал мой перстень, потом его вернул, сказав, что наложил на него заклятие. Якобы, если мне нужно будет с ним связаться, достаточно будет поднести перстень ко лбу и подумать о нем. Тогда он придет сам или пришлет своего человека.

Кутулу встал.

– Ты, – ткнул он пальцем в палача. – Мне нужно с тобой переговорить. Если не возражаешь, давай выйдем отсюда.

Глаза верзилы округлились от страха. Последовав за ними, я плотно закрыл за собой дверь камеры, успев услышать злорадный смешок бандита.

Палач, на голову выше Кутулу и вдвое шире его в плечах, трусливо съежился перед своим господином.

– Перстень, – тихо промолвил Кутулу.

Палач начал было все отрицать, но маленький человечек пристально взглянул на него, и рука палача как бы сама собой залезла в карман и достала массивный серебряный перстень.

– Я не думал... – залепетал палач, но Кутулу его остановил.

– Вот именно, ты не думал. Йигерн, я впервые вынужден делать тебе замечание. Второго раза не будет. Если ты снова украдешь у меня, у государства, я отправлю тебя в Никею одного, пешком, предварительно приказав выжечь у тебя на

лбу твою профессию!

Йигерн побледнел. Если Кутулу выполнит свою угрозу, ему вряд ли удастся добраться живым хотя бы до ворот Полиситтарии.

Кутулу повернулся ко мне.

– Я полагаю, трибун, мы вытянули из него все, что было ему известно. Впрочем, быть может, ты хочешь продолжить допрос?

Нет, только бы скорее выбраться из этого сырого каменного подвала, убраться подальше от гремящих ржавых цепей и отчаянных криков! Я покачал головой. Поднявшись по бесконечной лестнице, на каждой площадке перегороженной решетками, у которых дежурили часовые, мы наконец вышли во внутренний двор. Вдохнув полной грудью свежий воздух, я возблагодарил своего фамильного бога Таниса за дождь, ударивший мне в лицо и смывший воспоминания о том, что осталось внизу.

Кутулу внимательно осмотрел перстень.

– И что мы будем с ним делать? – задумчиво произнес он.

– Ничего, – решительно ответил я. – Мы не будем пока его трогать. Если этот колдун действительно такой осторожный, как я предполагаю, он обязательно наложил какое-нибудь специальное заклятие, так что, если перстнем попытается воспользоваться посторонний, чародей об этом узнает, а может быть, даже найдет на нас демона. Спрячь перстень в надежное место. Не носи его, не пытайся ничего с ним де-

лать до тех пор, пока я обо всем не доложу императору. Возможно, нам понадобится более сильная магия, чем имеется у нас в распоряжении.

– Вынужден согласиться с твоей мудростью, хотя мне не по душе, что нам приходится просить помощи у Nikei, – подумав, сказал Кутулу. – И мне подготовить донесение, которое повезет гонец?

– Нет, – сказал я. – Мы воспользуемся более быстрым, хоть и менее надежным средством связи.

Император строго приказал никому не рассказывать про Чашу Ясновидения, но иногда приходится нарушать приказы. Сообщая о Чаше Кутулу, я вдруг понял, что мне придется посвятить в эту тайну еще двоих.

– Нам придется рискнуть тем, что колдун может подслушать наш разговор с императором, ибо мы должны действовать быстро, пока он не успел узнать о том, что его убийцы схвачены и все рассказали.

– Хорошо, – согласился Кутулу. – С помощью императора мы подготовим этому чародею настоящий сюрприз. Ему придется столкнуться с другим змеем.

Он улыбнулся, и я рассмеялся, так как не ожидал, что Кутулу знает о своем прозвище.

Ночью, лежа в постели, я передал Маран несколько подправленное изложение того, что произошло в подземной тюрьме.

– Ты думаешь, вам удастся найти этого колдуна?

Спокойствие и тишину спальни нарушали лишь капли дождя, барабанившие в стекло, да доносившиеся изредка оклики часовых, вселявшие в душу спокойствие. Положив голову мне на плечо, Маран ласкала меня рукой.

– Не знаю, – наконец сказал я. – По-моему, тут одной магии будет противостоять другая, а я в этом ничего не смыслю.

– Но император примет участие в этом поединке?

– Надеюсь.

– В таком случае, этому чародею от нас никуда не деться, – уверенно заявила Маран. – Быть может, император скажет тебе, как найти и других людей.

– Например?

– Ну, всех лордов, графов и прочую знать, пропавшую неизвестно куда. Ты не находишь это очень странным?

– Нахожу. Но ведь была война, наши войска захватили Каллио. Возможно, у тех, кому удалось пережить смуту, есть веские причины не привлекать к себе внимания.

– Разумеется, есть. И готова поспорить, я могу тебе ответить, какие именно. Уж что-что, а повадки высшего света мне хорошо известны.

– Продолжай.

Внезапно мой сон как рукой сняло. Маран была права: в ее жилах текла голубая кровь многих поколений знати.

– Начнем с очевидного, – сказала моя жена. – Влиятельному вельможе нравится быть влиятельным вельможей.

– Никогда в этом не сомневался.

– Я хочу сказать, *очень* нравится Так почему эти люди внезапно попрятались по норам, вместо того чтобы просто переметнуться к новому хозяину, присягнуть ему в верности и остаться при дворе? – Маран уселась в кровати. Даже в полумраке я увидел, что ее лицо озарилось возбуждением. – Единственная причина, по которой лорд Такой-то и леди Такая-то зарылись в землю, словно спасаясь от гончих псов, вместо того чтобы урвать кусок пирога, предложенного принцем Рейферном, – им приказали затаиться. Или их запугали, или им что-то пообещали.

– Но кто мог запугать или подкупить всю знать Каллио?

– Быть может, этот ваш чародей?

– Гм.

Маран упала на подушки.

– Но наверное, я несу полную чушь.

Моя жена такая – внезапный приступ пронизательности, и тотчас же накатывается волна сомнения. Первое время я думал, что из Маран выбил всю душу тот мерзавец, за которым она была замужем до меня, но потом я начал подозревать, что в этом, вероятно, виновата ее семья. Пообщавшись с отцом и братьями Маран, я понял, что в мире Аграмонте к мыслям, высказанным женщиной, относятся пренебрежительно.

– Не говори так о себе! – строго заметил я, шлепая жену по ягодицам.

Шутливо вскрикнув, она крепче прижалась ко мне.

– Слушай, у меня есть одна мысль. Мы этим еще не занимались!

– По-моему, мы уже перепробовали все, – сказал я.

– Нет, вот послушай... я лежу лицом вниз, привязанная шелковыми веревками к кровати так, что не могу пошевелиться, – начала Маран, заводясь от собственных слов. – У меня завязаны глаза, а во рту кляп, поэтому я совершенно беспомощна. Под мои бедра подsunута подушечка, твой член находится глубоко во мне. Я чувствую твои яички – У нее участилось дыхание. – В руке ты держишь хлыст, тоже шелковый. Сначала ты меня им гладишь, а потом бьешь, и мне больно. Тут ты начинаешь двигаться, а затем бьешь хлыстом, снова, снова и снова...

Мое естество окаменело в готовности, и вдруг я вспомнил другой хлыст, которым пользовались не в пылу страсти, изуродованное лицо бандита, зловоние подземной темницы – и мое возбуждение мгновенно прошло.

– Хорошо, – сказал я. – Добавь это в свой список. У нас был воображаемый перечень того, что мы еще не пробовали в постели, – для некоторых утех потребовалось бы больше приспособлений, чем при осаде неприступной крепости. Мы время от времени делились друг с другом своими безумными фантазиями.

Вслушавшись в дождь, я зевнул, призывая сон.

– Дамастес, – сказала Маран, – можно задать тебе один

вопрос?

– Сколько угодно, только если мне будет позволено за-
снуть в самое ближайшее время.

– Долго у нас с тобой будет так продолжаться?

– Ты имеешь в виду, что мы постоянно занимаемся любо-
вью? Надеюсь, вечно.

– Нет, дурак. Я имела в виду, что тебя, как военачальника,
постоянно не бывает дома.

– Таков удел солдата, – сказал я. – Я отправляюсь туда,
куда прикажет император, и тогда, когда прикажет импера-
тор. Я принял присягу.

– И так будет всегда?

– О, полагаю, когда-нибудь я устану. Простуженные кости
и суставы будут так болеть, что я не смогу выходить из до-
ма. – Я начал было говорить о ранах, но вовремя сдержал-
ся. – Тогда у меня будет более чем достаточно времени, что-
бы тебе надоест.

– Надеюсь, – вздохнув, прошептала Маран. – Спокойной
ночи, любимый.

– Спокойной ночи, – ответил я, целуя ее в макушку. Неко-
торое время я лежал, пытаюсь понять смысл ее последних
слов. Я знал женщин, вышедших замуж за солдат, не
имея понятия о том, что представляет из себя военная служ-
ба, и потом проклинавших себя за это. Маран была не из
их числа. Она была слишком умна, а члены ее семьи много
лет служили Нумантии в качестве посланников и глав про-

винций. Учитывая характер моего призвания, было крайне маловероятно, что я доживу до ухода в отставку. Рано или поздно стрела какого-нибудь варвара избавит меня от беспокойства насчет старости. Я заснул, обретя странное успокоение в мысли, что мне суждено умереть в расцвете сил, красивой смертью, лучше всего в бою, во главе своих солдат, и, когда я вернусь на Колесо, сам Иса замолвит за меня словечко Сайонджи – хоть я не представлял себе лучшей жизни.

На следующее утро я поделился с Кутулу предположениями Маран насчет исчезнувшей знати.

– Ум баронессы превосходит ее красоту, – ответил тот.

– Уж *я-то* это знаю. А ты как дошел до этого?

– Одной из моих первоочередных задач по прибытии сюда было изучение архивов Каллио. Конечно, на эту работу у целой армии писцов уйдет вечность. Но я посадил трех человек разбирать записи последних десяти лет; они до сих пор копаются в бумагах. Возможно, поняв прошлое этой истерзанной провинции, мы сможем управлять ею более эффективно. То, что нашли мои люди, впечатляет не так, как то, чего они не нашли. Кто-то тщательно прошелся по архивам, уничтожив практически все, что имело хоть какое-то отношение ко двору Чардин Шера. Полагаю, со временем мы сможем найти дубликаты; вероятно, кое-какие бумаги имеются в центральном архиве в Никее. Но вот времени-то у нас как раз нет. Любопытно, но мои следователи считают, что архивы перетрясли сразу же после того, как Чардин Шер потер-

пел первое поражение у реки Имру и начал отступать в глубь провинции.

– Это же какая-то бессмыслица, – изумился я. – Получается, после первой битвы Чардин Шер понял, что проиграл войну, и позаботился о том, чтобы его приближенные ушли в подполье и продолжили борьбу.

– Чардин Шер... или кто-то другой, – поправил меня Кутулу.

– Например?

– Быть может, ответ на это знает наш таинственный чародей. Мне очень хочется с ним побеседовать, ибо догадка твоей жены подтверждает то, на что намекают своим отсутствием исчезнувшие записи: в Каллио мы имеем дело с двумя противниками. Один из них – это толпа, стихийные выступления.

Другой – значительно серьезнее. Это оставшиеся в живых представители правящей верхушки Каллио, затаившиеся до поры до времени в ожидании сигнала, чтобы восстать и свергнуть имперское правление. Вот этот заговор по-настоящему меня пугает.

– Поднеси этот предмет так, чтобы я его увидел, – распорядился император. – И тотчас же убирай – вдруг за нами следят. – Подчинившись, я покрутил перстень Проломи-Носа перед Чашей Ясновидения. – Полагаю, ваш разбойник сказал правду, – сказал император. – В этом предмете нет ничего изначально магического. Вероятно, грабитель отобрал

перстень у какой-то жертвы, а тот, кого мы ищем, произнес заклинание, превратив его в талисман. А теперь, будь добр, отойди в сторону, чтобы я поговорил с твоими провидцами.

Я знаком предложил Синаит и Эдви приблизиться к Чаше. Оба были заметно взволнованы. Эдви, состоявшему в свите принца Рейферна, вероятно, уже приходилось лично встречаться с Тенедосом, но Синаит, я был точно уверен, виделась с ним впервые.

– Мы с вами попробуем сделать вот что, – начал Тенедос тоном дотошного наставника, каковым он и был. – Мне пришло в голову одно заклятие, которому я выучился еще в детстве, у себя в деревне, у женщины, называвшей себя «ищущей ведьм». – Развернув свиток, император поднес его к Чаше. – Быстро перепишите то, что написано на этом пергаменте. Я не должен ничего произносить вслух, чтобы нас никто не подслушал.

Колдуны поспешно заводили перьями, беззвучно шевеля губами. Синаит закончила первой, Эдви чуть отстал. Увидев, что они подняли головы, император Тенедос скатал свиток.

– Теперь прочтите про себя то, что вы только что записали. Я постарался изложить наставления как можно понятнее.

Чародеи склонились над своими свитками.

– Тут есть одно слово, – проговорила Синаит. – «Меве-рин». По-моему, должно быть «маверн».

– Нет, – возразил Тенедос. – Это слово применяется для того, чтобы звать, а не посылать. Ты хочешь направить за-

клинание в обратную сторону.

– Я не знаю, – сказал Эдви, – что произойдет, если у нас все получится как надо.

Тенедос вздохнул, став при этом похожим на профессора университета, пытающегося втолковать очевидную истину не слишком сообразительному студенту. Но тотчас же взял себя в руки.

– Вас потянет в определенном направлении, к тому, кто сотворил заклятие с перстнем.

– Мы станем чем-то вроде стрелки компаса, Эдви, – пояснила Синаит.

Она, судя по всему, прекрасно поняла Тенедоса. Эдви, смутившись, кивнул.

– Произнесите заклинание, которому я вас только что научил, запишите то, что у вас получится, и немедленно разрывайте заклятие, – продолжал император. – Эти чары представляют собой открытый канал. Не позволяйте неведомому воспользоваться им во зло вам.

– Что касается меня, – улыбнулась Синаит, – я буду быстра как ветер.

– Прочтите заклинание один раз, – сказал Тенедос. – Затем трибун а'Симабу с отрядом солдат проводит вас в другое место, удаленное от того, где вы сейчас находитесь, не меньше чем на пятьдесят миль. Там вы снова сотворите заклятие. Перенесите два направления на карту...

– ...и точка пересечения укажет, где находится злодей! –

восторженно воскликнула Синаит.

– Совершенно верно, – одобрительно улыбнулся Тенедос.

Провидица покраснела, словно девушка, услышавшая первый в жизни комплимент.

– А теперь я хочу переговорить с трибуном наедине, – сказал император.

Колдуны и Кутулу откланялись.

– Не знаю, получится ли у них что-нибудь, – сказал Тенедос, когда мы остались одни. – Тот, кого мы ищем, очень осторожен. В случае неудачи я уже готовлю другой план.

– А если получится, что нам делать дальше?

– Схватите его живым, – сказал император.

– Раньше мне не приходилось заниматься ничем подобным, – мрачно усмехнулся я. – Насколько я понимаю, заманивать колдунов в ловушки – все равно что ловить ядовитую змею голыми руками. Ты тешишь себя мыслью, что поймал его, но весь вопрос в том, кто на самом деле у кого в руках.

Император улыбнулся.

– Я подготовлю соответствующие заклинания, которые твои чародеи наложат на ваше оружие. Этим мы вырвем гадине ядовитые клыки, и она от вас не выскользнет. Но, повторяю, этого колдуна надо взять, и живым. Я чувствую, он является душой заговора, ключом к тем бедам, что терзают Нумантию. С такой заразой надо покончить раз и навсегда!

С наступлением ночи заклятие было сотворено в комнатке одной из башен замка. В пустом помещении стояло

по кругу лишь семь жаровен на высоких кованых чугуновых ножках, а между ними семь таких же подсвечников. На всех стенах были нарисованы полуокружности диаметром около трех футов каждая. На них нанесли мелом различные символы. В середине комнаты выложили большой треугольник, углы которого были стянуты дугами. Вдоль сторон незнакомым мне алфавитом были начертаны какие-то слова. Чародеи насобирали травы: желтокорень, иссоп, шиповник, гаультерию, белую иву и другие, которые предстояло сжечь в жаровнях.

Как сказала мне Синаит, само заклинание было достаточно простым. По словам императора, его успех определялся в основном не длительностью, а числом повторений.

Эдви облачился в темную мантию, расшитую серебряными и золотыми узорами в виде созвездий, магических символов и тому подобного, перетянутую поясом с золотой пряжкой, – наряд придворного чародея. Синаит, как всегда, была во всем коричневом.

Меня очень беспокоило предостережение Тенедоса насчет опасности. Синаит заверила меня, что наша помощь им вряд ли понадобится, но Эдви, испуганно озираясь по сторонам, сказал, что лучше будет держать наготове солдат, поэтому десять уланов, в том числе Карьян, в легких доспехах стояли на узкой винтовой лестнице. Я понятия не имел, что мы сможем противопоставить сверхъестественному противнику. Но все же это было лучше, чем ничего не предприни-

мать.

Массивная дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком, и мы остались снаружи. Ждать нам пришлось долго. Никто не роптал, но всем было не по себе. Беспокойство нарастало. Услышав усиливающееся завывание ветра, я выглянул в бойницу, но с удивлением увидел, что на улице царило полное безветрие. Скоро должно было рассветать. Ветер ревел все громче и громче, и вдруг из комнаты донесся мужской крик, полный изумления, переходящего в боль. Я услышал испуганное восклицание Синаит и выхватил меч. Я толкнул дверь, но чародеи заперли ее изнутри на засов. Я навалился плечом, но крепкое дерево не поддавалось. Тут меня довольно бесцеремонно отстранил гигант Свальбард. Он что есть силы дважды обрушил на дверь булаву, вверху и внизу; петли лопнули, и дверь упала внутрь.

В одном из углов треугольника в огромной луже крови навзничь лежал Эдви. Провидица Синаит забилась в угол. На нее медленно надвигался громадный воин, ростом гораздо выше меня, облаченный в доспехи каллианской армии девятилетней давности. Услышав шум, он обернулся, и на его черном лице двумя кострами вспыхнули глаза.

Брошенный топор, просвистев мимо меня, со звоном ударился в доспехи твари. По крайней мере, она не оказалась бестелесной. Оставив в покое Синаит, призрак или демон бросился на меня, выставив свой длинный меч вперед, словно копьё. Отразив удар, я почувствовал, как сталь ударилась

о сталь. Вскинув меч, тварь рубанула изо всех сил, и мне с трудом удалось отвести лезвие его меча.

Я полоснул демона по бедру, но мой меч отскочил от его доспехов, словно они были в фут толщиной. Но тут он – или оно – снова опустил клинок. Я едва успел увернуться, и стальное лезвие обрушилось на каменные плиты пола, высекая сноп искр.

Вспомнив, чему учил меня Тенедос, я, вместо того чтобы атаковать демона, рубанул по стороне треугольника, рассекая меловую черту.

Внезапно твердая материя словно превратилась в дым; сквозь чудовище я увидел Синаит, прижавшуюся к каменной стене. И тут же в комнате не осталось никого, кроме солдат, Синаит и трупа Эдви.

– Значит, колдун все же *поставил* сторожей, – промолвил я, констатируя очевидное.

Синаит вздрогнула.

– Но заклятие императора сработало до того, как... как появилось *это* - чем бы оно ни было, – сказала она. – У меня не было времени записать, но одна зацепка у нас все-таки есть.

Провидица указала на труп Эдви. Возможно, колдун при жизни был ничем не примечательным, но своей смертью он отлично послужил Нумантии: его вытянутая рука показывала приблизительно на восток.

– Именно оттуда, – пояснила Синаит, – пришла эта тень.

Еще одно заклинание – и мы найдем колдуна.

В ее голосе не было дрожи, и я снова восхитился мужеством провидицы. Но вряд ли мы сможем сотворить второе заклинание. Таинственный чародей обнаружил нашу первую попытку и теперь поджидает нас.

На следующий день мы устроили Эдви погребальную церемонию и предали его тело огню. Я приказал трем отрядам улан быть готовыми сопровождать провидицу Синаит, решившую второй раз произнести заклинание в городе Камбон, расположенном милях в семьдесят к юго-западу от столицы.

Я попробовал воспользоваться Чашей Ясновидения, чтобы доложить императору о случившемся, но неудачно. Синаит высказала предположение, что противник, прознав о наших замыслах, сотворил заклинания, призванные помешать нашей магии.

– Не знаю, насколько могуществен этот колдун, – сказала она. – Несомненно, сила у него есть. А для того чтобы помешать вам воспользоваться Чашей, много энергии ему не потребуется. У вас ведь очень ограниченные способности и нет специальной подготовки. Я бы посоветовала на время отложить дальнейшие попытки.

Я был весьма встревожен. Тенедос обещал предоставить дополнительные заклинания, которые помогли бы поймать чародея, а теперь мы вынуждены были идти в бой без них.

До отправления Синаит в дорогу оставалось меньше часа,

когда Кутулу отыскал меня в столпотворении казармы.

– Думаю, теперь мы сможем обойтись без магии, – сказал он. – Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Мы быстро прошли к нему в кабинет, где было темно, хотя на дворе выдался на редкость солнечный денек. Плотные черные шторы не пропускали свет с улицы. Шпионы и тайные агенты ненавидят окна, если только сами в них не подглядывают.

Всю стену кабинета занимала огромная карта Каллио. Она была утыкана булавками с клочками бумаги, пронумерованными красными цифрами. Протянутая нить отходила от замка на восток, в том направлении, которое мы смогли установить благодаря смерти Эдви.

– Я буду очень краток, – властно произнес Кутулу. Мне стало смешно. Сейчас он находился в своей стихии и чувствовал себя главным.

– Мы вычислили нашего злодея, – продолжала Змея, которая Никогда Не Спит. В спокойном, обыкновенно бесстрастном голосе Кутулу прозвучали торжествующие нотки.

– Во-первых, вот эта нить отображает направление, определенное с помощью заклятия.

– Вижу.

– Вчера вечером один из писцов, по моему приказу рывшихся в бумажных руинах империи Чардин Шера, нашел вот это. – Кутулу взял листок пожелтевшей бумаги. – Можешь сам ознакомиться, но в этом нет необходимости. Это прось-

ба выделить повозки и солдат для того, чтобы сопровождать Микаэла Янтлуса, придворного колдуна Чардин Шера, в лагерь каллианской армии на дальнем берегу реки Имру. Судя по дате, документ был составлен незадолго до того, как наше войско потерпело сокрушительное поражение, пытаюсь переправиться через реку в мятежную провинцию.

– Казалось бы, этот документ представляет интерес только для интендантов, – продолжал Кутулу. – Однако я нашел его в высшей степени интересным, поскольку в нем приводились имена трех ближайших помощников Микаэла – Повелителя духов. Первый оказался нам совершенно не знаком, как и второй, но зато у третьего очень известная фамилия: Амбойна. Имя – Джалон. Единственный сын ландграфа Молиса Амбойны, ближайшего друга принца Рейферна.

– Сукин сын! – выругался я.

– Точно, – согласился Кутулу, – особенно если учесть, что ландграф Амбойна ни словом не обмолвился о пристрастиях своего сбежавшего сына. Все это показалось мне настолько увлекательным, что я решил задать кое-какие вопросы твоему дружку философу Аримонди Хами. Сделал я это в присутствии Йигерна, который, согласись, одним своим видом заставляет заговорить и немого.

Я вспомнил, что сделал палач с Проломи-Носом.

– Первым делом я сообщил этому Хами, что, в отличие от прочих нумантійцев, у меня нет ни малейшей заинтересованности в его благополучии, после чего сказал, что хочу

знать все о семействе Амбойна и их отношениях с Чардин Шером и Микаэлом Янтлусом. Я объяснил ему, что изображать неведение и строить из себя героя глупо и бесполезно. Рано или поздно говорить начинают все, особенно если тот, кто спрашивает, знает, какие именно вопросы задавать.

Мудрец проявил благоразумие и рассказал мне все, что я хотел знать. Вкратце, семейство Амбойна служило Чардин Шеру, его отцу и отцу его отца или непосредственно в качестве придворных чародеев, если данный член семьи обладал соответственным дарованием, или посредником в отношениях с другими колдунами, призывавшими для осуществления своих замыслов темные силы зла. Девушки рода Амбойна также выходили замуж за провидцев – если им это удавалось и если у них была хоть крупица таланта. В противном случае для женщины с фамилией Амбойна считалось вполне допустимым стать сожительницей какого-нибудь чародея. Две девушки, дочери Молиса Амбойны от первого брака, бежали вместе с Микаэлом Янтлусом в замок, где тот был в конце концов уничтожен, и, очевидно, погибли вместе с ним.

Кстати, Хами, по-моему, даже гордился тем, что семейство Амбойна с такой готовностью поставляет наложниц колдунам.

Еще он сказал, что Джалон обладал большими способностями и, возможно, стал бы первым придворным магом Чардин Шера, если бы с предателем Микаэлом Янтлусом что-нибудь случилось. Я спросил у него, обладает ли сверхъесте-

ственными способностями ландграф Молис. Хами ответил, что не обладает, но, сколько они знакомы, он постоянно проявлял интерес к магии.

У меня мелькнула мысль, не в этом ли кроется истинная причина того, почему изменник Хами не был отправлен на виселицу. Вполне вероятно, ландграф Молис замолвил за него словечко принцу-регенту.

Я смутился, вспоминая свою беседу с ученым-чародеем, в ходе которой мне так ничего и не удалось выяснить, – и тотчас же успокоился. В конце концов, именно поэтому я солдат, а Кутулу полицейский.

– Получив известие о том, что удалось установить нашим провидцам, я сразу же нанес на карту вот это.

Взяв длинную указку, Кутулу провел ею по красной нити, обрывавшейся милях в пятидесяти от Полиситтарии.

– А вот здесь находится главная резиденция семейства Амбойна, большой загородный особняк Ланвирн, где, предположительно, сейчас и проживает Джалон Амбойна. Как видишь, он расположен как раз на этой линии. Кстати, ее направление установил по компасу один из твоих офицеров, перед тем как труп прорицателя Эдви тронули с места.

Еще одна любопытная деталь. Взгляни на карту. Красные булавки указывают места выступлений против императора. Ты обратил внимание, что в окрестностях Ланвирна их нет? Амбойна очень умны и позаботились о том, чтобы их земли и люди были вне подозрения. Но, как видишь, такое стран-

ное отсутствие активности не могло не привлечь моего внимания.

Я посмотрел на Кутулу с восхищением – действительно, он по праву считался лучшим шпионом Тенедоса и возглавлял тайную полицию империи.

– Полагаю, нам следует без промедления трогаться в путь, – продолжал он. – Людей с собой возьмем немного: десятка два твоих Красных Улан и шесть-семь моих агентов, умеющих обращаться с оружием. Поедем ты, я, твоя провидица. Чем меньше народу, тем больше надежды сохранить все в тайне. Надеюсь, внезапность компенсирует недостаток сил.

– Хорошо. Мы будем готовы выступить через несколько минут, – воскликнул я, горя жадой действовать. – Но как насчет отца Джалона Амбойны, ландграфа? Мы вынуждены исходить из предположения, что он поддерживает связь со своим сыном. Поэтому Молис Амбойна должен оставаться в полном неведении.

– Согласно полученному приказу, я уже рассказал принцу-регенту о своих открытиях, – сказал Кутулу. – Я попросил его арестовать ландграфа Амбойну и поместить в тюрьму. Принц Рейферн пришел в ужас и сказал, что не может пойти на подобное, не получив доказательств причастности ландграфа Молиса к заговору. Я пытался спорить, но... – Кутулу глубоко вздохнул. – Вместо этого мы придумали для ландграфа важное поручение. Два часа назад Амбойна выехал из

замка в сопровождении отряда солдат принца. Командир получил приказ позаботиться о том, чтобы ландграф по крайней мере два дня не возвращался в Полиситтарию. Для этой цели он может применять любые средства. Мне такое не по душе, но это максимум, на что согласился принц Рейферн.

Похоже, Кутулу подумал обо всем. Но тут я кое о чем вспомнил.

– А как быть с Аримонди Хами? Не лучше ли взять его с собой? Возможно, по дороге он нам еще что-нибудь расскажет о Джалоне Амбойне.

– К несчастью, – опустил глаза Кутулу, – в ходе нашей беседы ученый муж скоростижно скончался. – Увидев выражение моего лица, полицейский поднял руку. – Нет-нет, не под пыткой. Ни Йигерн, ни я до него пальцем не дотронулись. Судя по всему, Хами умер от страха. Просто у него не выдержало сердце. Я уже распорядился, чтобы жрец, которому я доверяю, позаботился о его бранных останках.

Я пристально посмотрел на Кутулу. Лицо Змеи, Которая Никогда Не Спит, оставалось непроницаемым и бесстрастным. До сих пор я так и не знаю, было ли сказанное правдой.

– Это становится интересным, – заметила провидица Синаит, почесывая подбородок. – Схватить колдуна живым и при этом самим не погибнуть. Действительно очень интересно. Итак, давайте предположим, что он более сильный маг, чем я; по крайней мере, он лучше меня знаком с обстановкой, как с действительной, так и с потусторонней. Полагаю,

на то есть все основания, потому что лично я еще ни разу не натравляла духа-мстителя на чародея, попытавшегося наложить на меня заклятие. Кутулу прав. Мы должны как можно быстрее напасть на нашего противника, используя внезапность как самое главное оружие. Ни в коем случае нельзя говорить солдатам, что им предстоит. И дело не в том, что я опасаюсь, как бы Амбойна или какой-нибудь другой чародей не прочел наши мысли; но если столько людей будут о нем думать, замышляя зло, это породит... ну, наверное, волнами это вряд ли можно назвать... в общем, чародей это почувствует и будет начеку.

– Это похоже на то, как олень чувствует присутствие охотника, когда тот смотрит на него из густой чащи чересчур пристально? – предположил я.

– Хороший пример. Итак, считаю, в первую очередь нам необходимо подойти к этому колдуну как можно ближе. Наверное, дальше его надо будет полностью лишит свободы действий. Связать ему руки и ноги. Заткнуть рот кляпом, чтобы он не смог читать заклинания. Завязать глаза, лишив возможности определить, где он находится, и как можно скорее увезти его подальше от знакомых мест.

Быть может, я смогу почувствовать его заклятия и вовремя их отразить. Думаю, неплохо было бы сразу же оглушить чародея и привести его в чувство только тогда, когда мы будем далеко от Ланверна.

Я криво усмехнулся.

– Непростую задачу ты перед нами поставила, провидица Синаит. Ворваться в хорошо охраняемый замок так, чтобы этого не заметил никто, в первую очередь сам Амбойна, затем треснуть его по башке, а потом на цыпочках удалиться, прежде чем поднимется переполох.

– Задача действительно сложная, – согласилась Синаит. – Но, как я уже не раз имела возможность убедиться, грабители проделывают и не такое. Поскольку мы, надеюсь, умнее подобных преступников, с этой задачей мы справимся без труда.

То была единственная шутка, которую я услышал за весь день.

– И ты, разумеется, сам возглавишь этот отряд, – надула губки Маран.

– Естественно.

Покачав головой, она попробовала улыбнуться.

– Когда ты предложил сопровождать тебя к новому месту службы, я очень обрадовалась, поскольку мы с тобой почти все время были в разлуке. Но наверное, я ошиблась. Раньше, когда нас разделяли сотни миль, я воображала себе самое худшее и все время боялась за тебя.

Теперь я узнала, что в действительности все гораздо страшнее. Дамастес, любимый мой, меня беспокоит, что ты очень миролюбивый человек.

Я удивленно поднял брови.

– Я что-то не понимаю. Не многие назовут миролюбивым

того, кто избрал для себя военное поприще.

– И все же это так. Другой на твоём месте отправил бы в Ланвирн оба полка и приказал разрушить особняк до основания и не брать пленных: ни крестьян, ни господ.

– Император распорядился, чтобы Амбойна был схвачен живым.

– Император, хоть я и почитаю его почти как бога, – возразила Маран, – сам не полезет в логово чародея. Иногда, говоря словами моего отца, кровожадность является добродетелью.

– Бывает и такое, – согласился я. – Но только не в данном случае. Не сейчас. Я искренне верю, что пожар недовольства не затихает в Каллио потому, что мои предшественники чересчур поспешно хватались за меч и веревку.

Встав с кровати, Маран подошла к окну.

– Мы уже обо всем этом говорили, и не раз, – сказала она. – У меня нет ни малейшего желания снова ввязываться в спор. Особенно теперь, когда меньше чем через час ты должен меня покинуть.

Дамастес, иди ко мне. Давай займемся любовью. Дай мне вместе с семенем частицу своего мужества. И что-нибудь такое, о чем я буду вспоминать с радостью, пока ты будешь далеко.

На ней было простое шелковое платье. Быстро стащив его с себя через голову, Маран скинула нижнюю рубашку и улеглась на ближайший диван.

– Оставь свою тунику, – сказала она. – Я хочу отдаться солдату, чтобы навсегда запомнить, кто ты такой. Иди же ко мне, Дамастес, я тебя так хочу!

Через несколько минут я покинул нашу спальню. У дверей меня ждали невозмутимый Карьян и взбешенный посланник в ливрее с гербом принца-регента.

– Этот пустомеля говорит, что принц хочет вас видеть, – сказал Карьян. – Я ему сказал, что вы приказали вас не беспокоить. Он все равно хотел пройти, поэтому мне пришлось врезать ему как следует.

– Как ты *смеешь!* - прошипел посланник. – Я явился сюда по приказанию принца!

– Молчать! – рявкнул я. – Тебя прислал ко мне принц?

– Да. Да, разумеется. Как и говорил этот придурок.

– Тогда прекращай болтать и веди меня скорее к принцу Рейферну.

– Но разве вы никак не накажете этого... этого... Правильно прочтя выражение моего лица, посланник внезапно умолк и быстро засеменял ногами, стараясь не отстать от моих широких шагов.

– Я предупредил твоего домициуса, что желаю сопровождать тебя в этом походе, – сказал принц. – Он очень удивился, а потом ответил, что мне нужно поставить тебя в известность. – Рейферн поджал губы. – Порой мне кажется, что я управляю провинцией не больше последнего заключенного в подвалах этого чертова замка! Проклятие, я обещал брату

делать все, что в моих силах, и я стараюсь! У меня нет желания быть павлином, сидящим на троне!

Принц сверкнул глазами, но я выдержал его взгляд. Странно, Рейферн не отвел глаза, а, наоборот, выпятил подбородок. Я увидел отблески той внутренней силы, которой был наделен с избытком его брат.

– Приношу свои извинения, ваше высочество, – искренне попросил я прощения. – Мы были настолько заняты, что не учли ваши чувства. Впредь такого не повторится.

– На самом деле я не слишком огорчен, – поспешил заверить меня принц. – Забудь об этом. Я всегда гордился тем, что правильно подбираю себе слуг и помощников и потом не вмешиваюсь в их дела.

Главное вот что: я хочу отправиться вместе с вами. Не беспокойся, я знаю, что полководец из меня аховый, поэтому не собираюсь тебе мешать. Но народ Каллио никогда не проникнется ко мне уважением, если я буду просиживать штаны в замке в окружении лизоблюдов, дураков и шлюх, в то время как делами за меня будут заниматься другие.

– Простите, ваше высочество..

– Молчи! – рявкнул Рейферн. – Трибун Дамастес, я сказал, что я замыслил, и я это сделаю. Считай, ты получил приказ. Изволь его выполнять, или я кликну стражу и прикажу тебя арестовать!

Клянусь сморщенными яйцами Умара, в этом человеке тоже горел огонь!

– Ваше высочество, я не могу выполнить этот приказ, – сказал я. – Если хотите, арестовывайте меня, но я бы хотел объясниться.

– У меня нет желания выслушивать твои объяснения! Мой брат рассказывал, как ты однажды попытался отговорить его сопровождать тебя. Это случилось в том дерьмовом городишке на границе, где вас чуть не уколошили! Но брат настоял на своем и пошел с тобой. Сейчас я поступлю так же. Я хранил молчание.

– Ну?

– Я попросил у вас позволения объясниться. В противном случае поступайте так, как считаете нужным.

Краска отхлынула от лица Рейферна. Он с силой стукнул кулаком по столу.

– Ну хорошо, – наконец сказал он. – Я слушаю.

– Благодарю вас, мой господин. Тогда, в Сайане, ваш брат действительно настоял на том, чтобы сопровождать меня, и он был прав. Но нам предстояло иметь дело с магией, а он чародей. Сейчас все обстоит иначе.

– Пусть я не колдун, – сказал Рейферн. – Но я умею обращаться с мечом, трибун, и в седле сию не хуже любого из твоих уланов. Разве ты не понимаешь, – в его голосе прозвучала мольба, – во имя Ирису, я *должен* чувствовать себя хоть на что-то способным! Тебе этого не понять. Лейш мой младший брат, и в детстве я о нем заботился.

Теперь все переменялось. Теперь вся сила у него, а я

порой ощущаю себя бесполезным прихлебателем, которого держат скорее из жалости, чем за способности. Порой, – его голос понизился до шепота, – порой я задумываюсь, а не лучше было бы, если бы все осталось как прежде?

Едва не поддавшись состраданию, я все же решительно взял себя в руки.

– Ваше высочество, нам снова предстоит сразиться с чародеем. И с очень могущественным, которому известно все, что происходит в Полиситтарии. Я задам вам один вопрос, мой господин, и, прошу вас, ответьте на него искренне. А потом, если вы сочтете это разумным, мы вместе отправимся в поход.

Не кажется ли вам, что Джалон Амбойна практически тотчас же узнает о том, что принц Рейферн Тенедос, правитель Каллио, покинул свой дворец, причем никого не предупредив заранее, да еще в сопровождении отряда солдат? Не кажется ли вам, что это его по крайней мере насторожит, а может быть, он даже подготовит для нас какой-нибудь сюрприз?

Последовало долгое молчание. Наконец принц вздохнул, опустив голову. Я ощутил прилив облегчения – похоже, проницательность, позволявшая Рейферну быть удачливым купцом, на сей раз его не покинула.

– Ты прав, Дамастес, – неохотно признался он. – Но говорю эти слова, не испытывая к тебе теплых чувств. Я останусь в замке, как ты и хотел. Но не жди, что я просто улыбнусь

и пожму плечами, забыв о своем минутном капризе. Я отвечаю за каждое свое слово. Можешь идти. Желаю тебе удачно поохотиться, трибун.

Не дожидаясь ответа, принц вышел, громко хлопнув дверью.

Подождав немного, я вышел следом за ним, погруженный в раздумья. Принц Рейферн оказался лучше, чем я о нем думал, и я в который раз напомнил себе не делать поспешных выводов. Возможно, император был прав, назначив своего брата принцем-регентом.

Мы выехали ближе к вечеру, небольшими группами по три-четыре человека. Впереди были штатские, за ними следовали солдаты, тоже переодетые в темное гражданское платье и спрятавшие оружие. Ветреная, промозглая погода как нельзя лучше соответствовала нашему предприятию. Мы встретились в условленном месте, на холме в пяти милях за городом. Как только стемнело, мы спустились на пустынную в это время главную дорогу и направились к Ланвирну.

Мы впятером распластались в грязи на вершине холма, глядя на раскинувшийся внизу Ланвирн: капитан Ласта, Синаит, Кутулу, Карьян и я. Остальные спрятались в ветхой лачуге неподалеку. Только что рассвело. Мы ехали всю ночь, остановившись ненадолго лишь для того, чтобы подкрепиться сухим пайком, запивая еду вином из фляжек. Провидица Синаит хоть как-то скрасила эту убогую трапезу, прочтя над фляжками небольшое заклинание и нагрев их, поэтому мы

продолжили путь, наполнив тела теплом.

Подобно Полиситтарии, Ланвирн был обнесен высокой крепостной стеной. Сама крепость представляла в плане квадрат. В углах и по обе стороны от ворот возвышались четырехугольные башни высотой по семьдесят пять футов. Небольшая речка, перегороженная запрудой, заполняла водой ров, выкопанный вдоль трех стен крепости; за четвертой простиралось непроходимое болото. Шло время, и за пределами крепостной стены, с другой стороны моста в три пролета, перекинутого от ворот через ров, образовался небольшой городок. Повсюду в раскисших от ливней полях копошились крестьяне; по грязным дорогам со скрипом тащились телеги. Если только это была не тщательно подстроенная ловушка, Джалон Амбойна не догадывался о нашем появлении.

Мы по очереди осмотрели раскинувшийся внизу замок. Над главной башней реял флаг, говоривший о том, что хозяйка дома.

Синаит неуверенно предложила сотворить небольшое заклятие, но тут же заметила, что лучше этого не делать, чтобы Джалон ничего не почувствовал. Я согласился: мы справимся с чародеем грубой силой оружия.

Первым делом нам нужно проникнуть в крепость. Конечно, два-три человека смогли бы забраться по стене; мы захватили с собой веревки с крюками. Но нас-то интересовало нечто большее, чем фамильное серебро. У меня возник план. Подозвав к себе капитана Ласту, я указал ему место,

где, на мой взгляд, Ланвирн был наиболее уязвим.

– Рискованно, – шепнул он. – Очень рискованно. Я так понимаю, нам придется ждать, пока кто-то откроет путь?

– Именно.

– Мм. Четыре – нет, шесть человек, – задумчиво произнес Ластва. – А остальные где спрячутся... в одном из этих сараев? В том, что ближе всего ко рву?

– Нет, – сказал я. – Лучше в другом. Не надо подходить слишком близко к мосту.

– Очень рискованно, – повторил Ластва. – Но ничего лучше я предложить не могу.

Переглянувшись, мы пожали плечами. Решение было принято.

Тоненький серп луны то и дело заслоняли мечущиеся по небу облака. Выбравшись из хлева, мы всемером проскользнули ко рву. Мы – это Свальбард, несший веревки, чтобы скрутить чародея, заткнуть ему рот и завязать глаза; другой такой же великан по имени Элфрик, один из людей Кутулу; двое лучников (Маных и мой давнишний боевой товарищ, лучший стрелок из всех, каких я только знал, улан Курти); Кутулу; я и, наконец, моя тень Карьян.

Все – кроме лучников – были вооружены мечами, но мы спрятали ножны за спиной. Мечи понадобятся нам тогда, когда мы проникнем в Ланвирн, но не раньше. По крайней мере, я на это надеялся. Главным нашим оружием были длинные кинжалы и мешочки с песком, призванные заставить

умолкнуть всех, кто нам помешает. Мы с Карьяном захватили четырехдюймовые свинцовые болванки, которые, зажатые в кулаке, существенно увеличивают силу удара. При желании их можно также использовать в качестве метательного оружия: именно так я убил каллианского ландграфа Эллиаса Малекбранша. Лучники обмотали тетивы луков лентами, чтобы они не зазвенели при выстреле.

На улицах городка было пустынно, и у запертых ворот замка не дежурили часовые. Однако в окнах башен рядом с воротами мерцали огни: значит, стража, не желая мокнуть под дождем, предпочитала нести службу в более уютной обстановке.

Бесшумно, пригибаясь, мелкими перебежками мы приблизились ко рву. Наполненный проточной водой реки, он не источал зловония болота, что свойственно большинству крепостных рвов, но вода в нем была ледяной. Я пошел первым. Не успел я сделать и полдюжины шагов, как дно резко ушло вниз, и я поплыл. Течение попыталось затянуть меня под мост, но я стал грести сильнее и добрался до первой опоры. Качаясь на волнах, ко мне приблизились еще шесть голов. Напор воды вжал нас в грубую каменную кладку.

Перебираясь от одной опоры к другой, мы наконец добрались до осклизлых кирпичных стен крепости. Трое проплыли в пролет на противоположную сторону моста, трое остались со мной. В стене прямо у поверхности воды имелся небольшой выступ, и мы присели на него, переводя дыхание.

Достав из-за пояса стальные колышки, я вбил их в щели в стене, используя вместо молотка свинцовую чушку. Свальбард посадил меня, и я вбил новые колышки. Так мы продолжали до тех пор, пока у нас не была готова примитивная лестница почти до самого парапета моста. До меня доносились глухие удары, позвякивание и шарканье ног по камням, указывающие на то, что Кутулу со своими людьми делает то же самое.

Потом наступило ожидание. Онемевший от холода, я пытался разобраться, какая моя часть замерзла больше: верх, промокший насквозь и открытый пронизывающему ветру, или низ, остававшийся под водой. Наверное, мы так просидели час или два, хотя нам показалось, что это длилось целую вечность.

Наконец сквозь нежный шелест реки послышался топот копыт. Железные подковы зазвенели по камням моста. Всадники приблизились к воротам. Их было не меньше полудюжины, слишком много, чтобы мы могли с ними быстро расправиться. Из замка донесся окрик, прибывшие назвали пароль, и под аккомпанемент раздраженного ворчания за скрипела лебедка. Массивные ворота раскрылись, и всадники въехали в Ланвирн. Ворота захлопнулись, и снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском воды.

Прошло еще сколько-то времени, и мы снова услышали, как к замку приближаются всадники. На этот раз, судя по звукам, их было двое, от силы трое. Я полез наверх; Карьян и

Свальбард последовали за мной. Опять послышался крик, на который прибывшие ответили паролем. Отголоски крика еще не замерли в ночи, как я уже перекатился через парапет, сжимая в руке кинжал.

Всадников оказалось трое. Один еще сидел в седле; двое других спешили. Они стояли ко мне спиной, но услышали топот. Один из них, обернувшись, раскрыл рот от изумления, но тут эфес моего кинжала ударился о его ребра, а лезвие на пядь вылезло из спины. Второй собрался было крикнуть, но рухнул словно подкошенный, получив по голове мешочком с песком. Всадник, который еще оставался в седле, осадил коня, но кто-то схватил его за ногу, вырывая из седла, а Элфрик довел дело до конца: он навалился всем своим весом на упавшего, и в полумраке я разглядел, как его кинжал поднялся и опустился – один раз, другой, третий. Ворота начали открываться. Схватив створку обеими руками, Свальбард что есть силы рванул ее на себя, вытаскивая опешившего стражника на мост. Карьян оглушил часового мешочком с песком, и мы оказались внутри замка.

Из темноты появились Красные Уланы, и среди них провидица Синаит. Мы вбежали во двор замка. В чрево башни уходила винтовая лестница. С нее донесся грохот сапог – второй стражник спешил вниз. Курти натянул лук, и, как только стражник появился в дверях, тетива глухо загудела, выпуская стрелу. Пронзив стражнику горло насквозь, стрела звякнула стальным наконечником о камень стены.

Свальбард и Элфрик бросились вверх по лестнице. Их не было меньше минуты; затем они снова спустились вниз. Покачивая головой, Свальбард показал пустые ладони. Дорога дальше была свободна.

Я подивился беспечности Амбойны. Неужели он был настолько уверен в своем колдовстве, что даже не мог себе представить, что кто-нибудь его отыщет?

– Кутулу, – спросил я, – дальше командовать будешь ты?

– Нет, – прошептал в ответ главный шпион империи. – Пусть предателя схватит военная власть. В этом случае у него будет меньше шансов подать протест на наши действия.

Я с восхищением посмотрел на человека, способного при таких обстоятельствах заботиться о юридических формальностях.

– Провидица, – обратился я к Синаит, – ты чувствуешь какие-нибудь ловушки?

– Не чувствую, – ответила та, и в ее голосе прозвучала тревога. – Или этот Амбойна гораздо более могущественный колдун, чем я полагала, и способен ставить заклятия, не поддающиеся обнаружению, или он невероятно самоуверен.

– Что ж, давай выясним, какое из этих предположений вернее, – усмехнулся я, давая своим людям знак двигаться вперед.

Огромными серыми крысами мы побежали по коридору к двустворчатым дверям, ведущим в крепость. Сделанные из толстых дубовых досок и окованные железом, они смогли

бы выдержать удар приличного тарана. Но двери оказались незапертыми, и их никто не охранял. Выхватив мечи, мы побежали дальше.

В огромной зале смогли бы отпраздновать уборку урожая жители большой деревни, но сейчас за длинным столом сидело около дюжины мужчин и женщин, завершавших поздний ужин, вокруг которых суетилось такое же количество слуг.

Во главе стола сидел человек, которого я сразу же узнал, хотя никогда раньше не видел. Джалон Амбойна был копией своего отца. У него было лицо беззаботного мечтателя, поэта.

Рядом с ним сидела девушка лет четырнадцати, не больше, судя по всему, его сестра. Хами говорил Куту-Лу, что ее зовут Симея. Оба, сестра и брат, как и их гости, были в богатых одеждах.

– Джалон Амбойна, – крикнул я, – у меня есть приказ императора!

Служанка, испуганно взвизгнув, швырнула в Карьяна супницу. Тот ударом кулака сбил ее с ног. Выхватив меч, я побежал вокруг стола. Один из гостей вскочил с места, но я на бегу ударил его в висок свинцовой чушкой, зажатой в левой руке, и он упал на колени к своему соседу.

Кутулу бежал следом за мной. Еще один гость преградил ему дорогу своим стулом, размахивая столовым ножом. Перчаткой, утяжеленной песком, Кутулу ударил его в подбор-

док, и несчастный упал лицом в свою тарелку.

Седовласый господин, сидевший рядом с сестрой Амбойны, вскочил с места, выхватывая из ножен тонкую шпагу. Я сделал выпад, он его отразил и в свою очередь нанес рубящий удар. Отбив его шпагу, я, забыв о правилах приличия, бесцеремонно пнул его ногой в живот, а потом насадил на свой меч.

Но седовласый господин позволил Джалону Амбойне выиграть несколько секунд, а только это и требовалось колдуну. Когда между нами оставалось не больше десяти ярдов, из прозрачного воздуха возникла тень, превратившаяся в страшного воина, с которым я сражался в замке в Полиситтарии. На этот раз у него было по мечу в каждой руке, а глаза горели огнем.

Призрак обрушился на меня. Мне удалось парировать его удар, но я не смог удержать меч в руке. Тварь снова занесла над головой сверкающие клинки, и мне пришлось упасть на каменные плиты пола, уворачиваясь от них. Подобрал свой меч, я сделал кувырок назад и вскочил на ноги.

Прячась за чудовищем, Джалон Амбойна пятился в глубь залы, к лестнице. Я услышал, как он поспешно пробормотал слова заклинаний, и призрак снова пошел на меня в атаку.

Вдруг прилетевшая из ниоткуда стрела попала Амбойне в глаз. От резкого удара голова его дернулась назад. Пошатнувшись, он постоял немного, потом упал. Демон взвыл в смертельной агонии: вторая стрела торчала у него из глазни-

цы.

Вскрикнув, Симея Амбойна бросилась к телу брата. Чудовище, призванное чародеем на помощь, исчезло, словно его не было и в помине.

– Всем оставаться на своих местах, – крикнул Кутулу. – Именем императора Лейша Тенедоса, вы все арестованы по обвинению в убийстве и государственной измене!

Послышались испуганные восклицания; кто-то попытался было схватиться за меч, но рухнул на пол, оглушенный Элфриком.

Я не обращал внимания ни на тех, чью трапезу мы нарушили своим внезапным появлением, ни на слуг, ворвавшихся в залу и нерешительно застывших на пороге, увидев труп своего господина.

У меня перед глазами было лишь распростертое на полу тело Джалона Амбойны и его сестра, опустившаяся в лужу крови и безмолвно причитающая над убитым.

Глава 5

МЕСТЬ

Труп Джалона Амбойны, привязанный к спине жеребца, привыкшего к запаху крови, мерно покачивался у меня за спиной. Лицо его, с зияющей раной на месте выбитого глаза, ничем не прикрытое, было выставлено на всеобщее обозрение, как и его связанные руки и ноги. Кроме того, в рот мертвому был засунут большой кляп, а легат Балк получил приказание пристально следить за трупом.

Так распорядилась провидица Синаит. После того как мы захватили замок Ланвирн, она прочла небольшое заклинание и установила, что заклятия Амбойны по-прежнему остались в силе, – ее магия не помогла, и провидица продолжала чувствовать присутствие злых чар.

– Это какая-то бессмыслица, – изумилась Синаит. – Амбойна мертв, значит, его магия должна была исчезнуть вместе с ним. Если только, конечно, он не был могущественным колдуном, обладавшим небывалой силой. Так что надо быть готовыми ко всему. Поэтому я хочу, чтобы мне сразу же дали знать, если труп подаст какие-то признаки возвращения к жизни.

Мы взяли в плен семь человек – тех, кто остался в живых после прерванного ужина, в том числе сестру Джалона. Хотя

сейчас девочке еще не было и четырнадцать, уже чувствовалось, что ей суждено было стать ослепительной красавицей. Увы, не было никакой надежды на то, что Симея доживет до своего следующего дня рождения. Впрочем, и у остальных присутствовавших за столом в замке Ланвирн не было перспектив спокойно умереть в своей кровати. Возможно, у Джалона Амбойны просто собрались его приятели, чтобы обсудить весеннюю охоту. Но я сомневался, что правосудие, творимое принцем Рейферном под наблюдением его брата-императора, проявит хоть капельку милосердия. Мне не хотелось думать о том, что будет с Симеей, когда она попадет в руки к Йигерну и другим мясникам Кутулу.

Слуг Амбойны, даже тех, кто сражался против нас с оружием в руках, я отпустил на все четыре стороны. Кутулу пытался возражать, но я решительно заявил, что только очень плохой слуга не будет защищать своего господина, даже если тот и предатель.

Наши потери оказались минимальными: один улан сломал себе руку, а у двоих человек Кутулу были порезы.

Сам Кутулу ехал вместе с пленниками, тщательно к ним приглядываясь, определяя, кого следует допросить первым, кто окажется самым слабым. Симея бросила на него один взгляд, сверкнув ледяными зелеными глазами, и я почему-то почувствовал, что Кутулу ничего не добьется от нее.

Странно, я не ощущал эйфории от победы. Я пытался объяснить свое мрачное настроение серой дождливой погодой.

Чтобы отделаться от невеселых мыслей, я начал извечный спор с Карьяном, заявив, что он произведен в уоррент-офицеры, и на этот раз, да будет свидетелем меч Исы, он получит свои лычки или же отправится обратно в полк. Но Карьян, вместо того чтобы огрызнуться, лишь буркнул что-то нечленораздельное. Вероятно, отвратительная погода действовала не на меня одного.

Принц Рейферн сказал, что через два дня состоится открытое заседание военного трибунала. Граждане Каллио увидят, как быстро император Тенедос разбирается с теми, кто желает ему зла.

– Я бы предложил не торопиться, – своим обычным бесстрастным голосом произнес Кутулу.

– Почему? Я хочу, чтобы с этими свиньями расправились как можно скорее! – воскликнул принц, но тотчас же на его устах заиграла недобрая улыбка. – Приношу свои извинения, мой друг. Я сказал не подумав. Возможно, в заговоре участвовали и другие. Больше того, я в этом уверен.

– А я ни в чем не уверен, ваше высочество. Именно поэтому я и хочу прежде тщательно допросить пленных.

– Даю тебе полную свободу действий, – сказал Рейферн. – Можешь пользоваться любыми методами, которые сочтешь подходящими. Даже если... во время допросов мы потеряем некоторых пленных, я не буду на тебя гневаться.

– Не беспокойтесь, никто не умрет, – заверил его Кутулу. – Я им не позволю.

У меня по спине поползли мурашки.

– Ваше высочество, – спросил я, – а как быть с ландграфом Молисом Амбойной? Он уже возвратился в Полиситтарию?

– Нет. Но как только изменник вернется, он сразу же отправится в темницу к своим друзьям, – ответил принц. – Я очень огорчен, что приблизил к себе этого велеречивого подлеца. – Рейферн покачал головой. – Я полагал, что, когда я был торговцем, мне довелось повидать всяких мерзавцев. Но такого, как Амбойна, способного лгать, лгать, лгать... я не встречал! Наверное, он попытается убедить меня в том, что не имеет понятия о кознях своего сына – или же что он сам подпал под его влияние.

Но я обещаю вам, трибун Дамастес и Кутулу, что изменник понесет такое же суровое наказание, как остальные. Я еще не знаю, какую казнь для них выбрать. Однако можете не сомневаться, десять поколений каллианцев будут вздрагивать от ужаса, слушая рассказ о том, в каких мучениях умерли эти собаки!

– Я чувствую себя полной дурой! – пожаловалась Маран. – Переполненная тревогой, я соблазняю тебя перед тем, как ты отправишься в поход, словно нам не суждено больше свидеться, а ты возвращаешься назад, гордо гарцуя на коне, свалив всех злодеев в мешок!

– По крайней мере, соблазняла ты меня не зря.

– Ты просто огромный кусок вожделения, вот ты кто!

– Ну, я все же не *такой* большой, – ответил я, вращая глазами, словно сексуальный маньяк.

– Достаточно большой, – сказала Маран. И тотчас же у нее переменялось настроение. – Дамастес, быть может, нам стоит снова попробовать завести ребенка?

Когда мы поженились, Маран уже вынашивала под сердцем моего ребенка, но вскоре у нее случился выкидыш. Мы оба хотели детей и консультировались и у врачей, и у знахарей. Последний целитель, чьей помощью мы воспользовались, – он содрал с нас дороже всех – выразил сомнение, что у нас когда-нибудь будут дети. Он сказал, что выкидыш отнял у Маран способность к деторождению.

Я был расстроен, но не сокрушен. Избрав для себя военное поприще, я не сомневался, что умру на поле боя, поэтому продолжать наш род предстояло моим сестрам.

Но для Маран эта новость была ужасной. Я подозревал, что отец и братья требовали от нее наследника, но мы избегали разговоров на эту тему. Так или иначе, Маран сказала мне, что абсолютно не верит этому чародею. Колдунам свойственно ошибаться, а лично она не желает опускать руки.

– Разумеется, стоит, – согласился я. – Прямо сейчас?

– Фу, дурак! Я хотела сказать... ты сам все прекрасно понимаешь. Я разговаривала с провидицей; она считает, что ближайшие несколько дней будут идеальными для зачатия.

– Гм, – хмыкнул я. – В следующий раз ты пригласишь ее к нам в спальню, чтобы она давала советы, каким именно

образом нам удовлетворять друг друга.

– Лично мне к этому не привыкать, – сказала Маран. Я вопросительно поднял брови; она ответила мне тем же. – Посмотрим, что ты скажешь, когда сегодня вечером придешь ко мне в спальню.

Выпрямившись, провидица Синаит покачала головой. Серое зеркало ртути оставалось непроницаемым.

– Опять ничего, – вздохнула Синаит. – И я просто *чувствую*, как кто-то блокирует все мои попытки.

Отчаявшись что-либо добиться от Чаши Ясновидения, я решил попробовать связаться с императором, попросив прочесть нужные заклинания опытного чародея.

– Так кто же нам мешает?

– Не знаю. Кто... или что... А может быть, все дело в расположении звезд, – печально усмехнулась Синаит.

Я понял, что она сама не верит своим словам.

Ближе к вечеру я решил проверить посты. Домициус Биканер получил приказ удвоить количество часовых; поскольку с минуты на минуту в столицу должен был возвратиться Молис Амбойна, я хотел быть уверен, что все пройдет без запинки. Старшим на дежурство заступал помощник Биканера, капитан Рестеннет; мы же с домициусом наблюдали за тем, как во дворе строился караул, рассеянно слушая знакомые слова команд.

Вдруг за воротами замка затрубили фанфары.

– Это возвращается Амбойна. Надо позаботиться о том,

чтобы он от нас не улизнул, – сказа Биканер. – Капитан Рестеннет! Приготовьтесь арестовать изменника!

– Слушаюсь, сэр!

Покинув нашу цитадель, я проехал через внутренний двор главного замка к открытым воротам, у которых стояли два горниста, приготовившиеся трубить торжественный сигнал. Но вместо ландграфа и сопровождавших его людей принца-регента я увидел стройные ряды солдат в имперской форме, приближающихся к замку. Солдат было не меньше тысячи, целый полк. По-видимому, император пришел к выводу, что нам необходимы подкрепления, и направил в Каллио еще одну воинскую часть, хотя я не представлял себе, как ему удалось так быстро перебросить сюда такое количество солдат.

Я всмотрелся в сгущающиеся сумерки, стараясь рассмотреть значки на флажках, чтобы понять, какой это полк, но вдруг услышал крик. Ко мне бежала провидица Синаит, подобрала длинный подол платья.

– Нет! – кричала она. – Это враги! Это каллианцы!

Протерев глаза, я снова посмотрел на приближающихся солдат. Да нет же, Синаит ошибалась – я ясно видел знакомую форму. Впереди шли офицеры в парадных мундирах, подчиняясь равномерному ритму дюжины барабанщиков. Грянул военный оркестр, и я узнал имперский марш. Я повернулся к провидице, собираясь попрекнуть ее в том, что она не знает цвета имперских знамен, но она схватила меня

за руку.

– Трите глаза что есть сил, – приказала Синаит, – до тех пор, пока не появятся слезы!

Поколебавшись, я подчинился. Она провела пальцем по моему лбу, судя по всему, рисуя какой-то символ, и начала петь:

Смотри пристально,
Смотри во все глаза.
Увидь правду,
Увидь то, что есть на самом деле,
Проникни взглядом
Сквозь покрывало.
Увидь правду,
Смотри пристально...

Мой взор затянуло пеленой. Я заморгал и вдруг отчетливо увидел, что вместо нумантийских войск к нам приближалась толпа каллианцев: горожан, ремесленников, крестьян, знати, вооруженных чем попало – начиная от лопат и кончая шпагами. По краям толпы шли люди в доспехах с мечами. Заговорщики, которых так опасался Кутулу, выбрали именно этот момент для всеобщего восстания!

Вместо имперского гимна толпа скандировала:

Смерть нумантийцам! Смерть их приспешникам! Убивайте всех, Убивайте всех, Убивайте всех до одного!

Во главе заговорщиков с высоко поднятым копьём ехал ландграф Молис Амбойна, кричавший громче всех. У него на копье трепетал маленький флажок. Приглядевшись, я узнал эти цвета, знакомые мне еще с времен гражданской войны, – это был флаг Чардин Шера!

– Закрывать ворота! – заорал я, бросаясь к лебедке. Один горнист, опешив, остался стоять на месте; другой побежал за мной.

– Синаит! – крикнул я. – Выводи уланов во двор! Провидица молнией пересекла двор и вбежала во двор крепости, криком подзывая домициуса Биканера. Я изо всех сил навалился на рычаг лебедки, и она медленно, неохотно, со скрипом пришла в движение.

– Помоги! – крикнул я горнисту.

Тот нажал на другой прочный деревянный рычаг и тотчас же пронзительно вскрикнул. Из его из груди торчала стрела. Корчась от боли, несчастный схватился за рану и рухнул на землю. Выхватив меч, я перерубил канат в руку толщиной, но было уже слишком поздно – волна нападавших хлынула в замок. Рядом со мной звякнуло о каменные плиты копьё, затем другое, и я побежал в крепость к своим уланам.

Отделившийся от толпы человек бросился ко мне, размахивая алебардой. Резко обернувшись, я опустился на колено, выставив вперед меч, и нападавший с разбегу наскочил на лезвие. Отпихнув его ногой, я пригнулся, уворачиваясь еще от одного копья.

– Схватить его! – крикнул ландграф. – Это чертов трибун!

Побежав что есть духу, я проскочил в ворота, отделявшие нашу часть от остального замка. За мной бежала разъяренная толпа, жаждавшая крови. Во внутренний дворик крепости выбегали растерянные люди, похожие на муравьев, которых выгоняет из муравейника поток кипятка.

Убрав меч в ножны, я подобрал лук у убитого лучника и перебросил через плечо колчан. Положив стрелу на тетиву, я окинул взглядом толпу, выбрал в ней человека в богатых доспехах и, тщательно прицелившись, выстрелил. Стрела до половины вошла ему в живот, и он с криком забился в конвульсиях. Рядом со мной запели другие тетивы, и на каллианцев обрушился град стрел и дротиков. Мужчины и женщины падали на землю; кто оставался лежать неподвижно, кто корчился в судорогах. Но крики раненых, казалось, лишь еще больше раззадоривали нападавших. Отыскав взглядом Амбойну, я выстрелил в него, но промахнулся. Когда я достал из колчана вторую стрелу, предатель уже скрылся в толпе. Вместо него мне пришлось убить какого-то великана, громко отдававшего приказания.

В главный внутренний двор замка выбегали солдаты, с ходу вступающие в бой. Одни были полностью облачены в доспехи, другие успели лишь схватить щиты и мечи. Я увидел в дверях принца Рейферна в заметной пурпурной тунике, с длинным мечом в руке, окруженного дюжиной солдат. Принц не раздумывая бросился в самую гущу сражения.

Но тут каллианцы навалились на нас, и я мог думать только о том, как первым убить того, кто пытается убить тебя. Кто-то замахнулся на меня цепом. Ткнув его в лицо луком, я пригнулся, уворачиваясь от удара, а затем толкнул плечом на двух его дружков. Это дало мне время выхватить меч. Уложив одного мятежника, я краем глаза заметил, как другой сделал выпад вилами. Я отпрянул назад, а крестьянин, ахнув, обернулся – Кутулу хладнокровно вынул кинжал у него из спины. Сам тайный агент был покрыт кровью, хлеставшей из рваной раны на боку.

Он что-то крикнул мне, но вдруг какая-то торговка с грязным лицом ударом дубинки повалила его на колени. Достав из-за пояса нож мясника, она собралась прикончить Кутулу, но тут мой меч отсек ей голову. Торговка рухнула на Кутулу, придавив его своим весом.

Нападавшие неудержимой приливной волной накатывались во двор замка. Сзади послышался громкий крик:

– Назад! Отойти назад и сомкнуть ряды!

Это был голос Биканера; другие офицеры подхватили его команду. Отбив выпад копьем, я уложил нападавшего и, схватив Кутулу за шиворот, потащил его назад к крепости. Трое каллианцев, заметив мое беспомощное положение, попытались было этим воспользоваться, но появившиеся из ниоткуда Карьян и еще один улан расправились с негодяями.

– Берегись!

Вслед за этим криком послышался скрежет железа, и

стальная решетка, стремительно упав вниз, проткнула своими острыми зубцами огромную крестьянку, вооруженную ножницами для обрезки деревьев.

Следом за решеткой опустились окованные железом ворота, и наступила тишина. Но лишь временная; из внутреннего двора донеслись крики и стоны наших раненых. Снаружи им вторили завывания разъяренных нападавших.

Биканер машинально отер со лба кровь, вытекшую из огромной ссадины. Домициус никак не мог отдышаться; его меч был алым по самую рукоятку.

– Из цитадели в тот двор выходят окна, – начал Биканер. – Поставим туда лучников и отгоним негодяев от ворот. Потом укрепим ворота бревнами и...

– Нет, – резко оборвал его я. – Они прекрасно понимают, что мы в ловушке. Сначала они прикончат тех, кто остался в замке, а потом начнут осаду.

Подумав, Биканер мрачно кивнул.

– Да, так они и поступят.

– Поэтому, домициус, мы не пойдем у них на поводу. Оттащи раненых с дороги, и пусть солдаты готовятся к вылазке. Прямо сейчас. В пешем порядке, впереди пойдут уланы, затем гусары. Позаботься о том, чтобы у тех, кто пойдет в первых рядах, были по крайней мере доспехи. И мне будут нужны горнисты. Все, кого ты сможешь найти!

– Будет исполнено, сэр!

Нас окружили другие офицеры.

– Все слышали мой приказ, – сказал я. – Выполняйте!
Офицеры разбежались по своим отрядам.

Разбираться с ранеными прямо сейчас не было времени. Увидев Кутулу, лежащего без движения на каменных плитах, я воззвал к богам, чтобы его рана оказалась не смертельной. Нам здорово досталось. Человек тридцать – сорок лежали на земле; еще столько же раненых продолжали оставаться в строю. Превозмогая боль, они занимали свои места в боевом порядке. Вот когда сыграла свою роль беспощадная дисциплина полка, много времени находившегося на границе: солдат лишался права стонать и умирать.

Посмотрев наверх, я увидел на балконе Маран. Моя жена была в темных кожаных брюках и куртке; она держала в руке небольшой арбалет, из которого мы иногда ради забавы стреляли по мишеням. У нее за спиной стояла одна из горничных. Увидев, что я смотрю на нее, Маран помахала рукой и указала вниз. Я увидел каллианца, упавшего навзничь, с торчащей из горла короткой толстой стрелой. Отлично! Возможно, представители семейства Аграмонте порой бывают чересчур резки, но свои земли они завоевали благодаря своему мужеству и умению владеть мечом. А в жилах моей жены текла истинная кровь Аграмонте.

Меня отыскала провидица Синаит.

– Теперь нам все известно, – запыхавшись, сказала она.

Она была права. Магия, создавшая всеобщую иллюзию того, что каллианцы были нумантийскими солдатами, была

творением рук могущественного колдуна. Уже не вызывало сомнений, что оба они – отец и сын – были чародеями, но сын в основном служил лишь прикрытием таланта своего отца. Заклинаниям Синаит и императора мешали не отголоски чар мертвого Микаэла Янтлуса, а козни живого мага, обитавшего среди нас.

Если мы сейчас погибнем, изменник Молис сможет продолжить свой маскарад, изображая безоговорочную преданность трону. Когда император лично двинется в Каллио, чтобы подавить восстание, он приблизит к себе Амбойну, сохранившего верность в час испытаний, и тот доведет до конца свой черный замысел.

Действительно, план был дьявольски хитрый. Если ландграф Молис сможет заслужить доверие Тенедоса, каллианцы обойдутся без посторонней помощи. Сейчас на карту были поставлены не только наши жизни: речь шла об императоре и всей Нумантии!

– Согласен, – ответил я. – Ты не можешь наложить на него какое-нибудь заклятие?

– Я уже приготовила парочку, – подтвердила Синаит. – Но, боюсь, его чары сильнее моих. Я бы предпочла подождать, чтобы он сделал шаг первым, а потом, поняв, что к чему, ответить ему контрзаклинанием.

– Делай, как считаешь нужным. Магия – не моя стихия. Солдаты перестроились в боевой порядок, и я выбежал к ним.

– Уланы! Гусары! Противник нас обманул и теперь тешит себя надеждой, что мы в его руках. Но от нас зависит определить, кто попал в чей капкан!

– Солдаты! – крикнул я, обращаясь к тем, кто стоял у лебедки. – Поднимайте ворота! Горнисты! Трубите атаку!

В главном дворе замка царило безумное смятение. Из окружающих его зданий еще доносились крики и шум боя, а толпа, оставшаяся на улице, уже праздновала победу. Кто-то выкатил из винных погребов бочки, и несколькими из них уже вышибли донья. Одни каллианцы волокли кричащих полубнаженных женщин, на ходу срывая с себя одежду, другие тащили тюки с награбленным.

И вдруг они увидели нас, тысячу отборных солдат, чей яростный боевой клич перекрыл звуки труб. Нам ответил вой изумления и страха. Мы врезались в толпу, кромсая противника мечами и топорами, осыпая его стрелами. Высыпавшие из замка каллианцы бросились кто куда: одни попытались спастись бегством, другие были готовы сражаться, и мы предоставили им такую возможность. Я отдал четкие приказания, и гусары окружили толпу со всех сторон. И мне показалось, что дело сделано.

Но тут я услышал какой-то странный звук, низкий и мелодичный, но отозвавшийся дрожью у меня в костях. Воздух озарился свечением, и Молис Амбойна, появившись из ниоткуда, вырос к небу на добрых пятьдесят футов. Ветер растрепал его волосы и бороду. Лицо ландграфа было забрыз-

гано кровью, его руки превратились в когти хищного зверя. Перед нами был уже не благородный вельможа, а кровожадный, смертельно опасный колдун, более страшный, чем любой демон, которого он мог бы призвать на помощь. Его слова, произнесенные на незнакомом языке, громовым эхом отражались от стен, и мне показалось, что от этих звуков вот-вот начнут крошиться камни.

На колдуна обрушилась туча стрел, но все они пролетали сквозь него, не причиняя никакого вреда. А он, не обращая на них внимания, воздел руки к темнеющему небу, сгибая пальцы, и перед нами вдруг оказалась уже не толпа людей, а море извивающихся, шипящих змей. Они нахлынули на нас зелеными, коричневыми и черными волнами. Амбойна воспользовался тем же самым заклятием, с помощью которого уничтожил отряд легата Или. Я перерубил одну змею пополам, и она превратилась в окровавленный труп, но на меня уже ползли десятки, сотни других. Часть солдат продолжала сражаться, но остальные застыли в оцепенении, готовые обратиться в бегство. Кто-то падал, и в их тела тотчас же вгрызались острые змеиные клыки. Злорадно шипя, каллианцы напозлали на нас.

Сзади послышался рев ветра. Я оглянулся, и у меня замерло сердце. Завершая наше уничтожение, Амбойна наслал второе заклятие. Во дворе крепости появилась другая фигура, такая же высокая, как и Амбойна. Но мне она показалась чем-то знакомой.

Когда я был еще совсем маленький, у нас в деревне, затерявшейся в джунглях провинции Симабу, жил ловец крыс. Эти серые твари частенько донимали нас, особенно в сезон дождей, когда, спасаясь от сырости, они приходили в лачуги крестьян и даже в дома местных землевладельцев. Ловец крыс знал несколько простых заклинаний, с помощью которых сводил крыс с ума, после чего они бежали к ближайшему пруду и топились в нем. Взрослые считали, что у него не все дома, и, возможно, были в чем-то правы, но для нас, для детей, он был настоящим героем. Ловец крыс всегда обращался с нами как с равными, к огромной нашей радости, уводил нас в джунгли, где просил сидеть спокойно и молчать, а сам начинал свистеть. Мы никогда не могли предугадать, какой зверь явится на его зов. Чаще всего приходил олень, один раз из соседнего ручья приполз крокодил, иногда прибежало семейство полевок или прилетала стая птиц, кружившихся над нами и рассаживавшихся среди нас, словно мы были их друзья. Ловец крыс строго-настрого запрещал нам трогать зверей, потому что человеческий запах делает их изгоями среди собственных братьев и сестер. Но мы смотрели на них, запоминали, как они себя ведут, ибо все мы суть живые твари.

Так вот, сейчас я видел перед собой ловца крыс. Но как выяснилось позднее, всем предстали разные образы. Кто-то видел няньку, прогонявшую детские кошмары, другой – торговца, убившего собаку, напугавшую этого человека в дет-

стве. Карьян утверждал, что это был крестьянин-сосед, убежавший в поле и спасший его от разъяренного быка.

Мой ловец крыс поднял с земли одну змею, вдруг выросшую до трех футов в длину. При этом, казалось, он разом поднял всех змей. Ловец крыс подержал змею, глядя, как она злобно шипит и извивается, потом отбросил ее в сторону. Но гадина не упала на землю; она просто бесследно исчезла, а вместе с ней и все остальные, и каменные плиты двора стали чистыми.

Взревев от ярости, Амбойна начал водить руками, читая новое заклинание. Меня затошнило. В небе над головой столкнулись могучие ветры. Ловец крыс, пошатнувшись, схватился за бок, стараясь удержаться на ногах. Вздвогнув, словно от невидимого удара, он попятился назад, и уланы застонали: мы были обречены.

Но в это мгновение ловец крыс распрямил плечи и заговорил мягким голосом провидицы Синаит:

О коротышка,
Полный ненависти!
Ты не признаешь закона,
Ты служишь злу.
Есть ли кто-нибудь,
Кто замолвит за тебя слово?

Ловец крыс остановился, словно вслушиваясь в ответ, хо-

тя я ничего не услышал. Затем он продолжал:

Умиравший голос,
Мертвый голос -
Это осталось в прошлом.
Нет никого, Жалкий коротышка.
Я спрашиваю Ахархела,
Но нет никого.
Ни Варума,
Ни Шахрийи,
Ни Джакени,
Ни Элиота,
Ни Воды,
Ни Огня,
Ни Земли,
Ни Воздуха.
Нет никого.
Нет никого, кроме Нее.
Я не могу называть Ее по имени.
Она встретит тебя с распростертыми объятиями,
Она укроет тебя,
Она примет тебя к себе,
Она вернет тебя на Колесо.

Ловец крыс взял ландграфа Молиса Амбойну двумя пальцами, и тот вдруг снова стал обычного размера. Воплоще-

ние Синаит поднесло каллианца к лицу, с любопытством разглядывая его, как будто перед ним было какое-то неизвестное насекомое. Амбойна ругался и вырывался, но ничего не мог поделать. Наконец ловец крыс презрительно бросил его. Но ландграф не растаял в воздухе; перевернувшись в полете несколько раз, он ударился о каменные плиты, и его тело лопнуло, словно перезрелая дыня.

Какое-то мгновение каллиоты стояли, затаив дыхание; наконец из сотен глоток вырвался стон отчаяния.

– В атаку! – крикнул я.

Мои нумантийцы бросились вперед, сметая все на своем пути. Лишь немногие из каллианцев пытались сопротивляться, да и то когда оказывались припертыми к стене. Большинство обратилось в беспорядочное бегство. Обезумевшие люди неслись, спотыкаясь и отталкивая друг друга. Мы убивали, убивали, убивали, пока наконец убивать уже было больше некого.

Я стоял в комнате, в которой никогда раньше не бывал, расположенной где-то в глубине замка, над трупом человека, пытавшегося защищаться с помощью сабли, но не имевшего понятия, как с ней обращаться, и не понимал, как я сюда попал. Убедившись, что мой противник мертв, я отправился назад в центральный двор.

Встретивший меня капитан Ластва, командир моих уланов, вытянулся в струнку.

– Замок полностью очищен, сэр.

– Хорошо, – сказал я. – Теперь мы должны найти принца Рейферна.

Ласта начал было что-то говорить, но осекся.

– Сэр, пойдете со мной.

Труп принца Рейферна был распростерт на полу у входа в тронную залу. Возле его правой руки валялся меч, а вокруг лежали тела пятерых убитых каллианцев. Следом за мной подошли Синаит и домициус Биканер.

– Он храбро сражался и умер достойно для торговца, – заметил домициус.

– Он умер достойно, – поправил его я.

Но после случившейся катастрофы слова были бесполезны.

– Хорошо, – сказал император, выслушав мой доклад. Его голос звучал ровно, лицо, глядевшее на меня из Чаши Ясновидения, оставалось спокойным. – Ты будешь замещать принца-регента.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Вопрос о том, можно ли было спасти жизнь моего брата, отложим на будущее. Я пришлю тебе дальнейшие строгие и четкие указания, а также войска, чтобы обеспечить их выполнение.

Но три задачи требуют незамедлительного решения. Во-первых, ты сказал, что, воспользовавшись всеобщим смятением, дочь Амбойны и остальные, захваченные в логове сына этого ублюдка-изменника, бежали. Я хочу, чтобы их всех

поймали и предали смерти. Я определю способ казни и сообщу о нем через того, кого пришлю на смену Кутулу. Надеюсь, мой верный страж будет жить?

– По крайней мере, так меня заверила провидица Синаит. От раны в голову он все еще находится в бреду, но со временем обязательно поправится. А ножевое ранение залечивается с помощью заклинания.

– Береги Кутулу как зеницу ока, – сказал император. – Как только он сможет тронуться в путь, пусть немедленно возвращается в Никею. Лучшие знахари страны позаботятся о том, чтобы его выздоровление было полным и как можно более быстрым.

А теперь вернемся к этим подлым каллианцам. Они сделали мне очень больно, и я хочу дать им понять всю глубину их проступка. Пусть твои отряды правосудия вновь пройдут по провинции. Они будут усилены пехотными подразделениями, которые придут в Каллио со дня на день. Я хочу, чтобы в каждом селении, в каждой деревне были казнены по два самых уважаемых человека. Если этих людей не удастся найти или каллианцы откажутся выдавать их, вместо них будут казнены по двадцать мужчин и женщин, а деревню предадут огню.

И последний приказ касается Полиситтарии, города, где свили свое логово змеи. Полиситтария перестанет существовать. Я пришлю специальный отряд рабочих, чтобы от города не осталось камня на камне. Земля будет перепахана и

посыпана солью.

Каждый десятый житель будет казнен. Один из каждых десяти – мужчина, женщина или ребенок – будет убит. Способ казни не имеет значения. Всех остальных продадут в рабство. Ни одна семья не должна остаться ненаказанной. Те, кого раньше знали как жителей Полиситтарии, будут рассеяны по всем уголкам моего королевства, а их имена, как и название их родины, будут забыты.

Таковы мои приказания, трибун Дамастес а'Симабу. Приступай к выполнению.

Я предвидел, что император захочет наказать мятежную провинцию, но не ожидал от него такой жестокости. Я сделал глубокий вдох, собираясь с силами.

– Нет, мой император, я их не выполню.

– Что? – голос Тенедоса напомнил шипение разъяренной гадины.

– Эти приказания противоречат законам богов и людей. Я не могу подчиниться.

– Ты дал мне клятву в верности!

– Дал, – подтвердил я. – Девиз моей семьи: «Мы служим верно». Но ваши приказания исходят не от головы, а от сердца и по сути своей есть зло. А мой долг – по возможности хранить вас от зла. Вы сами давали клятву править мудро, на благо своего народа и не быть жестоким с подданными. После того как вы произнесли эти слова, я сам возложил вам на голову корону.

– Трибун, ты забываешься! Я император!

– Да, вы *император*, - сказал я. – Я подчинюсь любой вашей прихоти, даже если вы прикажете мне покончить с собой. Но эти приказания я выполнять не буду. Прошу прощения, ваше величество.

На висках императора забились жилки, а сжатые губы побелели.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Раз ты отказываешься мне повиноваться, я найду кого-нибудь более послушного. Ты освобожден от всех своих обязанностей, трибун Дамастес а'Симабу; я приказываю тебе немедленно возвращаться в Nikeю. Ты больше не имеешь права отдавать распоряжения никому из тех, кто был у тебя в подчинении. Это понятно?

– Так точно, мой государь.

Император еще раз пристально посмотрел на меня, и его черные глаза сверкнули демоническим огнем. Затем изображение в Чаше Ясновидения исчезло.

Со мной все было кончено.

Глава 6

ВОДЯНОЙ ДВОРЕЦ

Соблазнительно расхохотавшись, нимфа нырнула в бурлящий бассейн. Подплыв к каскадам водопада, она взобралась по низвергающимся потокам воды, словно по лестнице. Нимфа была очень красивая, совершенно обнаженная, с длинными золотистыми волосами. У нее было лицо Маран. Поднявшись к вершине водопада, нимфа перешла на едва различимый выступ скалы, поросший мхом, и, игриво помавив меня пальцем, скрылась в своей пещере.

Эту нимфу, точнее сотворенный колдовством образ высотой около фута, подарила мне Маран в ознаменование того, что мы прожили вместе два года, сезон и сорок два дня. Я спросил, в честь чего праздник, а она ответила: «Так просто». Мне показалось, праздновать *так просто* - это замечательно, и родилась новая традиция.

Я сидел на каменной скамье, не обращая внимания на надоедливую изморось, нависшую над садом. Весьма непристойные ужимки нимфы, никогда не повторяющиеся, как правило, меня веселили. Но сейчас ничто не могло поднять мое настроение, остававшееся мрачным и пустым, как погода.

Мы покинули Полиситтарию через пять дней после того,

как я был отстранен от должности, – как только Синаит пришла к выводу, что Кутулу сможет перенести долгое путешествие.

До прибытия смены мои обязанности, а также обязанности принца-регента должен был исполнять домициус Биканер. Он дважды пытался заговорить о том, что произошло, но я ему не отвечал. Мы оба были солдатами, принесшими присягу. Домициус приказал Красным Уланам сопровождать нас с Маран, а также нашу свиту до самой Никеи. По прибытии в столицу я терял право как на телохранителей, так и на свиту, выделенную мне императором. Однако Карьян заявил, что, несмотря ни на что, останется со мной. Я пытался убедить его, что это невозможно: он числился в списках Юрейских Уланов и должен был вернуться в полк, к своей обычной службе.

– Я свое слово сказал и повторять не буду, – твердо произнес Карьян. – Солдатом ли, дезертиром – я останусь с вами. Мне наплевать.

И снова решение нашел Биканер. Карьян был отряжен ко мне для «выполнения специальных поручений».

Тело принца Рейферна, обработанное бальзамирующим заклинанием, было обернуто в черные шелка. Траурный катафалк ехал во главе нашей колонны, следом за дозором. За ним двигался экипаж, в котором везли еще не оправившегося от ран Кутулу.

Я хотел уехать скромно, без торжественного прощания, но

это оказалось невозможно. 17-й Юрейский Уланский полк и 10-й Гусарский полк в парадной форме выстроились во внутреннем дворе замка, и, когда мы с Маран появились на крыльце, нас встретили торжествующими криками, словно была одержана важная победа. Солдаты долго не могли успокоиться.

Сглотнув подступивший к горлу комок, я подошел к домициусу Биканеру. Мне казалось, что сейчас должны были прозвучать торжественные возгласы в честь императора. Поджав губы, тот кивнул и отдал соответствующее приказание. Солдаты повиновались, однако в их криках не было искренности.

Наши кареты и повозки направились к городским воротам. Улицы Полиситтарии словно вымерли. Каллианцы прятались по домам, предчувствуя неизбежную расправу.

Быстроходный пакетбот «Таулер», на борту которого мне приходилось бывать в лучшие времена, ожидал нас в Энтотто. Вместо обычных пестрых флажков на нем были подняты черные траурные знамена. Мы были единственными пассажирами. Как только тело принца Рейферна было внесено на борт, «Таулер» поднял паруса и взял курс на север, спускаясь по реке Латане к Никее.

У причала в Никее тело брата императора встречала скорбная процессия. Вся столица была одета в траур. А что касается нас с Маран – мы оказались никому не нужны. Не было ни посланника от императора, ни почетного караула,

полагающегося трибуну, ни друзей, которых, как нам казалось, у нас было много.

В городе у нас было два дворца: один у самого берега реки, принадлежащий Маран, – подарок от семейства Аграмонте к ее первому замужеству, и огромный Водяной Дворец, пожалованный мне Тенедосом после того, как я возложил на его чело императорскую корону. Я собирался обосноваться в загородном особняке, но Маран решительно покачала головой.

– Ни в коем случае, – сказала она. – Возможно, кто-то считает, что мы опозорены, но мерзавцы не посмеют отобрать у нас подарок императора! Мы отправляемся в Водяной Дворец!

Я не стал обращать ее внимание на то, что одним из «мерзавцев» является сам император Тенедос, – Маран сама это прекрасно знала. Какое имело значение, что она предпочитала думать иначе?

На улицах столицы было непривычно пустынно. Все таверны были закрыты; редкие прохожие торопились укрыться в домах. Вообще Никея – город красок, смеха и музыки. Но сейчас она была не похожа на себя.

Раз скорбел император Тенедос, все королевство должно было быть в трауре.

Сперва, когда мы только приехали в Водяной Дворец, мне показалось, что Маран была права. Многочисленные слуги встретили нас как героев, вернувшихся с победой. Если кто-

то и слышал о том, что я впал в немилость, то не подавал виду. Но через несколько дней я пришел к выводу, что Маран совершила ошибку.

Водяной Дворец имеет чудовищные размеры. Он был построен для того, чтобы в нем развлекался Совет Десяти. Вода из протекающей поблизости реки Латаны закачивалась насосами в искусственное озеро, устроенное на вершине соседнего холма, а затем стекала сотней с лишним ручейков, струй и потоков, низвергаясь водопадами, взмывая вверх из фонтанов, и наконец заканчивала свой путь в прудах, окруженных обширными садами. Эти сады были засажены самыми разнообразными травами, кустами и деревьями, привезенными отовсюду, начиная с высокогорных джунглей на границе со Спорными Землями и до оранжерейных орхидей из Гермонассы и речных растений Никейской дельты. Растения, чужие для наших мест, поддерживались с помощью магических заклинаний, убеждавших их, что они находятся в своих родных краях. Повсюду в тенистых аллеях и на открытых лужайках стояли скульптуры всех стилей и направлений, от величественных изваяний богов до непристойностей, от которых глаза лезли на лоб.

Во дворце постоянно толпились разодетые дамы и кавалеры из высших слоев нумантийского общества, жаждущие мир посмотреть и себя показать. Но сейчас он казался пустынным. На извивающихся между деревьями дорожках можно было изредка наткнуться на слугу или садовника,

поддерживающего в садах безукоризненный порядок. Безлюдный в хмурую осеннюю погоду, огромный дворец был идеальным местом для того, чтобы предаваться грусти.

Если быть честным, Маран приходилось гораздо хуже, чем мне. Скучая в бескрайних поместьях Аграмонте, она приехала в Никею в поисках знаний, свободы и новых мыслей. Поскольку ее семейство принадлежало к самым древним родам Нумантии, а Маран обладала как ослепительной красотой, так и незаурядным умом, скоро о ней заговорила вся столица. Но сейчас никто не навещал нас в Водяном Дворце, а когда она сама отправлялась в гости, то или хозяев не оказывалось дома – по крайней мере, так докладывали слуги, – или визиты проходили в атмосфере неловкости и были краткими. Даже лучшая подруга Маран, Амиэль Кальведон, тоже, по слухам, покинула столицу, перебравшись вместе с супругом в одно из поместий на берегу Латаны. Жена высказала предположение, что Амиэль, прознав о нашей опале, отвернулась от нас подобно остальным. Я ответил, что этого не может быть: Амиэль живет сама по себе, не обращая внимания на то, что говорят и делают окружающие. Но, по-моему, я не переубедил Маран.

Отчасти я разделял ее боль, и не только из чувства солидарности. Я сам был огорчен подозрительным отсутствием своих былых боевых друзей. Порой мне приходили мысли, как долго нам суждено оставаться в этом сером мире за гранью существования. Сезон? Год? Вечность?

Высунувшись из своей пещеры, нимфа улыбнулась. Улыбнувшись в ответ, я вдруг ощутил, что промок насквозь. У меня за спиной послышался смех – не соблазнительные колокольчики нимфы, а резкий скрежещущий хохот. Вскочив на ноги, я схватился было за меч, которого не было. Но тут из-за большого декоративного папоротника вышел смуглый мужчина. Его борода была всклокочена, непокорные кудри торчали во все стороны, а нос, кривой от рождения, впоследствии был еще больше обезображен в бесчисленных драках. Одет он был как разбойник с большой дороги. На боку у него висел меч в ножнах, а рядом – большой кинжал.

– А, симабуанец, – проворчал мужчина. – Сидишь тут, предаваясь жалости к самому себе, да? Поделом тебе, черт побери, – не доверяй королям и прочему дерьму.

Это был Йонг, наверное старейший из трибунов. Уроженец Кейта, он был наемным солдатом, охранявшим наше посольство в Сайане. Там я и провидец Тенедос познакомился с ним. Подобно большинству хиллименов, Йонг был прирожденным убийцей, но, в отличие от многих, он умел командовать и, что очень важно, подчиняться.

– Я слышал, все твои собратья по оружию наложили в штаны от страха. Ни у кого не хватило смелости заглянуть к тебе в гости. Они боятся, как бы император, усомнившись в их верности, не нашлепал им по заднице, а? Давным-давно я как-то сказал, что хочу узнать больше о чести. Но сейчас, наверное, я уже узнал все, чему можно было научиться

в Нумантии. Наверное, пришла пора возвращаться в родные горы. А ты что скажешь, симабуанец? Может, лучше бросить все это дерьмо, повернуться к Нумантии задницей и стать хорошим воином в моей шайке?

Йонг избрал для себя нелегкий путь узнать, что такое честь. Он отступал вместе с нами во время того страшного бегства из Сайаны, потом занимался тем-сем в Никее вместе с такими же сомнительными дружками до тех пор, пока не началось восстание Товиети и не взбунтовалась провинция Каллио. Вот тогда оказались востребованы его своеобразные дарования. Йонг возглавил штурмовые отряды, постоянно беспокоившие противника. Вскоре он был произведен в генералы, а затем, после победы над Чардин Шером, Тенедос провозгласил его одним из первых трибунов.

Высокое положение нисколько не повлияло на его характер. Как и положено трибуну, Йонг получил дворец, но отказался от подарка, не желая никому показывать, что он чем-то связан с этим проклятым тропическим болотом, именуемым Никеей. По его словам, рано или поздно ему все равно предстояло вернуться в горы. Йонг жил в казармах вместе со своими солдатами, но проводил под крышей так же мало времени, как и они. Штурмовые отряды не знали покоя: если они не ловили каких-нибудь бандитов, то участвовали в стычках на границе.

Во время своих редких непродолжительных пребываний в Никее Йонг попадал из одного скандала в другой. Почему от

этого с виду неотесанного мужлана женщины буквально сходили с ума, ответить не мог никто – в том числе и несчастные мужья, отцы и братья. Йонг не меньше десятка раз сражался на дуэлях и за все это время не получил ни одной серьезной раны. Теперь уже никто не осмеливался мешать ему в любовных похождениях. Никейцы предпочитали рога погребальному костру. Если бы Йонг не был лучшим из лучших, его бы уже давно разжаловали. Но он оставался на военной службе и продолжал занимать самые высокие должности.

Улыбка на моем лице, вызванная проделками нимфы, растянулась шире. Как всегда, я был рад видеть своего друга.

– Ты часом не пьян?

– Дамастес, ты же прекрасно знаешь, что я никогда не пьянею. Я просто пью.

– Как ты попал во дворец? Он ведь охраняется.

– Охраняется? Я мог бы напялить розовую рубаху и подойти к воротам, трубя в горн и колотя в барабан, но даже в этом случае совиные глазки твоих стражников меня бы не заметили. Охраняется! У тебя крыша поехала. Тебе нужно срочно выпить!

Проводив Йонга в одну из библиотек, я попросил его подождать. Он плюхнулся в кожаное кресло, не заботясь о том, не испачкает ли чего-нибудь его мокрый и грязный мундир, и предложил мне лучше приказать принести бутылку, ибо всем известно, что хиллмены становятся очень нервными, если их лишают простых удовольствий. Я спросил, не желает

ли он умыться и переодеться.

– Зачем? – радостно прыснул Йонг. – Я в этом году уже ходил в баню.

Я понял, что вечер обещает быть длинным.

Отыскав Маран, я спросил у нее, не хочет ли она к нам присоединиться, заранее зная ответ. Жена нашла какие-то вежливые отговорки. И дело было не в том, что Маран недолюбливала Йонга, – по-моему, он ее просто пугал. Обычно в обществе военных она чувствовала себя спокойно. Но, как я уже говорил, Йонг принадлежал к породе простых убийц. В конце концов Маран согласилась, по крайней мере, зайти поздороваться.

Эриван, мой мажордом, принес запечатанную бутылку любимого напитка Йонга – чистого бренди из кожуры винограда, который делали только в провинции Варан. Я, как всегда, довольствовался бутылкой холодной минеральной воды. Слуга принес поднос с маринованными овощами, несколькими сортами оливок, брынзой и острыми специями.

Дождавшись, когда за ним закроется дверь, Йонг проворчал:

– Дамастес, мне не по душе то, что сейчас происходит.

– Я сам от этого не в восторге, – согласился я.

– Все понимают, что ты был прав. Не удивляйся. Разумеется, о случившемся в Каллио говорит вся армия, и не только. Давно уже в столице не было такой темы для сплетен. По-моему, император спятил. Наверное, он теперь в состоянии

думать только о том, что ему никак не удастся обзавестись наследником престола.

– Ты поосторожнее, – предостерег его я, прекрасно зная, что по крайней мере один, а то и несколько моих слуг были шпионами Кутулу.

– Мочиться я хотел на осторожность! Я говорю, что император ведет себя так, словно растерял остатки своих мозгов и думает задницей, – и готов повторить это ему в лицо!

Йонг говорил правду.

– Полный идиот, – продолжал он, – или первобытный варвар, спустившийся с гор. Вроде ахима Ферганы. Кстати, тебе известно, что мерзавец до сих пор сидит на троне в Сайане?

Фергана, правитель Кейта, удерживал власть с помощью хитрости и жестокости. Именно он выгнал нас из своей столицы, заставив пройти дорогой смерти через Сулемское ущелье.

От Йонга не укрылся блеск моих глаз.

– Задумайся, это работа для дюжины, максимум двух дюжин крепких ребят, – сказал он. – Император даже не узнает о том, что ты куда-то отлучался. Почему бы нам с тобой не набрать надежных людей и не проскользнуть через границу, чтобы нанести визит Фергане? Во-первых, мы расквитаемся с ним за давнишние долги, а там как знать – может быть, захватим его земли. И разве не будет большим ударом для этого мелкого чародеишки, которому ты служишь, что ему придется разговаривать с тобой на равных, как с другим

суверенным монархом? – Йонг невесело заржал. – Симабуанец, не смотри на меня такими глазами. Знаю, что ты будешь хранить верность присяге, даже если Тенедос на веки вечные оставит тебя гнить в этом болоте, которое ты считаешь дворцом.

Поднявшись с кресла, Йонг отломил ломоть брынзы и запищал его себе в рот, снова наполняя кубок.

– Я уже говорил: Дамастес, мне не по душе то, что здесь происходит, и речь идет не только о том, как относится к тебе император.

– А в чем дело? Что у вас тут случилось? В последнее время я был очень занят.

– Тебе следовало бы взглянуть на самодовольных павлинов, которыми кишмя кишит двор Тенедоса. Мне никогда не доводилось видеть такое огромное количество разодетых бездельников, озабоченных только тем, как бы лизнуть императору задницу, запустив при этом руку в его казну. Но больше всего меня тревожит то, что это им удастся.

Мне вспомнилось, что Кутулу говорил приблизительно то же самое.

– И это еще не все, – продолжал Йонг. – Посмотри на армию. Ты встречался с новыми военачальниками? Например, с Нильтом Сафдуром, получившим твою конницу? Дурак и пустобрех, который не сможет справиться с самой смирной кобылой. Тенедос приближает к себе офицера, отличившегося лишь победой над шайкой бандитов, и производит его

в генералы. Что хуже, из числа этого сброда он назначил не меньше десятка новых трибунов, а то и больше. Я на них плюю, но для них это лишь божья роса. Дамастес, эти люди не такие, как мы.

Под «мы» подразумевались первые шестеро, назначенные императором трибунами после разгрома Чардин Шера: я; Йонг; Эрн, которого я не очень-то любил за его честолюбие, но уважал за способности; Кириллос Линергес, выслужившийся из рядовых, а потом бросивший военную службу и ставший торговцем; Мерсия Петре, не понимающий шуток строгий педант, автор реорганизации армии, позволившей Тенедосу одержать победу над каллианскими повстанцами и получить корону; и Мирус Ле Балафре, драчун, пьяница, отличный фехтовальщик и храбрейший из храбрых.

В последующие годы трибунами стали многие другие; одних я хорошо знал лично, других только понаслышке.

– Чего он хочет добиться? Найти работу для золотых дел мастеров? – жаловался Йонг. Он понизил голос до шепота. – Боюсь, Тенедос готовится отправиться на войну, и ему нужны те, кто с криками «Вперед!» бросится в бой.

– Полагаю, мы оба прекрасно понимаем, – после некоторой паузы все так же тихо продолжал Йонг, – с кем нам придется воевать. – Он передернул плечами, и его лицо исказилось от ужаса. – По ту сторону гор, за Кейтом, простирается бесконечный Майсир. В его бескрайних лесах запросто потеряется вся провинция Дара.

Болота кишат тварями, о которых мы даже не слышали, – и нет недостатка в чародеях, способных повелевать этими тварями. Равнины уходят к самому горизонту, такому далекому, что начинают болеть глаза. Боюсь, если именно туда обращен взор императора, мы обречены.

Надеюсь, мне удалось сдержаться и не выдать себя, потому что я отчетливо помнил слова Тенедоса: *«Судьба Нумантии находится за Спорными Землями»*.

Взяв оливку, Йонг покрутил ее в пальцах и положил назад. Вместо этого он осушил свой кубок.

– Помнишь ли ты, Дамастес, – вдруг произнес он, казалось, без всякой связи с предыдущим, – как после Дабормиды я завалился к тебе в шатер, пьяный в стельку?

Разумеется, я помнил.

– Помнишь ли ты, что я сказал? Я подозревал, и сказал об этом, что моих людей бросили на верную смерть. Зачем, я не знал тогда – и не знаю сейчас.

– Да.

– Задумайся над этим, Дамастес, – внезапно помрачнел Йонг. – Если мы двинемся в поход на юг, в необъятные владения этого короля, как там его?..

– Байрана.

– Черт с ним... если мы пойдем на него войной, что случится?

– Тенедос станет повелителем обоих государств, – уверенно заявил я.

– Возможно, – согласился Йонг. – Но где окажемся мы с тобой? Боюсь, от нас останутся одни кости, забытые всеми, обглоданные волками.

Мое сердце обдало тоскливым холодом. Я деланно рассмеялся.

– Каким еще может быть удел солдата?

– Особенно, – усмехнулся Йонг, – настолько глупого, что он верит королям или провидцам. Вдвойне глупого, если он верит человеку, совместившему в себе оба этих качества!

– Йонг, я хочу искренне поблагодарить тебя за то, что ты наведая ко мне в гости и так меня развеселил, – язвительно заметил я.

Прежде чем Йонг успел что-либо ответить, раздался стук в дверь, и в библиотеку вошла Маран.

– А, красавица, – приветствовал ее уроженец Кейта. – Графиня, вы появились в самый подходящий момент.

– У вас кончился бренди, и вам наверняка хочется еще.

– Ну, пока не кончился, но дно уже видно. Но вы пришли вовремя. Нам пора поговорить о чем-нибудь другом, кроме как о войнах и тому подобном, и, надеюсь, вы будете направлять беседу в нужное русло.

Маран недоверчиво посмотрела на него, не в силах определить, не пытается ли он над ней подшутить, но поняла, что Йонг совершенно серьезен. Вызвав Эривана, она распорядилась насчет новой бутылки бренди и добавила:

– И принеси бутылку варанского зеленого, весеннего уро-

жая. – От нее не укрылся мой недоуменный взгляд. – Поскольку мои знакомые не считают нужным навещать нас, Дамастес, придется мне обхаживать твоих. Йонг, по-моему, нам пора перейти на «ты».

– Ага! Отлично, Маран. Ты совершенно права, что ищешь себе таких друзей, как я. Мы не только очаровательны и красивы; нам можно полностью доверять.

Маран улыбнулась.

– До меня доходили разные слухи.

– В основном лживые. Должен вам сказать, графи... Маран, хиллмену можно доверять во всем и всегда, если только в дело не замешаны женщина, резвый скакун, честь или просто скука. Вот тогда никто не сможет сказать наперед, чего от нас ждать.

Маран звонко рассмеялась, и я поймал себя на мысли, что вот уже несколько дней не слышал этих счастливых серебристых переливов.

Через два дня к нам в гости приехала Амиэль. Как выяснилось, она действительно была в отъезде, и все страхи Маран оказались безосновательными. Графиня Кальведон, моя ровесница, отличалась необыкновенной красотой – высокая, ладно скроенная, с упругими мышцами танцовщицы и черными волосами, ниспадающими на плечи. Бросившись друг другу на шею, подружки залились слезами. Я благо разумно удалился в библиотеку, поскольку, подобно большинству мужчин, недостаточно понимал женщин и не обладал

мастерством разрешать их проблемы.

Но в тот вечер мне удалось выяснить, в чем дело. Амиэль покидала на время Nikeю, чтобы решить одну проблему: Пелсо, ее муж, завел себе любовницу. Признаться, я был весьма озадачен, поскольку в браке супруги особенно не стеснялись друг друга и ложились в постель с каждым, кто им приглянулся, не испытывая никаких угрызений совести. Но, как объяснила мне Маран, взаимопонимание Кальведонов было основано на уговоре: любовников можно было выбирать каких угодно, не допуская, однако, в отношениях сердечной привязанности. Пелсо нарушил это соглашение, безумно влюбившись в свою очередную пассию. Эта девушка оказалась сестрой главы приморской провинции Бала-Гиссар, находящейся на дальнем западе. Она была не замужем, а родословная ее нисколько не уступала графам Кальведон.

Амиэль и Пелсо провели вместе две недели. Тучи сгустились, и наконец грянула яростная ссора. Пелсо вернулся в Nikeю и направился напрямик домой к своей возлюбленной. Подруги попытались обратить случившееся в шутку, убеждая друг друга, что блудный муж вскоре обязательно одумается, и поспешили сменить тему разговора. Большую часть времени, пока Амиэль была у нас в гостях, они обсуждали, как лучше отомстить никейским ублюдкам, отвернувшимся от Маран. Я не мог ими не восхищаться: на меня всегда производят огромное впечатление люди, способные за-

быть о собственных проблемах, чтобы помочь ближнему.

Вскоре Амиэль стала у нас частым гостем. Нередко она оставалась в Водяном Дворце на ночь. Я был искренне рад, поскольку возобновившаяся дружба, казалось, улучшала настроение Маран. Так или иначе, к моей жене снова вернулась улыбка, а ее задорный смех звучал все чаще и чаще.

– Будь я проклят, если, подобно вам, пушу труса к себе в дом, – проворчал трибун Мирус Ле Балафре.

– Едва ли вас можно назвать этим обидным словом, сэр.

Ле Балафре прибыл в Водяной Дворец в карете, как нельзя лучше соответствовавшей его характеру: практичном просторном экипаже на высоких колесах, но только украшенном позолотой и эмалью. Он приехал вместе со своей супругой Нечией, тихой некрасивой женщиной маленького роста, которую запросто можно было принять за продавщицу тканей на городской ярмарке.

Ле Балафре лично повязал мне через плечо ленту, символ моего чина, когда я был произведен в домициусы и назначен командиром 17-го Корейского Уланского полка. Этот храбрый и талантливый генерал командовал правым крылом нашей армии во время Каллианской войны, а затем возглавлял экспедиционный корпус, действовавший против неугомонных грабителей-хиллменов.

– И все же я трус, – продолжал Ле Балафре. – Вы вернулись в Nikeю, хромая и со свернутыми знаменами, император не обращает на вас никакого внимания, а я? Я слушаю

своих проклятых богами советников, твердящих, что навещать вас было бы неразумно, так как этим можно прогневить императора. Пошел он к черту, этот император, мать его! Я его слуга, но не раб, черт побери!

Маран опешила.

– Мирус, – с мягким укором произнесла его жена. – В приличном обществе так не выражаются.

– К тому же такие слова могут быть опасными, – добавил я, пытаясь сдержать улыбку.

Мне вспомнились резкие высказывания Йонга, сделанные несколько дней назад. Похоже, лучшие слуги императора не преуспели в искусстве подобострастно гнуть спины.

– Опасными? Ха! В своей жизни я меньше всего думал о безопасности. Ну что, молодой трибун, так и будем стоять на пороге? Раз я не трус, приглашайте же нас в дом!

Через несколько минут мы уже сидели в одном из соляриев, выходящем на небольшой пруд, подернутый рябью, а суетящиеся слуги обносили нас карамелью и чаем из трав. Пока Маран болтала с женой Ле Балафре, захватившей с собой рукоделие, трибун отвел меня в сторону.

– Дамастес, как я уже говорил, мне стыдно. Принимаете ли вы мои извинения?

– В чем вы провинились? – солгал я. – Я просто решил, вы были заняты.

– Да, я был занят, – подтвердил Ле Балафре. Он умолк, дожидаясь ухода слуг. – Мы все очень заняты. Император

увеличивает численность гарнизонов в Юрее и Чалте; а полсезона назад он отправил вашего друга Петре обследовать ущелье, ведущее в Кейт.

Это объясняло, почему я до сих пор не видел Мерсию, – наверное, я был единственным другом угрюмого стратега. И я не сомневался, что ему было глубоко наплевать, кто у кого в милости.

– У нас пять миллионов человек уже призваны в армию или готовятся принести присягу.

Я присвистнул. Это вдвое превосходило те силы, которыми мы располагали в разгар гражданской войны в Каллио.

– Но все же позвольте мне вернуться к тому, о чем я уже говорил, – продолжал Ле Балафре. – К вопросу о трусости. Мне совсем не нравится, что я так долго не решался приехать к вам. Наша армия переменилась, Дамастес. Она стала такой... такой политизированной, черт возьми! Теперь мы не столько солдаты, сколько болтуны-ораторы!

Перебрав в уме свои поручения за последние восемь лет, я пришел к выводу, что лишь немногие из них действительно имели отношение к настоящей войне, хотя большинство оканчивалось большим кровопролитием. Но пахарь всегда последним замечает весенние цветы.

– Вы правы, – согласился я. – Но я не вижу, как армия может быть не политизированной.

– Я вас не понимаю.

– Ведь это мы возвели Тенедоса на престол, не так ли?

– Пусть лучше он, чем те придурки, что распускали нюни до него!

– Не возражаю, – сказал я, понятия не имея, куда иду, поскольку политика всегда оставалась для меня неразрешимой загадкой. – Но, Мирус, боюсь, мы потеряли политическую девственность, оставшись после сражения в Ургоне и подержав императора в борьбе против Совета Десяти.

– Возможно, вы правы, – неохотно согласился Ле Балафре.

– Уверен в этом. И еще одно. Я помню, какой была армия до Тенедоса. Когда грянуло восстание Товиети, я служил в Никее в одной из отборных частей, пригодных только для парадов. Вспомните, тогда в первую очередь имело значение, начищен ли у тебя шлем и в каких отношениях ты с каким-нибудь толстозадым аристократом. Боевые качества никого не интересовали! Не забыли, как армия выступала в поход, а наши генералы тащили в обозе своих шлюх, лакеев, слуг, поваров и цирюльников? Подумайте, как сильно мы изменились с тех пор.

– По-моему, вы плохо представляете себе, до чего опустилась наша армия сейчас, – угрюмо буркнул Ле Балафре. – По крайней мере, части, расквартированные в Никее.

Разумеется, это была правда.

– Все вернулось на круги своя, к тому, что было раньше. Парады и смотры устраиваются все чаще, все больше и больше солдат умеют только надраивать до блеска шлемы и щел-

кать каблуками, стоя на карауле у входов в многочисленные имперские канцелярии, не нуждающиеся в охране. В последнее время наш император проникся страстью к блеску и мишуре. – Ле Балафре помолчал. – И на это чутко среагировали облепившие его прохвосты.

– И еще одно, – продолжал он, – внимательно глядя на меня. – Известно ли вам, что после того, как император сместил вас за неповиновение, он предложил мне вашу должность в Каллио? Знаете, что я ему ответил? Я сказал, что вы поступили совершенно правильно, а у меня тоже нет ни малейшего желания становиться мясником. Конечно, он может назначить меня на эту должность, но ему придется сразу же искать мне замену, если я получу такой же приказ. Император залился краской, а потом приказал мне возвращаться к исполнению своих обязанностей.

– И кто же в конце концов получил этот раскаленный уголек?

– Не военный. Главный шпион императора Кутулу, к превеликому сожалению, полностью оправившийся от ран, предложил императору некоего Лани, заведовавшего полицией Nikei. По слухам, этот Лани отправился в Каллио, получив совершенно иной приказ. Ему предписано искать пути к примирению, а не безжалостно расправляться со всеми, кто попадет под руку Любопытно, кто открыл глаза нашему императору? Уж конечно, не Кутулу, черт бы его побрал! Но кто?

Я никогда не замечал за главным тайным агентом императора ни тени милосердия.

– В любом случае, – сказал Ле Балафре, – вы особенно не переживайте. Наш император не дурак; рано или поздно он достанет свою голову из задницы и поймет, что вы спасли его от него самого.

– Очень на это надеюсь, – искренне заверил я храбrego-ца-трибуна.

В этот момент Маран радостно вскрикнула. Мы с Ле Балафре поспешили посмотреть, в чем дело. На коленях у Нечии лежал диск размером с две ладони. Но это была не застывшая картинка, а живой лесной пейзаж. Я увидел крохотного тигра, скрывающегося в кустах, трех газелей, мирно щиплющих траву и не подозревающих о подкрадывающейся смерти. Присмотревшись внимательнее, я разглядел крохотных обезьян, молчаливо следящих за разворачивающейся драмой, и услышал щебет невидимых птиц.

– Я... я могу продержатъ заклятие еще пару секунд, – сказала Нечия.

И вдруг у нее в руках остались лишь пальцы с натянутым куском коричневой ткани. На материи были выведены таинственные символы, а между ними виднелись кусочки волос, шерсти и листьев.

– Это новая игрушка, – сказала Нечия. – Наш сын – странствующий священник, и он присылает нам разные диковинки. Он написал, что видел нечто подобное во время своих

путешествий, и прислал клочок шерсти тигра, зацепившийся за колючки, волосы обезьян, землю из-под дерева, о которое терлись газели, цветы и так далее.

Я был поражен.

– Это напомнило мне то, что я видел в детстве в джунглях своего Симабу, – сказал я, внезапно охваченный тоской по родине.

– Когда я научусь управлять отдельными маленькими заклятиями, – продолжала Нечия, – я наложу общее заклятие на всю картинку, и тогда ее можно будет повесить на стену. Запечатленная на ней сцена будет повторяться снова и снова. У меня уже есть уличные сценки, потом виды реки, лодок, но сейчас я впервые попыталась изобразить то, чего сама не видела. Естественно, – серьезно добавила она, – тигру не видеть газели. Обезьяны поднимут тревогу, и они убегут. Тигр порычит на обезьян и уйдет несолоно хлебавши.

Я снова подивился на Нечию, которую никак нельзя было принять за супругу трибуна; на сына Ле Балафре, о котором я впервые услышал, но если бы и слышал раньше, то ни за что бы не подумал, что он может быть странствующим священником, живущим подаяниями. Воистину все мы не те, кем кажемся.

Гости засиделись у нас допоздна, но разговор дальше велся на отвлеченные темы. Проводив чету Ле Балафре, я позволил себе искорку надежды, что старый трибун прав и мое изгнание не будет продолжаться вечно.

Один гость задержался у нас во дворце совсем недолго. Молодой домициус по имени Оббия Трошю навестил меня, сказав, что служил под моим началом капитаном в сражении при Дабормиде. Я вынужден был признаться, что совершенно его не помню. Меня всегда восхищали великие полководцы, которые, как гласит история, останавливали на улице прохожего, узнав в нем рядового, с кем двадцать лет назад во время похода ели из одного котла. Я восхищался, но не верил, что такое возможно...

Так или иначе, я пригласил этого Трошю к себе в кабинет. Тайнственно оглядевшись по сторонам, молодой домициус плотно прикрыл дверь.

– Я решил нанести вам визит, трибун Дамастес, потому что просто взбешен тем, как с вами обошелся император.

– Император?

Трошю утвердительно кивнул.

– Сэр, – холодно произнес я, – я считаю, ни вы, ни я не вправе подвергать сомнению поступки императора. Мы оба принесли присягу.

– Сэр, не сочтите мои слова за дерзость, но вы все же *оспорили* приказ Тенедоса, разве не так?

Я промолчал. Трошю был прав.

– Я пришел к вам от имени группы... скажем так, от группы обеспокоенных граждан, – продолжал он. – Некоторые из них служат в армии, другие входят в число самых светлых умов Никеи и всей Нумантии. Мы пристально следили

за тем, что происходило с вами.

– Это еще с какой целью? – спросил я, чувствуя неприятный холодок.

– Разумеется, мы всецело преданы императору; мы были в числе первых, кто поздравил его, когда он взошел на престол. Но нас все больше и больше тревожат события последних двух лет.

– Вот как?

– Временами начинает казаться, что политика императора определена не так четко, как раньше, и претворяется в жизнь весьма нерешительно.

– Я ничего подобного не замечал, – ответил я, вспоминая, как быстро отреагировал Тенедос на события в Каллио.

– Ну разумеется, – поспешил загладить резкость своих слов Трошю. – Вы были его разящей правой рукой, постоянно находились в гуще событий. Но когда отходишь от повседневных забот, появляется возможность увидеть происходящее как бы со стороны.

– Верно, – согласился я.

– Группа, чьи интересы я представляю, считает, что ей пора предложить свои услуги императору. Мы надеемся, что он прислушается к нашим советам. Не надо забывать старинную поговорку, гласящую, что ум хорошо, а два лучше.

– Есть и другая про семерых нянек и дитя без глаза, – возразил я.

– По-моему, в нашем случае это исключено, – смутился

Трошю.

– А чем я могу быть полезен этой группе великих мыслителей? – насмешливо поинтересовался я.

– Если честно, – взволнованно произнес Трошю, – среди нас почти нет известных людей, мы почти не появляемся на широкой публике. Мы понимаем, что толпе нужен свой идол – кого она будет уважать, за кем пойдет. И вот тут вы могли бы послужить Нумантии.

Его слова меня заинтересовали, но я сохранял на лице безучастное выражение.

– Позвольте в таком случае задать еще один вопрос, – сказал я. – Предположим, ваша группа предложит какие-то действия, а император с вами решительно не согласится. Что тогда?

– Надеюсь, у нас окажется достаточно мужества, чтобы, подобно вам, настоять на том, что, по нашему разумению, будет исключительно во благо Нумантии. И здесь на нашей стороне будет то преимущество, что нас много. Вы были героем-одиночкой, и император с легкостью от вас отмахнулся. Но если ему придется иметь дело с десятком, с сотней решительных людей...

Я вскочил. Во мне бурлила ярость, но я постарался сдержаться, впрочем, не слишком успешно.

– Домициус, придержите язык. Позвольте еще раз напомнить о том, что вы принесли присягу. Вы предлагаете мне подлость. Смысл нашей жизни состоит в том, чтобы служить

императору. Не «давать советы» и не ставить ему палки в колеса, если у него появятся какие-то собственные мысли. От ваших слов пахнет изменой; ваше поведение бесчестно. Я вынужден попросить вас немедленно покинуть мой дом и впредь больше не осквернять его своим присутствием.

Возможно, мне следовало бы сообщить соответствующим органам о вас и вашей группе. Впрочем, я вряд ли опущусь до этого, потому что глубоко презираю доноительство. К тому же я не считаю, что ваша горстка глупцов угрожает империи и императору. Больше всего вы напоминаете мне тех сопливых беспомощных бездельников, свергнутых Тенедосом с моей помощью, – чем я очень горжусь.

А теперь убирайтесь отсюда, или я прикажу слугам вышвырнуть вас за дверь!

Как это ни странно, Трошю отнесся к моим словам совершенно спокойно. Встав, он поклонился и не спеша удалился. Дав своему гневу улечься, я отправился к Маран и рассказал ей о неожиданном госте. Она взорвалась, и мне пришлось ее успокаивать. К тому же своей яростью она и во мне разбудила задремавший было гнев.

– Мерзкая крыса! Надо немедленно связаться с подручными Кутулу и донести на этого домициуса, которому моча в голову ударила, и его полоумных дружков! У императора хватает забот и без их козней!

Несмотря на благородное происхождение и соответствующее воспитание, моя жена умеет ругаться не хуже заправ-

ского солдафона. Я повторил ей то, что сказал незваному посетителю насчет своего отношения к стукачам.

Маран поджала губы.

– Знаю. Я сама ненавижу наушничество. Но в данном случае речь идет об императоре! – Вдруг она, высвободившись из моих объятий, посмотрела на меня как-то странно. – Дамастес, мне только что пришла в голову одна мысль. Возможно, очень глупая. Я выскажу ее медленно, чтобы ты не разозлился. Так вот, слушай. Сейчас император страшно зол на тебя, верно? Возможно, он даже начал сомневаться в твоей преданности.

Она умолкла, судя по всему, ожидая от меня вспышки негодования.

– Продолжай, – только и сказал я.

– Похоже, тебе пришли в голову те же мысли. Итак, если бы я была императором и у меня имелся бы такой человек, как Змея, Которая Никогда Не Спит – по слухам, наславший своих соглядатаев во все таверны, кабаки и притоны Нумантии, да еще позаботившийся о том, чтобы за каждым шпионом присматривал другой, – так вот, быть может, я попросила бы его проверить, нельзя ли подтолкнуть моего опального трибуна на какую-нибудь глупость?

– Например, предложить ему примкнуть к несуществующему заговору? – спросил я.

– Быть может, заговор действительно существует, но только для того, чтобы лучше следить за потенциальными измен-

никами? – уточнила Маран.

Я покачал головой, выражая не столько несогласие, сколько растерянность.

– Не знаю, Маран. Право, не знаю.

– И я не знаю. Но Лейш Тенедос и Кутулу достаточно хитры, чтобы устроить тебе такую проверку.

– И все же как нам быть? Даже если этот Трошю подсадная утка, сама идея доноительства мне претит.

– Нам надо хорошенько подумать, – сказала Маран.

Но мы были избавлены от этой необходимости. На следующий день Кутулу лично пожаловал к нам в гости.

Он стеснялся еще больше обычного и сидел, забившись в угол экипажа, крепко вцепившись в обернутый бумагой пакет. Маран провела его в зеленый кабинет и сказала, что присоединится к нам позже. Это был условный сигнал: в зеленом кабинете имелся тайный альков, куда можно было проникнуть из соседней комнаты. Я или Маран пользовались им, когда хотели услышать то, что в нашем присутствии сказано бы не было.

Кутулу отказался от угощений, заявив, что заглянул ко мне лишь на несколько минут.

– Насколько я вижу, твои раны зажили, – сказал я.

– Да, по крайней мере, затянулись, – подтвердил Кутулу. – Правда, в боку до сих пор что-то болит. Но голова вернулась в рабочее состояние. Долгое время я то и дело проваливался в облака тумана. Теперь я не могу точно вспомнить, что

со мной было, о чем я говорил. Полагаю... надеюсь... больше такого не повторится. Моя память, способность складывать вместе разрозненные детали – это мой единственный настоящий талант.

Наверное, точнее было бы назвать это словом «оружие».

– Всякое может быть, – осторожно произнес я. – Большинство людей заблуждаются, считая, что удар по голове лишь на время лишает человека сознания. На самом деле требуется довольно много времени, чтобы полностью прийти в себя.

– Кто меня оглушил?

– Какая-то женщина, попытавшаяся затем перерезать тебе горло.

– Надеюсь, ты с ней расправился.

– Если быть точным, снес ей голову с плеч.

– Хорошо. А я все не мог успокоиться, гадал, что со мной произошло. Мне рассказали, что ты перетащил меня в цитадель, но никто не знал, что случилось с тем, кто на меня напал. Собственно говоря, за этим я и пришел к тебе, – продолжал Кутулу. – Для того чтобы снова поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь. По-моему, это уже входит в привычку.

Я был изумлен.

– Кутулу, ты начинаешь шутить?

– А? Да. Наверное, я только что сострил, правда? Не выдержав, я рассмеялся вслух. На лице Кутулу появилась и тотчас же исчезла мимолетная улыбка.

– В любом случае, – успокоившись, сказал я, – мне очень

приятно снова видеть тебя. Но я удивлен, что ты приехал ко мне.

– Почему? Ты один из немногих моих друзей. Мне ужасно неудобно, что из-за раны я столько времени не мог к тебе выбраться. Не понимаю, чему ты удивлен.

– Ну, во-первых, теперь император обо мне не слишком лестного мнения.

– И что с того? Я не сомневаюсь – кстати, как и император, – что ты ничем не угрожаешь его власти, несмотря на некоторые расхождения во взглядах по поводу положения дел в Каллио.

– Не думаю, что Тенедос обрадуется, узнав о твоём посещении человека, попавшего в немилость.

– Возможно, ты прав. Но император правит, исходя не из минутных капризов. Как только он успокоится и взглянет на случившееся с точки зрения логики, все встанет на свои места.

– Что ж, в таком случае... – Помолчав, я сменил тему разговора. – Император по-прежнему заставляет тебя гоняться за пока что призрачными майсирицами?

Нахмурившись, Кутулу кивнул.

– Удалось ли тебе найти доказательства злокозненных планов короля Байрана?

– Нет. Но император продолжает упорствовать в своих подозрениях. – Кутулу покачал головой. – Получается, я только что опроверг свои собственные слова насчет точки зрения

логики?

– Как ты однажды выразился, мысли императора движутся путями, которые нам не дано постичь, – сказал я.

– Вот как? Я так говорил? – Кутулу замялся. – Знаешь, на самом деле я навестил тебя по другой, более важной причине. И хотя разговор будет не слишком-то приятным, полагаю, твоя жена должна знать то, что я сейчас собираюсь сказать.

Я направился к двери.

– Не трудись, – едва заметно усмехнулся Кутулу. – Я сам ее позову.

Подойдя к картине, изображающей водопад, за которой находился глазок, он громко произнес, обращаясь к ней:

– Графиня Аграмонте, не соблаговолите ли присоединиться к нам?

Ошеломленная Маран громко вскрикнула. Я залился краской. Лицо моей жены, вошедшей в кабинет через минуту, было похоже на свеклу.

Кутулу покачал головой.

– Почему вы смущаетесь – это выше моего понимания. Что такого в том, что вы имеете и используете подобное приспособление? На вашем месте я поступил бы так же.

– Потому что, – с трудом вымолвила Маран, – подслушивать считается верхом неприличия.

– Только не в моем мире, – поправил ее Кутулу. – Не в моей профессии. Так или иначе, – продолжал он, – мне не известно, говорил ли вам Дамастес о том, что наши друзья

Товиети снова зашевелились.

– Нет... Постоите-ка, говорил, – вдруг вспомнила Маран. – Еще когда мы были в Каллио. Но я не придавала его словам никакого значения. Мы... если не ошибаюсь, у нас тогда были более неотложные дела.

– Что ж, Товиети действительно подняли голову – еще до того, как император направил меня в Полиситтарию, – сказал Кутулу. – Если честно, их активность постоянно возрастает. Вот что в первую очередь беспокоит императора. Он приказал мне отложить в сторону все остальные дела и полностью сосредоточиться на последователях этого страшного культа. Первым делом я должен узнать, не получают ли Товиети деньги из Майсира.

Опять этот Майсир! От Кутулу не укрылось выражение моего лица.

– Император хочет знать, не заказывает ли сейчас музыку король Байран, как в свое время это делал Чардин Шер. Кстати, все, что я сейчас говорю, не должно выйти за пределы этой комнаты. Пока что у меня нет никаких доказательств. Но с точки зрения логики все сходится.

– Не понимаю, какое нам до этого дело, – заметил я.

– Две недели назад мы арестовали вожака ячейки. Эта женщина знала о структуре организации и ее планах больше, чем все, кого я допрашивал раньше. Она рассказала, что наступательная политика Товиети сосредоточена в двух основных направлениях. Первое, имеющее дальний прицел, за-

ключается в продолжении террора в надежде, что император закрутит гайки и примет карательные законы. Это пробудит гнев самых широких слоев населения, что, в свою очередь, приведет к усилению репрессий – и так будет продолжаться до тех пор, пока чаша терпения не переполнится и не начнется новое массовое восстание.

Вторым направлением, призванным решить непосредственные задачи, является физическое устранение приближенных императора, но не всех, а лишь некоторых. Я пытался выбить из этой женщины имена предполагаемых жертв, но она ответила, что этот план еще находится в стадии обсуждения. Однако у нее вырвалась фраза, что целями Товиети станут, цитирую дословно, «люди вроде этого проклятого богами золотоволосого дьявола Дамастеса Прекрасного, один раз уже нанесшего нам сокрушительный удар, а затем помогшего императору расправиться с Тхаком. В первую очередь мы расправимся с ним и – да простит меня графиня – с его стервой-женой».

– Но... но почему? Мы здесь ни при чем! Чем, например, виновата я? – спросила Маран, пытаясь унять дрожь в голосе.

– Быть может, потому, что вы лучше, богаче, умнее их? Не знаю. Почему чернь ненавидит тех, кто стоит над ней?

– Вовсе не обязательно, – возразил я, вспоминая крестьян, рядом с которыми рос и трудился бок о бок еще мальчишкой.

– У моих родителей была торговая лавка, и я не помню,

чтобы нас кто-нибудь ненавидел или мы сами кого-то ненавидели, – задумчиво произнес Кутулу. – Но это к делу не относится. Я счел своим долгом вас предупредить. Лично мне очень хотелось бы, Дамастес, чтобы император пересмотрел свое отношение к тебе и вернул Красных Уланов. Если что, оборонять этот дворец будет очень нелегко.

– У нас есть стража.

Кутулу начал было что-то говорить, но я покачал головой.

– Так или иначе, будьте осторожны – это относится к обоим, – сказал Кутулу, поднимаясь с кресла. Только теперь он вспомнил, что продолжает сжимать пакет. – Ах да, это подарок. Для вас двоих. Нет, пожалуйста, разверните его после моего ухода.

Казалось, маленький человечек торопится уйти. Мы проводили его до дверей. Как оказалось, Кутулу приехал в сопровождении лишь двух стражников.

– Кутулу, – заметил я, – наверное, мне тоже следует тебя предостеречь. Ты для этих безумцев еще более желанная цель, чем я.

– Естественно, – безмятежно согласился он. – Но кто знает, как я выгляжу? Кто помнит меня в лицо?

– Еще один вопрос, – сказал я. – Тебе когда-нибудь приходилось слышать о некоем домициусе Оббии Трошю?

И я описал своего вчерашнего гостя.

Кутулу наморщил лоб, погружаясь в раздумья.

– Нет, – наконец решительно заявил он. – Никогда. А я

должен его знать?

– Нет, – сухо произнес я. – Не должен, если ты сам этого не хочешь.

Кутулу не стал спрашивать у меня разъяснений и забрался в экипаж.

– Мне у тебя очень понравилось, – сказал он на прощание. – Быть может, когда-нибудь, если император сочтет возможным...

Неоконченная фраза повисла в воздухе. Кучер тронул поводья, и экипаж загромыхал по извилистой улочке.

– Странный человек, ты не находишь? – сказала Маран.

– Очень странный, – согласился я. – Ну что, давай посмотрим, что такой может преподнести в подарок?

Развернув бумагу, мы увидели дорогую резную деревянную шкатулку. В ней лежала дюжина кусков мыла, благоухающих разными ароматами.

– Вот это да! – воскликнула Маран. – Он что, *совсем* не знает правил приличия? Насколько мне известно, за подобные оскорбления вызывают на дуэль!

– *Кто* бросит вызов Змее, Которая Никогда Не Спит? – спросил я. – К тому же, как знать, быть может, он прав и нам давно стоит принять ванну.

Маран пристально посмотрела на меня.

– Сэр, подозреваю, вами движут какие-то корыстные цели.

Я сделал круглые глаза, притворяясь невинным младен-

цем.

В одном из самых уединенных закутков Водяного Дворца находится каскад водопадов, ручьев и запруд, пересекающий зеленые влажные лужайки. В одних прудах вода ледяная, над другими в прохладном вечернем воздухе висели клубы пара. Все они были подсвечены изнутри разноцветными лампами в стеклянных колпаках, опущенных под воду.

– Почему ты хочешь начать здесь, а не в тепле? – недовольно спросила Маран. – Тут же жуткий холод!

– Сибаритка! Ты всегда ищешь самый легкий путь?

– Естественно.

На Маран был тонкий хлопчатобумажный халат. Я обернул торс полотенцем.

– Ах, любимый, ты у меня *такой* аскет, – томно произнесла она. – У меня груди скоро льдом покроются, а у тебя нет ничего, кроме полотенца. – Маран распахнула халат, и я увидел, что ее темно-бурые соски действительно затвердели и торчат. – Вот видишь?

Быстро нагнувшись, я укусил ее за сосок. Вскрикнув, Маран достала из кармана халата один из кусков мыла, подаренных Кутулу. По ее приказу горничная проделала в нем отверстие и пропустила шелковый шнурок.

– Итак, грязное создание, тебе придется потрудиться, чтобы принять ванну.

С этими словами она прыгнула в пруд и тотчас же вынырнула на поверхность.

– Черт, да здесь еще холоднее, чем на берегу, – жалобно вскрикнула Маран.

Я нырнул к ней. Вода оказалась холодной, просто ледяной, такой, какая течет в горных ручьях Юрея. Вынырнув, я отфыркался и стал равномерными гребками приближаться к Маран.

– Ага, я разгадала твой предательский замысел! – воскликнула она и скрылась под водой.

Я нырнул и последовал за ней, ориентируясь на пену и пузыри, поднятые ее ногами. Но когда я уже приготовился поймать Маран за щиколотку, до меня дошло, что она заманила меня к водопаду. Сильное течение увлекло меня, и, пролетев вниз футов пять, я упал в другой пруд, вода в котором была теплой.

Опустившись до самого дна, я лениво поплыл к поверхности. Маран лежала на спине, глядя на ночное небо, усыпанное холодными бриллиантами звезд. Над горячей водой белыми извивающимися змейками поднимался пар.

– Мне кажется... по большому счету... наш мир не так уж и плох, – тихо произнесла Маран.

– Могло быть и хуже, – согласился я.

– Как ты думаешь, мы правильно поступаем? – спросила она.

– Нет, но сейчас мы займемся тем, чем нужно.

– Я серьезно. Быть может, мы напрасно безвылазно торчим тут с тех пор, как вернулись из Каллио, и дуемся на весь

свет?

– В том же самом меня обвинил Йонг. У тебя есть какие-нибудь предложения?

– На следующей неделе начинается Сезон Бурь. Не устроить ли нам грандиозный бал? Пригласить всех и вся – в том числе и императора?

Я задумался.

– Не знаю. Но это единственный способ перенести боевые действия на территорию противника.

– В таком случае, давай попробуем. Какие же все-таки глупые эти военные, – добавила Маран. – Не могут найти других сравнений, кроме того как лучше протыкать друг друга мечами.

– Неправда. У меня для этого есть кое-что поинтереснее меча.

– О?

Маран подплыла ко мне, и мы начали целоваться, сначала по-дружески, но вскоре наши языки переплелись. Наконец я оторвался от нее и, подплыв к торчащей из пруда скале, взобрался на нее так, чтобы вода доходила до середины груди. Маран лениво приблизилась и положила голову мне на плечо, качаясь на волнах.

– Порой мы обращаем слишком много внимания на окружающий мир, – прошептал я.

– Знаю. Я тебя люблю, Дамастес.

– Я тебя люблю, Маран.

Эти слова, повторявшиеся бесчисленное количество раз, все равно звучали по-новому.

– Ну же, давай, – подзадорила она меня. – А то мы будем торчать здесь до посинения и ты меня так и не возьмешь.

Я поплыл следом за ней. Мы скользнули по узкой протоке в небольшую лагуну с мягким мшистым дном, вода в которой была нагрета до температуры человеческого тела. Маран протянула мне подарок Кутулу, и я стал ее намыливать, сначала спину, потом ноги. Затем она повернулась, и я принялся медленно растирать ей живот, грудь. Учащенно дыша, Маран улеглась на дно, призывно раздвигая ноги.

Перевернув жену на бок, я поставил ее правую пятку себе на правое плечо. Намылив свой член, я проник в ее чрево. Маран вздохнула, и я начал двигаться, не спеша, доставая далеко вглубь, а руки мои тем временем ласкали ее скользкие от мыла груди и спину. Маран выгнулась дугой, ногами увлекая меня на себя.

Она перевернулась на живот, положив лицо на руки, а я склонился над ней, ощущая движение ее нежных ягодиц. Закинув ноги на берег, Маран приподнялась, и мы слились в едином ритме, все убыстрявшемся до тех пор, пока разноцветные фонарики по краям лагуны не расцвели в мириады ярких солнц.

Глава 7

ЖЕЛТЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ШНУРОК

На карточке было написано:

Уважаемые барон Дамастес и графиня Аграмонте!

Благодарю вас за столь любезное приглашение. Увы, неотложные дела первостепенной важности лишают меня возможности посетить ваш праздник. Приношу свои самые искренние извинения.

Т.

Маран внимательно изучила послание.

– Ну? – наконец не выдержал я.

– Не знаю, – неуверенно сказала Маран. – Плохо, что император не обращается к тебе «трибун» или просто «Дамастес», но, с другой стороны, хорошо, что он не называет тебя графом и употребляет титул, пожалованный тебе государством, даже несмотря на то что произошло это во время правления Совета Десяти. Плохо, что карточка отпечатана, но хорошо, что он, похоже, лично подписал ее. – В последнее время Тенедос повадился подписывать свои послания первой буквой фамилии. – Но вот что действительно плохо, так это то, что император тянул до последнего и прислал карточку, когда до начала бала осталось всего два часа.

Я покачал головой. Эти тонкости этикета были выше моего понимания.

– По крайней мере, император не проигнорировал наше приглашение, как будто его не было и в помине, – задумчиво продолжала Маран. – С другой стороны, вряд ли можно было ожидать, что он проигнорирует любое послание любого человека, носящего фамилию Аграмонте. Полагаю, нам остается только ждать, что будет дальше.

Я чувствовал себя полным дураком, стоя в главной зале Водяного Дворца в окружении слуг с каменными лицами, облаченных в парадные ливреи цветов рода Аграмонте: темно-зеленые камзолы и панталоны, ярко-красные жилеты, золотые галуны, пряжки и пуговицы. Я был в парадном мундире, при всех знаках отличия, но без оружия.

На Маран были надеты белая кружевная блуза с широким вырезом, шитая жемчугом, и черная шелковая юбка, отделанная черным жемчугом. Ее волосы были уложены в высокую прическу и покрыты черной вуалью. Единственным украшением было ожерелье, усыпанное драгоценными камнями, сверкавшими всеми цветами радуги. Окинув взгляд просторную залу, Маран нахмурилась.

– Пока все предвещает полную катастрофу, – сказала она.

– Еще рано, – попытался успокоить ее я. – Прошло не больше часа со времени официального начала бала. Ты сама твердила мне, что только неотесанные мужланы, старики и безмозглые идиоты приходят вовремя.

Маран попыталась улыбнуться, но это получилось у нее плохо. Пока что гостей была всего горстка: те, кто готов прийти куда угодно, лишь бы получить дармовое угощение, а также завсегдатаи подобных мероприятий, оценивающие их важность исключительно по значимости устроителя, – и больше никого.

К моей жене подбежала Амиэль. Совершенно не разбирающийся в портновском искусстве, я было решил, что платье подружки Маран состояло из двух независимых частей. Обе половины плотно облегли ее стройное тело и строго закрывали верх до самой шеи и опускались до щиколоток. Однако наряд графини Кальведон никак нельзя было назвать скромным. Первое, внутреннее, платье было из темно-красного шелка со вставками из прозрачного газа. Второе, наружное, было цвета морской волны и также со вставками из газа. Вообще-то эти вставки не совпадали друг с другом, но под платьем у Амиэль ничего не было, и при каждом ее движении сквозь них мелькала блестящая загорелая кожа. Как и Маран, Амиэль брила треугольник между бедрами, но, в отличие от моей жены, она подкрасила помадой соски. Если бы у меня было другое настроение и Амиэль не была подружкой моей жены, у меня наверняка возникли бы интересные мысли.

– Кто сотворил эту иллюзию? – спросила Амиэль.

– Наша провидица Синаит, – чуть оживилась Маран. – Разве это не великолепно?

Иллюзия была просто потрясающей. Маран не рассталась с мыслью устроить бал в честь начала Сезона Бурь. Погода ей подыграла: с севера, со стороны моря, налетел тропический муссон. Дополняя его, Синаит сотворила бурю в главной зале: мечущиеся тучи, нависшие свинцовой тяжестью дождя или взмывающие вверх, предвещая ураган; отблески вспышек молний и отдаленные раскаты грома. Но только в зале эта волшебная буря разыгрывалась невысоко от пола, поэтому гости воображали себя парящими в облаках второстепенными богами или посланниками кого-нибудь из главных богов.

– Особенно мне приглянулась...

Амиэль умолкла, увидев своего мужа Пелсо. Натянуто улыбнувшись, она извинилась и направилась к чаше с пуншем. Было очевидно, что супруги пришли сюда исключительно потому, что хорошо относились к Маран и ко мне. Если бы не это, оба предпочли бы оказаться на противоположных концах города, а то и света, подальше друг от друга.

Граф Кальведон учтиво поклонился.

– Дамастес, ты позволишь похитить твою жену? Надеюсь, *она* согласится потанцевать со мной.

Не дожидаясь ответа, он взял Маран за руку и увел ее. В центре залы кружились в танце с полдюжины пар.

Решив, что любое занятие лучше бессмысленного торчания у входа, я отыскал провидицу Синаит. Она, как всегда, была в коричневом, но теперь ее платье было сшито из кожи

тончайшей ручной выделки. Мы протанцевали один танец, и я похвалил ее за иллюзию.

– Мне бы хотелось сделать еще что-нибудь, – призналась Синаит. – Например, произнести какое-то заклинание, чтобы никейская знать слетелась сюда как пчелы на мед. Не могу видеть, как ваша супруга страдает.

– И я не могу, – согласился я. – У тебя есть какие-нибудь предложения?

– Только одно, но оно неосуществимо без участия одного человека, ведущего себя, словно капризный избалованный ребенок. Не стану мучить ваш слух, упоминая его имя.

– Спасибо.

– Не за что.

Я потанцевал с двумя дамами, затем пригласил Амиэль. Танцевать с ней было одно удовольствие. Мы двигались как одно целое; она прижималась ко мне всем телом. Пелсо уже исчез – судя по всему, решив, что выполнил все, чего от него требовали правила приличия.

– Жаль, что этот мерзавец ушел, – шепнула мне на ухо Амиэль.

– Да?

– Если бы он все еще был здесь, быть может, я бы попыталась заставить *его* ревновать.

– Как? И к кому?

– Не знаю, – призналась Амиэль. – Возможно, к тебе. Вспомни, в Никее и так полно народу, убежденного, что у

нас с тобой роман. – Еще когда я только ухаживал за своей будущей женой, Амиэль оказала нам неоценимую услугу, сыграв роль так называемой «ширмы» и заставив всех поверить, что я волочусь за ней. – Например, я стала бы танцевать с тобой... вот так. – Скользя одной ногой мне между колен, она принялась покачивать бедрами. – Рано или поздно кто-нибудь обратил бы на это внимание.

– Прекрати!

– Почему? – улыбнулась Амиэль. – По-моему, это так хорошо.

– Возможно, слишком хорошо, – сказал я, чувствуя, как начинает шевелиться мой член.

Натянуто рассмеявшись, Амиэль тем не менее выполнила мою просьбу.

– Бедный Дамастес, – сказала она. – Он безумно влюблен в собственную жену и к тому же свято чтит данную им клятву. Ты не пьешь, не балуешься травкой... вполне вероятно, в конце концов ваш брак окажется самым прочным во всей Никее.

– Надеюсь, – сказал я.

– Как невыносимо скучно! – надула губки Амиэль. – Но, полагаю, каждому приходится нести свою ношу.

Я был благодарен ей за попытку развеять мои мрачные мысли, но ее усилия были тщетны. Я был готов сказать какую-нибудь очередную глупость, но в это мгновение оркестр смолк. Во внезапно наступившей тишине по всей зале рас-

катился презрительный смех. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что за осел забрел к нам. Смех мог принадлежать только графу Миджуртину – вероятно, самому бесполезному существу, какое когда-либо возвращала с Колеса Сайонджи.

В свое время семейство Миджуртин считалось одним из самых благородных в Никее; за несколько столетий два его представителя успели побывать членами Совета Десяти. Но это осталось в далеком прошлом. Нынешний граф был последним отпрыском угасающего рода. Он женился на женщине из низов – по слухам, на своей собственной прачке, – чтобы не оплачивать счета за стирку белья. Эта парочка жила в нескольких комнатах родового особняка, находившегося в районе у реки, когда-то считавшемся самым фешенебельным в Никее, но теперь превратившемся в трущобы. Остальные помещения огромного особняка пустовали, предоставленные крысам, шнырявшим среди гниющих фамильных реликвий.

Впрочем, к опустившемуся графу никто не питал ни капли сострадания. Заносчивый до такой степени, что он мог бы принадлежать к семейству Аграмонте, Миджуртин считал себя умным, в то время как на самом деле был просто грубым. Кроме того, он обожал сплетни и наушничество. Его уже давно никто и никуда не приглашал, но тем не менее Миджуртин неизменно являлся на любое мало-мальски значительное событие в наряде, сшитом по моде десятилетней

давности, причем приходил он первым, а уходил на рассвете, провожаемый зевками последних держащихся на ногах слуг.

Сейчас по всей зале разносился скрипучий голос Миджуртина, такой же мерзкий, как его смех.

– Знаете, это все равно что Колесо. В прошлом году они были на вершине, а в этом... Что ж, быть может, это хоть немного усмирит их гордыню...

Внезапно осознав, что его тирада слышна всем присутствующим, Миджуртин испуганно осекся, затравленно оглядываясь по сторонам. Из пирожного, забытого в руке, потекла струйка повидла.

Мое терпение лопнуло, но, прежде чем я успел подойти к негодяю, перед ним уже очутилась Маран. Ее лицо было бледным от бешенства, глаза сузились в щелочки.

– Убирайтесь! Убирайтесь немедленно! Миджуртин что-то залепетал в свое оправдание.

Я решительно направился к нему. Увидев меня, он взвизгнул, широко раскрыв глаза от ужаса, и бросился к выходу, словно кабан, учуявший приближение охотника.

Оркестр поспешно заиграл какую-то мелодию, но Маран подняла руку. Сразу же снова наступила полная тишина.

– Обращаюсь ко всем. Вон! Бал закончен!

Ослепленная яростью, Маран схватила обеими руками белую льняную скатерть, на которой стояла ваза с пуншем, и что есть силы рванула ее на себя. Тяжелый хрустальный сосуд с трудом несли двое слуг, но ярость моей жены сдела-

ла его невесомым, словно пушинка. Скользнув по полированному столу, ваза рухнула на пол и взорвалась тысячью осколков. Красный пунш кровью расплескался по блестящему паркету. Немногочисленные гости торопливо поспешили к выходу. Буря на улице не шла ни в какое сравнение с той, что бушевала в зале.

Маран развернулась к музыкантам.

– Все, хватит! Вы тоже можете идти. Те стали быстро собирать инструменты. Я поднял руку, останавливая их.

– Подождите, – тихо произнес я, но мой голос разнесся по всей зале. – Сыграйте «Речка кружится, речка извивается».

Эту песню играл оркестр на увеселительном речном корабле в ту ночь, когда мы с Маран впервые познали друг друга. Впоследствии мне потребовалось много времени и много золота, чтобы установить название песни, но все окупилось с лихвой в день первой годовщины нашей свадьбы, когда те же самые музыканты с корабля исполнили ее для нас с Маран.

Музыканты растерянно переглянулись. Сначала заиграл один, потом к нему присоединился другой, третий. Маран неподвижно стояла у красной лужицы. Слуги с полотенцами наготове застыли рядом, не решаясь приблизиться.

– Графиня Аграмонте, – сказал я, – окажите честь потанцевать со мной.

Она молча шагнула ко мне. Мы закружились в танце. Сначала было слышно, как уходили последние гости; потом не осталось ничего, кроме музыки и шелеста скользящих по

паркету ног.

– Я тебя люблю, – прошептал я.

И тут плотину прорвало. Уронив голову мне на грудь, Маран забилась в истерике. Я подхватил ее на руки – она оказалась невесомой. Я вынес Маран из зала, поднялся по лестнице и зашел в нашу спальню. Ставив покрывало с огромной кровати, я уложил свою жену и медленно раздел ее. Она лежала совершенно неподвижно, не отрывая от меня взгляда. Я тоже быстро скинул с себя мундир.

– Сегодня ночью ты хочешь мне отжаться?

Ничего не ответив, Маран раздвинула ноги.

Опустившись на колени, я провел языком по сокровенному треугольнику. Ее дыхание участилось, но это было единственной реакцией на мои ласки. Я поцеловал Маран в губы, в грудь. Она оставалась неподвижной.

Понятия не имея, что делать дальше, едва возбуждвшись, я проник в ее чрево. С тем же успехом я мог бы насиловать спящую. Я вышел из нее, и она снова не сказала ни слова, только перекатилась на бок, спиной ко мне, и подобрала колени к груди.

Осторожно укрыв ее одеялом, я забрался в кровать и неуверенно обнял Маран за талию. Она по-прежнему оставалась бесчувственной.

Наверное, через какое-то время я заснул.

Проснувшись, я обнаружил, что уже светает. В окно барабанил дождь, в комнате было холодно. Маран стояла у ок-

на, уставившись на улицу. Она была раздета, но, похоже, не замечала холода. Не оборачиваясь, она почувствовала, что я проснулся.

– Пусть убираются к чертовой матери, – тихо прошептала Маран. – Пусть все убираются к чертовой матери. Мне... нам они не нужны.

– Не нужны.

– С меня достаточно, – рассеянно произнесла она. – Я возвращаюсь в Ирригон. Ты можешь ехать со мной, можешь оставаться – поступай как тебе угодно.

Странно, но это заявление успокоило Маран. Она позволила мне уложить себя обратно в постель и сразу же заснула. Но ко мне сон больше не вернулся. Я ворочался в постели до тех пор, пока комната не наполнилась серым светом. Следует ли мне отправляться вместе с женой в Ирригон, величественный замок на берегу реки, протекающей по обширным владениям Аграмонте? При одной этой мысли я пришел в ярость. Ни в коем случае! Я еще никогда не бежал от сражения и не хочу начинать сейчас. Клянусь Исой, клянусь Ваханом, клянусь Танисом, я никуда отсюда не уеду! Рано или поздно император одумается. *Обязательно* одумается.

Одевшись, я спустился в обеденный зал. Судя по всему, слуги работали всю ночь напролет, потому что не осталось никаких следов вчерашнего разгрома.

Проснувшись около полудня, Маран позвала слуг и приказала немедленно собирать вещи. Поцеловав меня на про-

щение, она сказала, что я дурак, и посоветовала ехать вместе с ней. Однако ее слова показались мне неискренними. Может быть, оно и к лучшему, что мы какое-то время пробудем вдали друг от друга. Возможно, Маран винит меня в случившемся.

Проводив взглядом ее карету, скрывшуюся в пелене дождя, я попытался убедить себя, что все эти проблемы вскоре разрешатся сами собой, как это уже бывало прежде. Но мысли мои были невеселы, а в груди царила пустота, как и в огромном дворце.

Сначала я подумал о том, чтобы написать лично Тенедосу, попросив встречи или аудиенции. Я попробовал составить послание, но отбросил с десятков вариантов. Давным-давно отец научил меня одному из главных правил солдата: никогда не оправдываться, никогда не жаловаться. Поэтому я так ничего и не написал императору.

Однако я не предавался праздному безделью. Поскольку скука нередко является уделом военного, ему неплохо знать сотню способов занять себя. Во время пребывания в Каллио я с недовольством пришел к выводу, что нахожусь не в лучшей форме, поэтому после отъезда Маран я взял себе за правило вставать за час до рассвета, проделывать комплекс упражнений, после чего еще целый час бегать. Завтракал я фруктами и кашами, потом час занимался тем или иным видом боевого искусства, не важно каким – стрелял из лука, упражнялся с палицей, кинжалом, фехтовал на мечах и шпа-

гах. Карьян ворчал, но занимался со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.